

ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 3 (30) 2018

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 3 (30) 2018

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2018
© Tomsk State University, 2018

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 3 (30) 2018

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2018
© Томский государственный университет, 2018

CONTENTS

No 3 (30) 2018

Victoria V. Vorobeva, Irina V. Novitskaya. Strategies of encoding predicative possession in the Priural and Kazym dialects of the Khanty language.....	7
Yulia V. Normanskaya. Proto-Permic accent: Internal and external reconstruction	33
Alexander V. Savelyev. Viktor Vishnevsky's <i>Načertanije...</i> and the language of Chuvash written culture in the early 19th century	62
Sergei G. Tatevosov. On the periphrastic verbal subparadigm of Tatar.....	82

REVIEWS

Leonid M. Ivshin. Vocabulary of the Northern Udmurt in recent studies	100
--	-----

PERSONALIA

Serafima S. Sibatrova. Eugenia Kovedyaeva — A Mari linguist (on the 100th anniversary)	106
Style sheet	109

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3 (30) 2018

В. В. Воробьева, И. В. Новицкая. Стратегии кодирования предикативной посессивности в приуральском и казымском диалектах хантыйского языка	7
Ю. В. Норманская. Прапермское ударение: внутренняя и внешняя реконструкция	33
А. В. Савельев. «Начертание...» В. П. Вишневого и язык чувашской письменности в первой половине XIX века	62
С. Г. Татевосов. О подпарадигме аналитических форм татарского глагола.....	82

РЕЦЕНЗИИ

Л. М. Ившин. Лексика северного наречия удмуртского языка в исследованиях ученых последних лет	100
--	-----

ПЕРСОНАЛИИ

С. С. Сибатрова. О Евгении Ивановне Коведяевой — марийском лингвисте (к 100-летию со дня рождения).....	106
Требования к оформлению статей.....	109

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Институт языкознания РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Ширококова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbuev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Стратегии кодирования предикативной посессивности в приуральском и казымском диалектах хантыйского языка¹

1. Введение

Посессивность является одной из ключевых категорий в языке. Структурное кодирование посессивных отношений в языках мира различается. Цель настоящей работы заключается в описании стратегий кодирования предикативной посессивности на основе анализа корпусов текстов на приуральском (обдорском) и казымском диалектах хантыйского языка. Анализ также позволил раскрыть функциональные особенности глагола *täjti/täjti*.

Приуральский и казымский диалекты — представители северной группы континуума хантыйских диалектов (хантыйский язык принадлежит к обско-угорской подгруппе уральской языковой семьи). Современная языковая ситуация среди диалектных массивов хантыйского языка — западного массива, который распадается на северную и южную группы, и восточного массива различается. Из идиом южной группы сейчас функционирует только один говор — усть-назымский (кышиковский) [Соловар, Нахрачева, Шиянова 2016: 8]. Диалекты западного и восточного массива подвержены процессу языкового сдвига. Более ярко этот процесс выражен у носителей восточных диалектов, в частности, васюганского и ваховского диалектов, которые перешли на доминирующий русский язык. Менее всего утратили родной язык представители северной группы и сургутского диалекта восточной группы хантыйского языка, хотя функции этнического языка постоянно сокращаются, ситуация двуязычия в сельских населённых пунктах и, прежде всего, в родовых угодьях и на стойбищах ещё сохраняется [Кошкарёва, Кашкин et al. 2017: 16]. Люди, живущие изолированно группами, состоящими из небольшого количества семей, имеют больше возможностей для сохранения этнического языка и культуры [Skribnik, Koshkaryova 1996].

Приуральский (обдорский) диалект включает в себя два говора. Южнее Салехарда (п. Катравож, Пельвож) распространён усть-собский говор, севернее Салехарда говорят на усть-полуйском говоре (п. Аксарка, Харсаим) [Николаева 1995: 6–9]. Эти населённые пункты расположены в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. На территории Ямало-Ненецкого АО функционируют в основном шурышкарский и приуральский (обдорский) диалекты хантыйского языка. Традиционные занятия ямальских ханты — оленеводство, рыболовство, охота.

Казымский диалект также делится на два говора [Каксин 1989; Соловар, Нахрачева, Шиянова 2016: 10]. Верхнеказымский говор распространён восточнее города Белоярский (с. Казым, д. Юильск, Хуллор), усть-казымский говор распространён западнее города Белоярский (с. Полноват, д. Ванзеват, Тугияны). В целом территорией распространения казымского диалекта является бассейн реки Казым и прилегающие районы Оби в Белоярском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры Тюменской области. В современной литературе по уралистике идиом, распространённый в селе Теги, относится к говору казымского диалекта [Каксин 1989; 2007; Соловар, Нахрачева, Шиянова 2016: 12], однако в силу своего территориального распространения в Берёзовском районе Ханты-Мансийского АО — Югры (с. Теги), язык тегинских ханты ранее определялся как переходный диалект между казымским и шурышкарским [Николаева 1995: 6] или как говор берёзовского диалекта. Традиционные занятия хантов, проживающих на данной территории, те же — рыболовство, охота, оленеводство.

Для анализа предикативной посессивности на приуральском (обдорском) диалекте были отобраны двадцать разных по объёму хантыйских сказок и рассказов (общее количество предложений — 2001) из корпуса И. А. Николаевой [Nikolaeva 1999b], доступных на портале The Endangered Languages and Cultures of Siberia [TELCSS 2018], и пять образцов текстов из «Диалектологического словаря хантыйского языка» (2011), записанные и расшифрованные А. А. Шияновой (157 предложений). Общий объём иссле-

¹ Сбор лингвистического материала выполнен при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014) в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур». Анализ материала выполнен при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 15-18-00044) в рамках проекта «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира».

дуемого материала на приуральском диалекте составил **2158** предложений. Проанализированные сказки на усть-собском говоре из корпуса И. А. Николаевой, опубликованные в 1999 [Nikolaeva 1999b], были записаны в 1990 году в п. Катравож (информанты: Степан Кельчин, Ирина Сязи, Дмитрий Тобольчин, Анна Серасхова). Рассказы Ю. Н. Наковой (Сязи), опубликованные в [ДСХЯ 2011], собраны в 2008—2010 гг. в г. Салехарде. На усть-полуйском говоре в анализ вошли сказки и рассказ из корпуса Н. А. Николаевой [Nikolaeva 1999b], которые были записаны в 1993 г. в п. Харсаим и п. Аксарка (информанты: Людмила Нечаги, Анна Сибарева, Татьяна Ендырева, Анна Ёхма).

На казымском диалекте было проанализировано 32 текста (1999 предложений) из корпуса западно-хантыйских диалектов под ред. Е. В. Кашкина (2012—2014), доступных на портале Open Science Framework [OSF 2018]. Тексты в корпусе представляют собой глоссированные рассказы и сказки из учебников и художественной литературы [Ковган, Кошкарёва, Соловар 1995; Успенская 2002; Нёмысова, Рачинская 2002; Кошкарёва, Соловар 2007]. Также из корпуса западно-хантыйских диалектов был проанализирован один текст на тегинском говоре, общим объёмом в 826 предложений [Лапина 2011]. Кроме упомянутого выше корпуса, в анализ вошли 4 текста (198 предложений) из корпуса обско-угорских языков, доступного на сайте Мюнхенского университета имени Людвига Максимилиана (2009—2012) под ред. Е. К. Скрибник [LMUM 2018]. Корпус Мюнхенского университета на казымском диалекте представляет собой 23 текста, отобранные из печатных изданий К. Редери (1968), Л. Р. Хомляк (2002), Т. А. Молданов (1997, 2001), В. Н. Соловар (1995). Общий объём проанализированного материала на казымском диалекте составил **2197** предложений и на тегинском говоре **826** предложений. В анализ также включены полевые записи речи на казымском диалекте, полученные в результате анкетирования носителя казымского диалекта И. М. Молдановой, преподавателя Ханты-Мансийского технологического педагогического колледжа.

Языковой материал по ваховскому и васюганскому диалекту, представленный в исследовании, получен в результате полевой работы с носителями этих диалектов в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства России № 14.Y26.31.0014). Образцы примеров по васюганскому диалекту получены при работе с Шефер (Ангалина) Антониной Юрьевной, п. Новоюгино, по ваховскому — с Прасиной Еленой Григорьевной, п. Ларьяк и Сигильетовой Тамарой Ильиничной, п. Корлики. Материал на южном диалекте представлен из [Paasonen, Vértes 1980].

Всего было проанализировано **5181** предложение (**62** текста) на двух исследуемых диалектах.

Статья структурирована следующим образом: во втором разделе будут представлены теоретико-методологические основы исследования, третий раздел посвящён описанию стратегий кодирования посессивности в исследуемых диалектах. В заключении будут сформулированы основные выводы.

Представление примеров устроено так: первая строка — название диалекта, из которого приведён пример (в скобках указано название текста и номер предложения в тексте), вторая — хантыйское предложение с разделением словоформ на морфемы, третья — глоссы (как представлено в соответствующем корпусе), четвёртая — перевод на английский язык, пятая — перевод на русский. Хантыйские примеры приведены в транскрипции, использованной в соответствующем корпусе.

2. Ключевые понятия

Посессивности и языковым средствам её выражения посвящено немало работ [Heine 1997; Payne, Barshi 1999; Koptjevskaja-Tamm 2001; 2002; 2003; 2006; Гращенков 2007; Stassen 2009; 2013 и др.]. Важным в теории посессивности является различие двух структурных типов посессивных конструкций — именной (адноминальной²) и предикативной конструкций. В настоящей статье рассмотрены только предикативные посессивные конструкции. В предикативных посессивных конструкциях только устанавливаются отношения обладания, например, как в предложении *У Петра есть книга*, а в именных — объект посессивности называется через его отношение к лицу или другому предмету, как в сочетании *книга Петра* [Kowalik 2016].

Предикативная посессивность описывалась в ряде финно-угорских языков в рамках исследовательского проекта «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала» в Томском государственном педагогическом университете, а также в отдельных работах отечественных и зарубежных лингвистов [Kangasmaa-Minn 1984; Wagner-Nagy 2011: 213—250; Полякова, Воробьева 2016; Kowalik 2016; Budzisch 2015; 2017; Vorobeva, Novitskaja et al. 2017; Vorobeva, Novitskaja 2018a, 2018b]. Однако данная работа ещё далека от завершения, поскольку пока охвачены не все языки и диа-

² См., например, [Koptjevskaja-Tamm 2001].

лекты обско-енисейского ареала. Посессивности в приуральском диалекте посвящён небольшой раздел в [Nikolaeva 1999a: 42], для казымского диалекта посессивные отношения описаны Н. Б. Кошкарёвой [Кошкарёва 2005], семантические свойства глагола обладания исследованы Н. В. Соловар [Соловар 2007; 2009]. Новизна нашей работы заключается в корпусном анализе и типологизации предикативных посессивных конструкций в приуральском (обдорском) и казымском диалектах в рамках функциональной теории грамматики.

Теоретическая и методологическая база настоящего исследования основывается на трудах Б. Хайне [Heine 1997], Л. Хонти [Honti 2006; 2008a; 2008b; 2013] и Л. Стассена [Stassen 2009], посвященных описанию стратегий выражения посессивности в языках мира. Согласно результатам типологических исследований, посессивность может трактоваться как «языковое выражение отношений между двумя сущностями — посессором и объектом посессивности, первый видится имеющим некоторые отношения со вторым, находящимся в непосредственной близости или под контролем первого. Между посессором и объектом посессивности могут существовать различные типы отношений, но эти отношения, как правило, выводятся из лексического значения посессора и объекта посессивности» [Милованова 2007: 96]. В межязыковой перспективе посессивные отношения могут выражаться разноуровневыми языковыми средствами, набор которых для каждого языка индивидуален. В этой связи выявление сущностных характеристик языковой категории посессивности в различных диалектах хантыйского языка представляется достаточно перспективной задачей.

В обобщенном виде концептуальные свойства посессивности были описаны Б. Хайне [Heine 1997: 33—41]. Классификация концептуальных свойств посессивности включает в себя признаки обладателя (человек — не-человек), признаки обладаемого (одушевлённое — неодушевлённое) и характер отношений посессивности между ними (физический, временный, постоянный, абстрактный, неотчуждаемый/отчуждаемый и т. д.). Отчуждаемая посессивность определяется как «прототипический» или «канонический» случай посессивности [Taylor 1989; Heine 1997: 5]. Характер посессивных отношений (временный, абстрактный и т. д.) в языках может находить разные средства выражения. В английском языке идеи посессивных отношений выражаются транзитивной конструкцией с глаголом *to have*, ср. формы предложений с временным и с физическим характером посессивности: *I have your book, but I have it at home* [Kowalik 2016: 5]. В ряде теоретических подходов [Clark 1978; Taylor 1989] посессивность не получает самостоятельного статуса, а считается особой, дополнительной характеристикой пространственных (локативных) отношений или одним из видов этих отношений [Stassen 2009: 12]. Л. Стассен считает, что концептуальное составляющее посессивности не может сводиться только к локализации [Stassen 2009: 12], хотя неоспоримым аргументом в защиту этой теории является тот факт, что во многих неродственных языках имеет место формальное совпадение конструкций, используемых для выражения отношения обладания и выражения пространственного (локативного) значения. В монографии Л. Стассена приведено значительное количество примеров из неродственных языков с подобным «параллельным» кодированием локативных и посессивных отношений (см. примеры [Stassen 2009: 12—13]). В качестве иллюстрации приведём примеры из приуральского диалекта хантыйского языка, в которых семантика посессивных и локативных отношений кодируется конструкцией с местным падежом на наречии (1) или существительном (2).

(1) Приур. соб. (Лиса 141—142)

təmatta lɔj-t̃ w̃l nɔxər j̃j̃x lɔj-əl. lip-el-na χ̃səp-ət
 yesterday stand-IPFV.PTCP big cone tree stand-NPST.3SG.S inside-POSS.3SG-LOC hollow-PL
ul-li-j-əl pa ši ler t̃aj-əl...
 be-DER.IPFV-DER.FREQ-NPST.3SG.S and this root have-NPST.3SG.S

There used to be a big larch tree. **There are hollows** and roots in trees like that.

‘Вчера там большая лиственница стояла. **Внутри** таких лиственниц **бывают** дупла и у них есть корни’.

(2) Приур. соб. (Прекрасный ребёнок 44)

ur-na wɔj-ət χ̃j̃l-ət ši ul-li-t-el.
 forest-LOC animal-PL fish-PL FOC be-DER.IPFV-IPFV.PTCP-3PL

There are wild animals and fish in the forest.

‘В лесу есть дикие животные и рыба’.

Совпадение конструкций для кодирования локативных/бытийных и посессивных отношений не универсально. Так, например, в английском языке языковое выражение посессивных отношений пре-

имущественно нелокативное, и для кодирования посессивности используется транзитивная конструкция с глаголом *to have*.

В уральских языках нет глагола *habere*, унаследованного из языка-основы, поэтому можно сказать, что уральская *Habeo*-конструкция по своему типу напоминает латинскую конструкцию *mihi liber est* ‘У меня есть книга’ [Honti 2008: 162]. Тем не менее конструкция типа *habeo librum* в обско-угорских языках используется чаще, чем конструкция с глаголом бытия [Honti 2008: 164].

В ряде работ было высказано мнение о том, что «пространственная сплочённость» участников отношений обладания — это не единственный важный параметр в определении понятия «посессивность» [Seiler 1983; Heine 1997; Baron, Herslund 2001; Stassen 2009]. Поскольку отношения между обладателем и обладаемым асимметричны, Л. Стассен [Stassen 2009] выделяет второй важный параметр — «контроль». Обладаемое всегда «контролируется» обладателем и, как следствие, обладатель, осуществляющий «контроль», является одушевлённым лицом [Stassen 2009: 15]. Неодушевлённые посессивные отношения Л. Стассен не рассматривает, так как в них «не вовлечён контроль обладателя над обладаемым» [Stassen 2009: 17], как, например, в предложениях с неодушевлённой отчуждаемой принадлежностью *That flower has a beetle on it* ‘На том цветке есть/имеется жук’ и с неодушевлённой неотчуждаемой принадлежностью *The flower has petals* ‘У цветка есть лепестки / Цветок имеет лепестки’. Тем не менее, Б. Хайне [Heine 1997: 36] классифицирует подобного рода отношения как посессивные на том основании, что во многих языках, включая английский, кодирование этих отношений формально идентично кодированию других случаев посессивности, ср. *The table has four legs* ‘У стола четыре ножки’ и *John has four cars* ‘У Джона четыре машины’.

Приведенные выше мнения позволяют заключить, что посессивные отношения между одушевленным обладателем и неодушевленным обладаемым, при которых обладатель «контролирует» обладаемое, представляют собой прототипический случай посессивности, как, например, в *The girl has a toy* ‘У девочки игрушка’. При этом конструкция, кодирующая прототипическую посессивность, может также применяться для языковой репрезентации отношений между неодушевленным обладателем и неодушевленным объектом обладания, в которых контролирующий статус обладателя не может быть установлен. Приведенные примеры с цветком (*That flower has a beetle on it* и *The flower has petals*) свидетельствуют о расширении функционального поля конструкции, т. е. охвате ею периферийных значений посессивности, например отношений между целым и частью.

В настоящей работе мы будем опираться на формальный критерий, развиваемый в [Heine 1997; Kortjevskaja-Tamm 2002; Kowalik 2016], и включать в анализ предложения с различным характером посессивных отношений: прототипическим и периферийным. К периферийной зоне мы относим посессивные отношения неотчуждаемой, временной, абстрактной, а также неодушевлённой семантики. Подобный подход позволяет зафиксировать все случаи использования анализируемой конструкции в периферийной зоне поля посессивности и типологизировать модели расширений. Для наглядности предлагаем сравнить примеры предложений с семантикой одушевлённого неотчуждаемого, абстрактного и неодушевлённого неотчуждаемого обладания из приуральского диалекта и тегинского говора:

- (3) Приур. соб. (одушевленное неотчуждаемое обладание)

χэн χулэм жик тӱж-эл. (Три сына 1)

king three boy have-NPST.3SG.S

A tsar has three sons.

‘У царя три сына’.

- (4) Каз. тег. (абстрактное обладание)

i mənís šuop-ije tӱж-l-эм. (Сын Царевича: 800)

one fairytale piece-DIM иметь-NPST-1SG.S

I have a little fairy-tale.

‘У меня есть одна сказочка’.

- (5) Приур. соб. (неодушевлённое неотчуждаемое обладание)

jina, law-əl, śi jӱχ χōti ma art-l-lem, ...

right say-NPST.3SG.S this tree how 1SG investigate-NPST-PL.1SG.S

lӱw lip-el-na χōsap tӱж-эл. (Лиса 145)

3SG inside-3SG-LOC hollow have-NPST.3SG.S

“Right,” he said. “I see this tree, it’s hollow on the inside.”

‘Хорошо, — он сказал. — Я вижу это дерево, оно дупло внутри имеет’.

В публикациях Л. Стассена выделяется четыре базовых структурных стратегии, используемых в языках мира для кодирования предикативной посессивности: локативная, комитативная, топик-стратегия и транзитивная стратегии [Stassen 2009: 48; Stassen 2013]. Другие учёные к четырём базовым добавляют ещё пятую — генитивную стратегию [Kowalik 2016: 9—10]. Л. Стассен считает, что в генитивной конструкции посессивность реализуется в форме атрибутивной синтагмы [Stassen 2009: 107], и этот фактор не позволяет её отнести к предикативным. Эта же конструкция, имеющая структуру (N — GEN — N или PP — N), определяется А. Е. Кибриком [Кибрик 2000; 2003; Кибрик et al. 2006], как конструкция с внутренним посессором, и в целом часто называется посессивной [Кибрик et al. 2006: 16]. Из перечисленных выше стратегий в хантыйском языке реализуются две — локативная и транзитивная. Приведем далее с опорой на [Stassen 2009: 48] обзор локативной и транзитивной стратегий.

Локативная стратегия. Идея предикативной посессивности в этой стратегии выражается на базе локативного/бытийного предложения, содержащего непереходный глагол «быть» или «существовать». В некоторых языках, как, например, в исследуемом нами хантыйском языке, допускается нулевая форма бытийного глагола в настоящем времени или его выражение с помощью суффикса-предикатора (в восточных диалектах). Эта стратегия имеет три отличительные черты, во-первых, наличие или имплицитное присутствие экзистенционального предиката, во-вторых, посессор маркируется либо падежным суффиксом, либо предложной конструкцией, либо любым другим средством, которое есть в языке для выражения пространственного значения, в-третьих, обладаемое, являясь подлежащим предложения, согласуется с предикатом. Схематически эта конструкция может быть представлена так:

At/to PR³, (there) is/exists a PD⁴ [Stassen 2009: 50].

В качестве примера приведем предложение из восточного диалекта хантыйского языка:

- (6) Вас. (Полевые записи 2017)
män-nä wäl-wäl äysəʃ-əm.
 1SG-LOC be-NPST.3SG.S mushroom-POSS.1SG
 I have mushrooms.
 ‘У меня есть грибы’.

Транзитивная стратегия. Предикативная стратегия с глаголом «иметь» определяется как переходная конструкция и по этому критерию противопоставляется локативной стратегии. Транзитивную стратегию можно определить по следующим характеристикам: во-первых, по наличию переходного глагола, во-вторых, по тому, что обладатель выступает подлежащим предложения, а обладаемое — прямым дополнением. Транзитивная стратегия может включать и другие переходные глаголы со значением «физического контроля или управления», такие как «получать, захватывать, брать» или «держат, хранить, ходить». Схематически транзитивная стратегия представлена как:

PR has a PD [Stassen 2009: 63].

Проиллюстрируем реализацию данной стратегии примерами из восточного и южного идиомов хантыйского языка.

- (7) Вах. (Полевые записи 2017)
ī qu qoləm äwi täja-wäl.
 this man three daughter have-NPST.3SG.S
 This man has three daughters.
 ‘У этого мужчины три дочери’.
- (8) Конд. (Старик šoŋχ-χuš 1150)
män-pa kōr täj-t-am.
 1SG-PRTC leg have-NPST-1SG.S
 I also have a leg.
 ‘Я тоже ногу имею’.

Опираясь на приведенные описания структурных схем предикативной посессивности, представим и проанализируем все возможные конструкции кодирования посессивности в приуральском (обдорском) и казымском диалектах хантыйского языка.

³ PR — обладатель (от англ. possessor)

⁴ PD — обладаемое (от англ. possessed)

3. Стратегии кодирования предикативной посессивности в приуральском (обдорском) и казымском диалектах хантыйского языка

3.1. Транзитивная стратегия

Наиболее распространённой для кодирования предикативной посессивности в приуральском и казымском диалектах хантыйского языка следует считать транзитивную стратегию, которая базируется на переходном, двухвалентном глаголе приур. соб. *tǎjtī*, пол. *tǎjtī*, каз. *tǎjtī* ‘иметь’, субъектом которого является обладатель, а прямым объектом – обладаемое. В текстовом корпусе на приуральском диалекте нами было выделено 97 примеров транзитивной предикативной конструкции из 2158 предложений, а в корпусе на казымском диалекте общим объёмом 2197 предложений — 69 примеров.

В транзитивной посессивной конструкции глагол *tǎjtī/tǎjtī* может морфологически оформляться любыми личными и неличными показателями глагола за исключением показателей объектного спряжения и пассивного залога. Указанное ограничение в использовании грамматических форм позволяет считать глагол обладания полутранзитивным глаголом [Милованова 2007; Stassen 2009], который представляет действие как состояние обладания предметом.

Представим транзитивную конструкцию схематически:

Модель 1. Транзитивная стратегия
(PR) — PD — *tǎj-/tǎj*-^{S,PM}

Рассматриваемая стратегия используется в исследуемых диалектах для кодирования отчуждаемого, неотчуждаемого, абстрактного, физического/временного, неодушевлённого обладания.

Прежде всего, данная стратегия реализуется при кодировании прототипических случаев посессивности, т. е. для обозначения посессивных отношений между одушевленным обладателем и неодушевленным обладаемым. Пример 9 служит иллюстрацией такого прототипического случая — отчуждаемой посессивности.

(9) Каз. (Хуйтункистан: 7)

in ike-n olǰallak jaŋ laraś tǎj-əl.
this man-POSS.2SG also ten chest have -NPST.3SG.S
This man has ten chests.
‘Он имеет также десять сундуков’.

Неотчуждаемая посессивность представлена в примере 10:

(10) Приур. соб. (Девушки катаются с горы 10)

худмет сэм тǎй-л-аңэн.
third eye иметь-NPST-3DU.S
They have the third eye.
‘По третьему глазу имеют’.

Примеры 11—12 свидетельствуют о том, что рассматриваемая стратегия способна кодировать абстрактную и временную посессивность.

(11) Каз. (Орёл 208)

molti piś ki ǎnt tǎj-l-ən tāta śi joxət-l-aj-mən.
any cunning if NEG have-NPST-2SG.S here FOC come-NPST-PASS-1DU
If you do not have any cunning, he will catch up with us now.
‘Если нет у тебя какой-нибудь хитрости, он сейчас нас догонит’.

(12) Приур. соб. (Лиса 64)

nǎj rupit-tī mūr tǎj-l-ən ki, kit-l-ən ki plǎtnik-ət
2SG [work]-IPFV.PTCP people have-NPST-2SG.S if send-NPST-2SG.S if [carpenter]-PL
sup-pi nǎrəm-na wer-tī mǎs-l, law-əl.
piece-TRNS bridge-LOC make-IPFV.PTCP must-NPST.3SG.S say-NPST.3SG.S

If you have workers, if you send carpenters, a bridge must be built over the river.
‘Если у тебя есть рабочие, если у тебя есть плотники, мост должен быть построен’.

В примере 13 проиллюстрировано кодирование неодушевлённой посессивности с помощью транзитивной стратегии:

(13) Каз. (Речной Земли Мужчина и Обской Земли Мужчина 96)

ši xoras-əp wōn nəxr-ət tāj-ət!
 this appearance-ADJ big pine-nut-PL have-NPST.3SG.S

It has such big pine-nuts.

‘Этот (кедр) такие большие **шишки имеет!**’

Далее рассмотрим особенности функционирования транзитивной стратегии в двух диалектах, к числу которых относятся: 1) вариантность структуры транзитивной посессивной конструкции и оформления глагола *tājti/tājti* как её основного члена, 2) актантное окружение глагола *tājti/tājti* в транзитивной посессивной конструкции.

3.1.1. Структурные варианты и формы глагола *tājti/tājti* в транзитивной стратегии

В исследуемых диалектах транзитивная посессивная конструкция может реализовываться в своих структурных вариантах, различающихся по некоторым параметрам. Во-первых, в данной конструкции посессор может иметь имплицитное выражение, как представлено в примере 14:

(14) Каз. (Петли на зайцев 9)

šaj kawərt-s-əw, mōj lajam tāj-l-əw, tut jūx sewər-s-əw.
 tea boil-PST-1PL.S what ax have-NPST-1PL.S fire wood hack-PST-1PL.S

We boiled tea, **we have an ax, we hacked** firewood.

‘Вскипятили чай, **топор-то есть у нас, дров нарубили**’.

Во-вторых, в рассматриваемой конструкции обычный порядок слов может быть изменен, например, SOV > SVO (см. пример 15) или SOV > OSV (см. пример 16):

(15) Каз. (Ловушки на зайца 12)

ma širn xōs-kəm tāj-s-əm lis aj iki-l-am
 1SG then twenty-DER.APPRX have-PST-1SG.S loop small man-PL-POSS.1SG

iši-kəm alpa tāj-s-ət.
 same-DER.APPRX probably have-PST-3PL.S

Then **I had** about twenty **loops**, the boys had about the same.

‘**У меня** было около двадцати **ловушек**, у мальчиков примерно столько же’.

(16) Каз. (Как ханты ходили к Казым-реке 41)

i šart saran taj-l-ət...
 one shaman zyrian have-NPST-3PL.S

The Zyrians have a shaman...

‘**У зырян есть шаман...**’

В-третьих, индексация обладателя может осуществляться посредством посессивных маркеров на обладаемом, как в примере 17:

(17) Приур. соб (Лиса 25)

ma itta i pōtər tāj-l-əm, law-əl, tūta mūs tāxaj-na taś-əŋ wəs
 1SG that one speech have-NPST-1SG.S say-NPST.3SG.S here cow place-LOC herd-ADJ.PRP town

χuj u-l pa, ew-el tāj-əl.
 man be-NPST.3SG.S and girl-POSS.3SG have-NPST.3SG.S

‘I have something to say’ — the fox says. — ‘there is a rich town man, **he has a daughter**’.

‘«У меня есть, что сказать», — говорит лиса. — «Здесь есть мужик из богатого города, **у него есть дочь**»’.

Следует отметить, что в исследуемых диалектах первый структурный вариант встречается чаще, чем остальные; более того, третий структурный вариант представлен только единственным примером.

Как отмечалось выше, в приуральском и казымском диалектах глагол *tājti/tājti* в составе транзитивной посессивной конструкции (т. е. для выражения посессивной семантики) может быть оформлен личными и неличными формами глагола за исключением форм пассивного залога и объектного спряжения. Чаще всего глагол *tājti/tājti* употребляется в форме субъектного спряжения непрошедшего или прошедшего времени изъявительного наклонения, что можно увидеть в примерах 9—17 выше. Тем не менее, глагол *tājti/tājti* встречается и в формах других наклонений. Приведём примеры употребления глагола обладания в повелительном (пример 18) и в эвиденциальном (пример 19) наклонениях.

- (18) Приур. соб. (Три сына 7)

ši kem-na law-ili-j-əl *ānti: “pa nāṅ ḡḡ ki, ḡḡ tāj-a-ti,*
 DET after-LOC say-DER.IPFV-DER.FREQ-NPST.3SG.S DET and 2SG money if **money have-IMP-PL**
ma ḡḡ ān tāj-l-əm pa mōla wer?”
 1SG money NEG have-NPST-1SG.S and what matter

Then he said: “If you have money, **have money, I don’t have money**, what’s the matter?”

‘Затем он сказал: «Если **вы имеете деньги**, имейте деньги, **я не имею денег**, какая разница?»’

- (19) Приур. соб. (Семь ножей 17–18)

šikāṅšaitta ši niṅ-əl *šikāṅša ātti lujət tāj-m-al.* *lujət tāj-m-al*
 DET this **woman-POSS.3SG** DET DET **ring have-PFV.PTCP-3SG** **ring have-PFV.PTCP-3SG**
pa ši lujt-əl *šikāṅša lūw-el mā-l-a.*
 and DET ring-POSS.3SG DET 3SG-ACC/DAT give-NPST-PASS.3SG

The woman had a ring. She had a ring and gave him the ring.

‘У женщины есть, оказывается, кольцо. У женщины кольцо, оказывается, есть и это кольцо она даёт ему’.

Употребляясь в нефинитных формах, глагол *tājtī/tājtī* также передаёт посессивное значение. Для иллюстрации приведём примеры глагола *tājtī/tājtī* в форме причастия настоящего времени (пример 20) и деепричастия (пример 21).

- (20) Каз. (Охотник без ружья 16)

poškan ānt tāj-t-en-ən *ši arat wəj xul.*
gun NEG **have-IPFV.PTCP-2SG-LOC** this amount animal fish

When you don’t have a gun, there are animals and fish.

‘Когда у тебя нет **оружия**, так много зверей и рыбы’.

- (21) Приур. соб. (Лиса 90)

jina pa ši tāj-man ši pa kāmānsi kopejka χis-m-al.
 right and DET **have-CVB** DET and how:many [kopeck] remain-PFV.PTCP-3SG

It’s true, **you had so** much and only a few kopeks remained.

‘Правда, ведь **ты** столько **имел**, и только несколько копеек осталось’.

3.1.2. Актантное окружение глагола в транзитивной стратегии

Выше было сказано о том, что валентность глагола *tājtī/tājtī* в транзитивной посессивной стратегии предполагает наличие обладателя и обладаемого. Рассмотрим возможные варианты выражения обладателя и обладаемого.

В большинстве случаев обладатель является одушевлённым лицом, обозначенным личным местоимением (пример 22) или именем собственным (пример 23).

- (22) Приур. соб. (Семь ножей 45)

mūṅ lapət kesi tāj-l-əw.
 1PL seven **knife have-NPST-1PL.S**

We have seven knives.

‘У нас есть семь ножей (**Мы семь ножей имеем**)’.

- (23) Приур. соб. (Пор-Нэ и Мощ-Нэ 4)

māš-niṅ-ije-l *mūw lōwat taś tāj-əl,* *jīṅk lōwat taś tāj-əl* *nu.*
moshch-woman-DIM-POSS.3SG earth size **herd have-NPST.3SG.S** water size **herd have-NPST.3SG.S** INTJ

Moshch-woman has a herd, as big as the earth, as big as the water.

‘У Мощ-Нэ есть стадо, такое же большое, как земля и вода’.

В качестве обладателя может также выступать неодушевлённый объект, обозначенный как именем собственным (например, названием посёлка), так и нарицательным. В примере 24 обладатель выражен нарицательным именем.

- (24) Приур. соб. (Девушки катаются с горы 6)

Šci vedṗasla-ty xom naṅk *paṅart-ət* *əḍty ver-man*
 this hunt-IPFV.PTCP **house larch.tree log-PL** of make-CVB

ул-л-а, ищни тай-эл...
 be-NPST-PASS.3SG window have-NPST.3SG.S
 This house of the hunter is made of larch, there are windows...
 ‘Этот дом охотника сделан из лиственницы, окна есть...’

В свою очередь, обладаемое может быть любой сущностью — неодушевлённой, одушевлённой, абстрактной, неотчуждаемой. Неодушевленным обладаемым может быть любой объект окружающего мира, являться собственностью обладателя, как в примере 25, или принадлежать ему временно, как в примере 26.

(25) Приур. пол. (Вайнин 21)

siti laj-əl, māsa p̄raj-na or ewəlt kāt jaχ et-s-əχən, it-l
 so stand-NPST.3SG.S what time-LOC forest from two man come:forth-PST-3DU one-POSS.3SG
nāwi tāj-t̄-t tāj-əl, it-l puti tāj-t̄-t tāj-əl.
 white have-IPFV.PTCP-NMLZ have-NPST.3SG.S one-3SG black have-IPFV.PTCP-NMLZ have-NPST.S
 At that time two men came out of the forest, one dressed in white clothes, the other dressed in black clothes.
 ‘В это время два мужчины появились из леса, один одет в белое (досл. белое одетое имеет), другой — в чёрное’.

(26) Приур. пол. (Вайнин 45)

ākkul jukanni p̄ tamətta ākkul tāj-əs, kālaχ ākkul, a tam χāt̄l p̄ p̄arta
 rope instead and yesterday rope have-PST.3SG.S reindeer rope [but] this day and back
juw-m-al-na p̄ mālli pam wer-ti māla kul-na wer-əm p̄ sí
 come-PFV.PTCP-3SG-LOC and forever grass make-IPFV.PTCP what rope-LOC make-PFV.PTCP and this
muw waj-l-al jirs-əl-əm-al ol-l-ət.
 land animal-PL-POSS.3SG tie-DER.IMPF-PFV.PTCP-3SG be-NPST-3PL.S
 Yesterday she had a rope; coming back today she made a rope of hay and tied the mice.
 ‘Вчера у неё была верёвка, возвращаясь сегодня, она сделала верёвку из травы и связала мышей’.

Одушевлённым обладаемым может быть любой живой объект действительности. В приведённых примерах обладаемым выступает работник (пример 27), друг (пример 28), родственник (пример 29).

(27) Приур. соб. (Три сына 3)

χən tāj-əl rupit-t̄ jik, rupit-t̄ jik, lel-əm-ti jik tāj-əl.
 king have-NPST.3SG work-IPFV.PTCP boy work-IPFV.PTCP boy sit-VBLZ.INCH-IPFV.PTCP boy have-NPST.3SG.S
 The tsar has a young man who works, he has the boy who works sitting.
 ‘Царь имеет работающего мальчика, работающего мальчика он сидящим имеет’.

(28) Приур. соб. (Лиса 6)

ut'sa ul-t̄ χət-na, wan u-s χ̄w u-s,
 alone be-IPFV.PTCP house-LOC short be-PST.3SG long be-PST.3SG.S
n̄m̄as-n j̄χət-l-a: “ma jina pa luχəs tāj-s-əm katra.
 mind-LOC arrive-NPST-PASS 1SG right and friend have-PST-1SG.S before
 He lived alone at home for a long or a short time and thought: “Once I had a friend”.
 ‘Долго ли, коротко ли он жил и думал: «Раньше у меня был друг»’.

(29) Каз. (Полевые записи 2017)

jaj-em hawrem tāj-əl.
 brother-POSS.1SG child have-NPST.3G.S
 My brother has a child.
 ‘У моего брата есть ребенок’.

Неотчуждаемым обладаемым, как правило, выступают части тела или партитивные части целого. В примере 30 обладаемое является частью тела животного:

(30) Каз. (Полевые записи 2018)

amp-ən ŋāl k̄or tāj-əl.
 dog-POSS.2SG four leg have-NPST.3SG.S
 A dog has four legs.
 ‘У собаки четыре ноги’.

Обладаемое может быть выражено абстрактной сущностью, как в примерах 31—32:

(31) Приур. соб. (Лиса 31)

pa kas χōti mōla itta tāj-l-əm.
and desire how what DET have-NPST-1SG.S

I have a wish.

‘У меня есть желание’.

(32) Приур. соб. (Лиса 135)

i wer ittam ma tāj-l-əm pǎltap jasəŋ.
one thing DET 1SG have-NPST-1SG.S afraid speech

There’s only one thing, a horrible thing to tell.

‘У меня ужасная новость’.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что в проанализированном корпусе текстов на приуральском и казымском диалектах хантыйского языка транзитивная стратегия является приоритетной. Структура транзитивной предикативной конструкции в этих диалектах соответствует всем критериям транзитивной стратегии кодирования посессивных отношений в языках. Транзитивная конструкция реализуется при кодировании всех концептуальных составляющих посессивности, включая неодушевлённую посессивность. Основой конструкции служит глагол *tājti/tājti*, который может быть оформлен личными и неличными показателями глагола за исключением форм пассивного залога и объектного спряжения. Актантное окружение глагола *tājti/tājti* предполагает наличие обладателя и обладаемого, которые могут обозначать любую сущностью окружающего мира.

Далее рассмотрим непосессивные значения глагола *tājti/tājti*, которые реализуются вне транзитивной конструкции.

3.1.3. Семантический потенциал глагола *tājti/tājti* в категориальных формах, отличных от объектного спряжения и пассивного залога

В исследуемых диалектах глагол *tājti/tājti* в формах субъектного спряжения непрошедшего или прошедшего времени изъявительного, условного, повелительного или эвиденциального наклонений может реализовывать значения, отличные от посессивного [DEWOS 1966—1993: 1399—1400; ХРС 2006: 261—262; Соловар 2009: 88—91; ДСХЯ 2011: 124—125]. Как правило, непосессивная семантика глагола *tājti/tājti* проявляется в тех случаях, когда глагол комбинируется с объектом, имеющим определенный референциальный статус, с послелогом или обстоятельством места.

Одно из значений, которое актуализируется у глагола *tājti/tājti*, маркированного суффиксами субъектного спряжения, это значение ‘держать, хранить’. Идея хранения чего-либо передаётся, когда в окружении глагола *tājti/tājti* наличествует объект и обстоятельство места, индексирующее местоположение объекта. Для иллюстрации приведём пример 33.

(33) Каз. (Мальчик с той стороны, где солнце восходит, и девочка с той стороны, где солнце садится 43)

toxelt pəl-a āŋkərt-əs sawnε hōl-əl-ən molti wurti pəxsa-ije tāj-əl.
thither to-DAT take.a.look-PST.3SG magpie beak-3SG-LOC something red big.thing-DIM have-NPST.3SG.S

He looked there: a magpie holds something red in his beak.

‘Он посмотрел туда: **сорока держит в клюве что-то красное**’.

Передавая значение ‘рожать’ или ‘воспитывать’, глагол *tājti/tājti* употребляется с именами, обозначающими родственников или потомство, например, *ewi* ‘дочь’, *pōχ* ‘сын’, *hāwrəm* ‘ребёнок’, *pōšəχ* ‘детёныш, птенец’. В примере 34 проиллюстрирована реализация значения рожать с помощью глагола *tājti/tājti*.

(34) Приур. соб. (Лиса 7)

i kūt ewəlt jəχ hāwrem tāj-l-əŋən.
one interval from boy child have-NPST-2DU.S

One day they’ll give birth to a son.

‘После у них **родится мальчик**’.

Глагол *tājti/tājti* в примере 35 передаёт значение ‘воспитывать’.

(35) Каз. (Полевые записи 2018)

nāŋ ew-en ki tāj-s-ən, lūw lōlən jām χānneχō-ja ji-s.
2SG daughter-POSS.2SG if have-PST-2SG.S 3SG PRTC good person-DAT become-PST.3SG.S

If you had brought your daughter up, she would have grown a good person.

‘Если бы ты **воспитывала дочь**, то она бы выросла хорошим человеком’.

В примере 36 глагол обладания используется в значении ‘рожать’. В этом примере глагол *täjti* употребляется в форме эвиденциального наклонения.

(36) Каз. (полевые записи 2018)

pöx täj-m-ał.

son have-PFV.PTCP-3SG

It turns out that **she gave birth to a son.**

‘Оказывается, она родила сына’.

Семантика, передаваемая глаголом *täjti/täjti*, может зависеть от имён с абстрактным значением, с которыми он образует единую фразовую единицу. Как следует из примера 37, словосочетание *öš* ‘ум’ + *täjti/täjti* имеет значение ‘понимать’:

(37) Каз. (Полевые записи 2018)

naŋ möj isa öš an täj-l-an?

2SG what always mind NEG have-NPST.2SG.S

Don't you understand it?

‘Ты что же не понимаешь что ли?’

С помощью словосочетания *wer* ‘дело’ + *täjti/täjti* в примере 38 передаётся значение ‘привыкать что-либо делать’:

(38) Приур. соб. (Сказка-быль о человеке, который ждал гостей допоздна 51)

Щитәдна ци таңха амоса додм-ем-эм вер мүй-әс
therefore DET probably may steal-PFV.PTCP-1SG thing have-PST.3SG.S

na mäsaŋ möla na atam wer-l-ał mүй-әс na нумас-әл
and maybe what other bad case-PL-POSS.3SG have-PST.3SG.S and think-NPST.3SG.S

щит-ңән ахәлца йохталый-эм нәңхә-ңән.

DEM-DU where.from arrive-PFV.PTCP man-DU

Therefore, probably, **he got used to stealing** and maybe **had** other bad **habits**, he was thinking of where these two people came from.

‘Поэтому, наверное, за ним действительно **воровство было** или другие плохие **привычки**, думает, откуда приехали эти двое людей’.

Сочетание слов *nomas* ‘мысль’ + *täjti/täjti* передаёт значение ‘думать’:

(39) Каз. (Речной Земли Мужчина и Обской Земли Мужчина 39)

rip-i-n nölt-l-әmn näŋ isimort män-em tәlm-әm-a ši nomas täj-l-an

bear-EP-LOC bet-NPST-1DU 2SG anyway 1SG-POSS.1SG steal-PFV.PTCP-DAT FOC thought have-NPST-2SG.S

We put a bear at stake: probably you still **think** that I have stolen it?!

‘Медведем поклянемся: ты, наверное, все равно **думаешь**, что я украл?!’

Сочетание слов *wüs* ‘hole’ + (*ән*) *täjti/täjti* передаёт значение ‘быть неспособным делать что-либо’.

(40) Каз. (Женщина с детьми, оставленная в пустом стойбище 85)

in һawrem-әт, want-ti, ән нөм-ti һawrem-әт

now child-PL look-IMP.2PL NEG remember-IPFV.PART child-PL

moj potәrt-ti wüs täj-l-әт.

what say-IPFV.PTCP hole иметь-NPST-3PL.3SG

And children in fact, you see, are at the age of remembering nothing and they **cannot** speak.

‘А дети ведь, видишь, ещё в возрасте ничего не помнящих детей и говорить **не могут** (букв.: какую дырку говорить имеют)’.

Глагол *täjti/täjti* в комбинации с *wer* ‘дело’ и послелогом *хәса* ‘к’ или *кәш* ‘для’ + *wer* ‘дело’ + *täjti/täjti* — помогает передать значение ‘вести дело с кем-либо’.

(41) Каз. (Находчивый слуга 8)

ma һw keš-el-a i wer täj-l-әт.

1SG 3SG for-3SG-DAT one affair have-NPST-1SG.S

I have a matter to discuss with him.

‘У меня к нему дело’.

3.1.4. Семантический потенциал глагола *tǎjtĩ/tǎjtĩ* в формах объектного спряжения и пассивного залога

В двух исследуемых диалектах глагол *tǎjtĩ/tǎjtĩ* может принимать формы объектного спряжения и пассивного залога. Для сравнения, в «восточнохантыйском полутранзитивный глагол *tajtĩ* форму пассивного залога не образует» [Фильченко, Потанина 2016: 66]. В формах объектного спряжения и пассивного залога глагол *tǎjtĩ/tǎjtĩ* выражает только непосессивные значения [ХРС 2006; Соловар 2009], при этом он функционально связан с объектом определённой семантики, обстоятельством места или с другим смысловым глаголом в неличной форме.

Чаще всего глагол *tǎjtĩ/tǎjtĩ*, маркированный суффиксами объектного спряжения и пассивного залога, употребляется в значении ‘держать, хранить, относиться’. В значении ‘держать’ он употребляется в сочетании с одушевлёнными и неодушевлёнными объектами окружающего мира, в значении ‘хранить, находиться’ — только с неодушевлёнными, а в значении ‘относиться’ — с одушевлёнными. Как правило, экспликация данной семантики предполагает наличие элемента, обозначающего обстоятельство места. В примере 41 глагол *tǎjtĩ/tǎjtĩ* в форме пассивного залога передаёт значение ‘относиться к кому-либо’.

(42) Каз. (Об олене 5)

ma kōša-j-əm-n atm-a tǎj-l-aj-əm.
1SG owner-EP-1SG-LOC bad-ADV have-NPST-PASS-1SG

The owner treats (keeps) me badly.

‘Мой хозяин **ко мне** плохо **относится**’.

В следующем примере с помощью глагола *tǎjtĩ/tǎjtĩ* в форме объектного спряжения реализуется значение ‘находиться где-либо’.

(43) Каз. (Речной Земли Мужчина и Обской Земли Мужчина 46)

in nōxās soxəl luw tǎj-l-əlle met luw əlam-s-əlle.
this sable skin 3SG have-NPST-3SG.S:SG.O right 3SG steal-PST-3SG.S:SG.O

This sable skin is located at his place, he stole it.

‘Эта соболиная **шкура** **находится** у него, он украл её’.

В следующем примере (44) анализируемый глагол передает значение ‘использовать что-то в каком-то качестве’.

(44) Приур. пол. (Вайнин)

i niŋ-ij-en xat-na mǎn-l, pǎr-niŋ-ij-en xat-na, pǎr-niŋ-ij-en
one woman-DIM-POSS.2SG house-LOC go-NPST.3SG.S Por-woman-DIM-POSS.2SG house-LOC Por-woman-DIM-2SG

put kǎwǎr-l ki, i niŋ-əl jas put ruwət-ĩ i niŋ-əl
pot cook-NPST.3SG if one woman-POSS.3SG arm pot boil-IPFV.PTCP one woman-POSS.3SG

jas tǎj-l-əlli.

arm have-NPST-3SG.S: 3SG.O

But the other woman was walking around the house, the Por woman was walking around the house, when the kettle boiled, she stirred the pot with her friend’s hand, she **used her friend’s hand**.

‘Одна женщина ходит у дома, Пор-Нэ ходит у дома, когда горшок закипит, она помешивает горшок рукой одной женщины, руку женщины **использует**’.

Для передачи значения ‘принимать кого-либо в качестве’ глагол *tǎjtĩ / tǎjtĩ* сочетается с объектом в форме дательного падежа:

(45) Каз. тег. (Сын Царевича 46)

pa jastə-l-ət ne ki apsi-j-a tǎj-l-ew
and say-NPST-3PL woman if younger.sister-EP-DAT have-NPST-1PL.S:SG.O

xuo ki pa apsi-j-a tǎj-l-ew.
man if PRTC younger.brother-EP-DAT have-NPST-1PL.S:SG.O

If you are a woman, say, they’ll **take you for a younger sister**, if you’re a man, we’ll **take you for a younger brother**.

‘Если ты, — говорят, — женщина, мы тебя **за сестрёнку** примем, если ты мужчина, **за братишку** примем’.

В комбинации с объектами, обозначающими одежду и обувь, глагол *tǎjtǐ/tǎjtǐ* передаёт значение 'носить'. Для выражения этого значения глагол *tǎjtǐ/tǎjtǐ* в примере 46 маркирован суффиксом объектного спряжения, в примере 47 — суффиксом пассивного залога.

(46) Каз. (Три мудрых слова 30)

mōj wēr-tǐ lop-əs kōśa-j-əl tōp nǎj
what do-IPFV.PART say-PST.3SG.S owner-EP-POSS.3SG just 2SG

səpek-ŋəl-an sora tǎj-s-alən.
boot-DU-POSS.2SG quickly have-PST-2SG.S:DU/PL.O

What to do, the owner said, your **boots** quickly **wore out**.

'Что делать, — сказал хозяин, — но ты сапоги быстро **износил**'.

(47) Каз. (Три мудрых слова 14)

nōmās-əl ja səpek mōj xuw tǎj-l-a.
think-NPST PRTC boot what long have-NPST-PASS.3SG

He thinks if it is long to have **boots worn out**.

'Думает: «**Сапоги** долго ли **износить**»'.

Семантика глагола *tǎjtǐ/tǎjtǐ* зависит от абстрактного объекта, с которым он сочетается, образуя семантически слитное сочетание.

(48) Приур. соб. (Три сына 10)

wan mǎn-l-ət, xǔw mǎn-l-ət, śikəńśa itta wəs
short go-NPST-3PL long go-NPST-3PL DET that town

mōsa xuj, kur mōsa xuj nǎx-xi tǎj-l-a xən jik-ət-na.
what man village what man laughter-TRNS have-NPST-PASS.3SG king boy-PL-LOC

They go for a long or a short time, **the tsar's sons make fun of the town person**, of the village person.

'Долго ли коротко они идут, **царские сыновья смеются** над человеком города, **человеком** деревни'.

Наблюдение над материалом двух диалектов показало, что глагол *tǎjtǐ/tǎjtǐ* в формах объектного спряжения и пассивного залога встречается в сочетании с другим смысловым глаголом в форме деепричастия с суффиксом *-man*. Данное сочетание представляет собой аналитическую конструкцию, поскольку её члены всегда расположены контактно в строгом порядке. Аналитическая конструкция с глаголом обладания может быть представлена в виде схемы:

Модель 2. Аналитическая конструкция с глаголом обладания
 $V-man^{CVB} — (ǎn/ān) — tǎj-/tǎj-^{O./PASS.PM}$

Сообщаемое конструкцией значение зависит от глагола в нефинитной форме, при этом глагол обладания как бы сохраняет свою возможную семантику 'держать'. Анализ подобных примеров позволяет высказать предположение о том, что глагол обладания вовлечен в процесс грамматикализации и выступает в составе такой конструкции в качестве вспомогательного элемента.

Следующие примеры иллюстрируют аналитическую конструкцию с глаголом обладания в форме объектного спряжения (49—53):

(49) Приур. соб. (Семь ножей 29)

tōxi lǎŋ-em-əl śikəńśa, wan-man tǎj-l-əlli pa ǎtti jew-el
to:there enter-VBLZ.INCH-NPST.3SG DET see-CVB have-NPST-3SG.S:SG.O and DET sister-POSS.3SG

lujət xət xǎr kǔtəp-na xuj-əl, tǎm xǎlsa lǔw jōxt-əs?
ring house floor middle-LOC lie-NPST.3SG.S DEM from:where 3SG arrive-PST.3SG.S

He went out, **looked** — his sister's ring was lying in the middle of the floor, where did it come from?

'Он вышел, **посмотрел** (досл.: смотря держит-его-он) — кольцо сестры лежало посреди пола, откуда оно взялось?'

(50) Приур. соб. (Пор-Нэ и Мощ-Нэ 64)

mōś-niŋ-iji luŋxəl nǎwrem-əl, kūwləŋ nǎwrem-l il jəwər-man tǎj-l-əlli.
Mos-woman bell child-POSS.3SG bell child-POSS.3SG down wrap-CVB have-NPST-S.3SG:O.SG

Moshch-woman keeps her baby with little bells, **keeps** the baby **wrapped up** with little bells.

'Мощ-Нэ **держит** своего ребёнка **завёрнутым** с колокольчиком (досл.: завернувши держит-его-она)'.

(51) Каз. (Младшая дочь солнца 56)

sām-əl jāx-t-əl-ən joxi xāj-man tāj-l-əlle.
heart-POSS.3SG go-IPFV.PTCP-3SG-LOC home leave-CVB have-NPST-3SG.S:SG.O

When he goes away, he **leaves** his heart at home.

‘Когда он уезжает, сердце свое дома **оставляет** (досл.: дома оставя держит-его-он)’.

(52) Каз. (Полевые записи 2018)

ši mojl-əps-əm šawi-man tāj-l-əm.
this gift-NMLZ-POSS.1SG keep-CVB have-NPST-1SG.S:SG.O

I **keep** my gift **wrapped up**.

‘Я **храню** этот мой подарок **завёрнутым** (досл.: сохраняя подарок держу)’.

(53) Каз. (Полевые записи 2018)

kōr juwər-tī suχ-ŋəl-am taka juwərt-man tāj-l-əlam.
foot wrap-IPFV.PTCP cloth-DU-POSS.1SG tight wrap-CVB have-NPST-1SG.S:PL.O

I always **wear** footcloths.

‘Портянки (досл.: ноги завязывать ткань) постоянно **ношу** (досл.: крепко завернувши держу)’.

Аналитическая конструкция с глаголом *tājti/tājti* может быть разорвана клитикой или частицей, как в примере 54.

(54) Каз. (Полевые записи 2018)

ši awka-j-əm isa want-ŋəl-man ši tāj-l-əm.
this tamed.deer-EP-POSS.1SGG always watch-IPFV-CVB PRTC have-NPST-1SG.S:SG.O

I **keep an eye** on this tamed deer.

‘За этим ручным оленем **слежу** (досл.: под присмотром держу)’.

Примеры 55—56 демонстрируют, что в анализируемой аналитической конструкции с глаголом *tājti/tājti* отрицательная частица *ən* занимает промежуточное положение между членами конструкции.

(55) Каз. (Полевые записи 2018)

nāŋ wōnt-ən jāŋx-tī mār-ən-ən χot-ən want-man ən tāj-l-əm.
2SG woods-LOC walk-IPFV.PTCP time-POSS.2SG-LOC house-POSS.2SG watch-CVB NEG have-NPST-1SG.S:SG.O

While you’re walking in the woods, I do not keep an eye on your house.

‘Пока ты в лесу ходишь, я твой дом **не сторожу** (досл.: смотря не держу)’.

(56) Каз. (Полевые записи: 2018)

nāŋ purmās-l-ən lupas-ən šawi-man ən tāj-l-əllam.
2SG thing-PL-POSS.2SG shed-LOC keep-CVB NEG have-NPST-1SG.S:PL.O

I don’t **store** your things in the shed.

‘Твои вещи в лабазе не **храню** (досл.: храня не держу)’.

Как известно, хантыйские нефинитные формы не имеют морфологической категории залога [ДСХЯ 2011: 180]. Тем не менее, глагол в форме деепричастия в составе аналитической конструкции с глаголом обладания участвует в выражении пассивной семантики. Так, в примерах 57—59 глагол *tājti/tājti* в составе аналитической конструкции использован в форме пассивного залога.

(57) Приур. соб. (Лиса 103)

“tām χōj taś, iśm-əs-li, neŋχ-et sawi-man tāj-l-a, χōj taś?”
this who herd ask-PST-SG.3SG.S person-PL guard-CVB have-NPST-PASS who herd

“Whose herd is this?” he asked the people **guarding** the herd, “whose herd?”

‘«Чьё это стадо?» — спросил он людей, **охранявших** скот. — «Чьё стадо?»’.

(58) Приур. соб. (Лиса 162).

“pa nāŋ, law-əl, śimās pōrmās tāj-l-ən ki, ātti mūŋ χōtaś, law-l, tāta
and 2SG say-NPST.3SG.S such means have-NPST-2SG.S if DET 1PL how say-NPST.3SG.S here

sawi-man tāj-l-aj-mən nāŋ jāx-t-an ewəlt.”

guard-CVB have-NPST-PASS-1DU 2SG walk-IPFV.PTCP-2SG from

“If you have the means, we would really **be saved** when you came.”

‘Если бы у тебя были средства, мы были бы **спасены**, когда ты придёшь’.

(59) Теги (Сын Царевича 7)

ruś ime-l-ən ewi-leŋki śi kem śi tik-ən
 Russian woman-3SG-LOC daughter-DIM FOC image FOC **dislike-LOC**

et-man tāj-l-a wōlli.
come.out-CVB have-NPST-PASS.3SG completely

His Russian **wife disliked** her daughter so much.

‘Русская жена до того его дочку **невозлюбила** (досл.: злость вышедшую хранит)’.

Обобщая вышесказанное можно утверждать, что глагол *tājti/tājti* обладает значительным семантическим потенциалом, который реализуется во всех категориальных формах глагола. Непосессивные значения глагола *tājti/tājti*, как правило, зависят от объекта, на которое направлено действие глагола, или от другого смыслового глагола, с которым *tājti/tājti* образует аналитическую конструкцию. Чаще других глагол *tājti/tājti* передаёт значение ‘хранить, держать’, при этом глагол может принимать формы как субъектного и объектного спряжения, так и формы пассивного залога.

Согласно словарю В. Штейница [DEWOS 1966—1993: 1399] посессивное значение у глагола вах., вас. *tāja-*, сург., конд., шер., каз., шур., приур. *tāj-/tāj-* исконное, оно представлено во всех диалектах хантыйского языка. Тонкая этимология глагола до настоящего времени не установлена. Значение ‘хранить, держать’ в XIX веке было свойственно больше восточным диалектам наряду со значением ‘иметь’. В общем и целом, в XIX веке богатый семантический потенциал глагола наблюдается во всех диалектах. С помощью глагола передавались такие значения, как ‘носить одежду, рожать, давать имя, смотреть, беречь’ и др. В настоящее время западные диалекты больше сохранили эту архаичную картину, тогда как в восточных диалектах произошло сужение семантического потенциала глагола. Например, в ваховском диалекте хантыйского языка глагол *tājata* помимо значений ‘хранить’ и ‘держать’ передаёт только значения ‘рожать’ и ‘носить одежду’, сочетаясь с объектами определённого референциального статуса, например:

(60) Вах. (Полевые записи 2018)

lūy pāya-li tāja-s.
 3SG boy-DIM have-PST.3SG

She gave birth to a boy.

‘Она родила мальчика’.

В васюганском диалекте хантыйского языка, согласно словарю М. К. Могутаева [Могутаев 1996: 271], глагол *tājata* утратил все значения за исключением ‘иметь’ и ‘держать’.

(61) Вас. (Полевые записи 2017)

rāč tāja-ŋal loy-ət.
 old.man hold-PST.3SG horse-PL

An old man kept/had horses.

‘Старик держит лошадей’.

В дальнейших публикациях планируется представить исследования на тему эволюции значений глагола вах., вас. *tājata*, шер., каз., шур, приур. *tājti/tājti* в восточных и северных диалектах хантыйского языка.

3.2. Нетранзитивная стратегия

Вопрос о наличии нетранзитивной стратегии для выражения посессивности в приуральском (обдорском) и казымском диалектах хантыйского языка ещё не получил окончательного решения. Рассмотрим следующий пример:

(62) Приур. пол. (Ку-ку 1—2)

o-s imi nil jik-əl o-s.
 be-PST.3SG woman four boy-POSS.3SG be-PST.3SG.S

There lived a woman. **She had four sons.**

‘Жила женщина. У неё было четыре сына’.

В данном предложении используется конструкция с двусобным экзистенциональным глаголом приур. пол. *olta* ‘быть/жить’. Нетранзитивная конструкция с глаголом приур.соб. *ulti*, пол. *olta*, каз. *wōliti* ‘быть’ [DEWOS 1966—1993: 1577] может использоваться для выражения различной семантики, в том числе и посессивной. В этой связи, интерпретация примера 61 может быть двоякой. С одной стороны, смысл высказывания может быть проинтерпретирован как указание на то, что женщина имела (т. е. об-

ладала) четырех сыновей. С другой стороны, в данном примере актуализированным, возможно, оказывается значение ‘жить’, ‘быть в наличии’, ‘находиться’, ср. букв. ‘Была женщина. Четыре сына было’. Рассмотрим подобные примеры в пункте 3.2.1. подробнее.

3.2.1. Адноминимальная посессивная конструкция

В своей монографии Л. Стассен [Stassen 2009] определяет подобную структуру с глаголом бытования как адноминимальную посессивную конструкцию и не относит к четырём базовым стратегиям кодирования посессивной семантики. Его аргумент состоит в том, что в адноминимальной посессивной конструкции посессивность выражается не структурой предложения, а посессивным суффиксом на обладаемом в именной части [Stassen 2009]. Следовательно, можно предположить, что в подобной конструкции утверждается наличие/существование посессивности, выраженной в именной фразе.

Схематически нетранзитивную адноминимальную посессивную конструкцию можно представить следующим образом:

Модель 3. Нетранзитивная адноминимальная конструкция
(PR) — PD^{POSS} — *u(t)-/o(t)-/wō(t)-*^{S,PM}

По форме эта конструкция близка к топик-стратегии, в которой ни обладатель, ни обладаемое не маркируется ни одним из косвенных падежей, а обладаемое выступает в роли подлежащего в предложении. В топик-стратегии не допускается нулевое выражение обладателя, т. к. он и есть топик, исходная часть предложения, отвечающая названию стратегии. Однако выявленные примеры в приуральском и казымском диалектах показывают, что обладатель, как правило, выражается имплицитно посредством индексации суффиксами посессивности на обладаемом, что позволяет идентифицировать обладателя из дискурса.

Данная конструкция в исследуемых диалектах определяется двумя признаками: 1) маркированием обладаемого посессивными суффиксами, 2) наличием структуры экзистенционального/локативного предложения. Описываемая конструкция основывается на предложениях с экзистенциональной и/или пространственной семантикой.

Будет справедливым отметить, что частотность употребления данной конструкции в проанализированном текстовом корпусе хантыйских диалектов ничтожно мала и составляет 12 случаев на 2158 предложений в приуральском диалекте (т. е. 0,6%) и 6 случаев на 3023 предложения (т. е. 0,2%) в казымском диалекте. В приуральском диалекте рассматриваемая нетранзитивная конструкция встречается чаще в текстах на усть-полуйском говоре. Общее ограниченное количество примеров с рассматриваемой конструкцией позволяет обратить на них более пристальное внимание, поэтому приведем их в большем количестве.

В примере 63 речь идёт о домах, которые субъекты имеют в своей собственности:

(63) Приур. пол. (Вайнин 35)

χat-l-əməŋ ol-l-ət̃ anti, jōχi, lāw-əl, āt̃ jāχ-l-əməŋ.
house-PL-POSS.1DU be-NPST-3PL.S DET homewards say-NPST.3SG.S PRTC walk-NPST-1DU.S

We have homes, let's go home.

‘У нас есть дома, давай домой пойдём’.

Вполне возможно, что акцент в данном высказывании делается не на обладании этими домами, а на том, что их собственные дома действительно существуют. В то же время в конструкции маркировано и посессивное отношение: на него указывает показатель POSS.1SG на существительном ‘дом’. Следуя предложенной логике, в примерах 64 и 65 смысл должен быть передан как ‘Возможно, их деды существуют’ и ‘Старик домой вернулся, а жена его живет вместе с его сыном’. При этом посессивный показатель на существительных ‘деды’ и ‘жена’ указывает на наличие посессивных отношений.

(64) Каз. (Женщина с детьми, оставленная в пустом стойбище 9)

məsəŋ, aki-l-ət̃ wōl-l-ət̃.
maybe uncle.old.man-PL-POSS.3PL be-NPST-3PL.S

Maybe, **they have uncles** (grandparents).

‘Может быть, дедушки и бабушки у них есть’.

(65) Каз. (Орёл 115)

joxi joxt-əs̃ imi-leŋke-t̃ wōl poχ tāj-əl.
homewards come-PST.3SG.S wife-DIM-POSS.3SG be.NPST.3SG.S son have-NPST.3SG

The old man returned home, **his wife** has his son.

‘Старик домой вернулся, а у жены его сын’.

Некоторое затруднение вызывает пример 66, в котором значение ‘нахождение, существование’, предполагаемые у экзистенционального глагола, трудно установить из контекста:

(66) Приур. соб. (Прекрасный ребёнок: 69)

aš-em aŋk-em ul-m-el ewalt rupataj-əl siməl u-s.
 father-POSS.1SG mother-POSS.1SG be-PFV.PTCP-3PL from [work]-POSS.3SG few be-PST.3SG.S
 While my father and mother lived, **he had** little **work**. (досл. ‘работа-его было мало’)
 ‘Пока мои родители были живы, у него было мало работы’.

Вполне вероятно, что и в следующих примерах 67—70 исходный бытийно-локативный смысл, кодируемый конструкцией с глаголом бытования, дополнен посессивной семантикой формально выраженной специализированным маркером.

(67) Приур. пол. (Захоронение 5)

nu mälaj-əl o-s, äsa pän-l-aj-ət.
 [well] what-POSS.3SG be-PST.3SG.S all put-NPST-PASS-3PL
 They put **everything** that **they have**.
 ‘Всё кладётся, **что имели**’ (досл.: всё, что было [у них?], они положили).

(68) Каз. (Камень Щемпэр 48)

luw kaš-əl wöl at mǎn-ət!
 3SG desire-POSS.3SG be.NPST.3SG.S PRTC go-NPST.3SG.S
If he has a desire, let him go!
 ‘**Хочет** — пусть едет!’ (досл. ‘Есть желание-его, пусть едет!’)

(69) Приур. соб. (Лиса 46)

“al tiŋ äntam, õx xõti, law-əl, ul.”
 very:much bride:price NEG.EX money how say-NPST.3SG.S be.NPST.3SG.S
 There is no bride-ransom, but **there is money**,” he said.
 ‘Нет выкупа, но **есть деньги**’.

(70) Каз. тег. (Сын Царевича 99)

sərñe-ŋ luojət ki wuo-s aŋke-m elti ki
 gold-ADJ ring if be-PST.3SG.S mother-POSS.1SG from if
xǎš-ili-j-əs molxa mǎ-t-en atəm.
 remain-DER.IPFV-EP-PST.3SG earlier give-IPFV.PTCP-2SG bad
 If you **had** the **ring** from my mother remained, why didn’t you give it earlier?
 ‘Если **имелось** золотое **кольцо**, от матери оставшееся, почему раньше не отдала?’

3.2.2. Нетранзитивная конструкция с послелогом *xõša*

Исследование корпуса текстов на приуральском и казымском диалектах позволило выявить конструкцию с бытийным глаголом, которая структурно соответствует всем критериям локативной предикативной стратегии по классификации Л. Стассена [Stassen 2009]. В ней обладатель используется в составе конструкции с пространственным послелогом *xõša*. Послелог *xõša* со значением русского предлога «у» следует за обладателем. Обладатель согласуется с экзистенциональным предикатом.

Конструкция с послелогом *xõša* и бытийным глаголом может быть представлена схемой:

Модель 4. Нетранзитивная конструкция с послелогом *xõša*
PR *xõša* — PD — *ul-/ol-/wõ(t)-*^{S,PM}

Описываемая конструкция привлекла наше внимание не только идентичностью своей структуры с посессивной локативной конструкцией, но и содержанием предложений, в котором отображается посессивное значение. Тем не менее, анализ комментирования данных высказываний информантом показал, что данная конструкция не мыслится носителями языка как посессивная. Предложения с послелогом *xõša* и бытийным глаголом следует рассматривать как бытийные/локативные, в которых реализуются такие значения глагола ‘быть’ как ‘существовать, находиться, жить’ [ДСХЯ 2011: 130].

В примерах 71—72 приведены предложения из корпусов текстов на хантыйских диалектах. В переводах этих предложений на русский язык приведена интерпретация значения предложения носителем казымского диалекта, которая указана в скобках.

(71) Приур. соб. (Семь ножей 15)

ma, law-əl, uś-l-em, nāŋ mōla-ji jōχət-s-ən tūm mōsa jiyk-ət-na, tūm mōsa
 1SG say-NPST.3SG.S find-NPST-SG.1SG 2SG what-TRNS arrive-NPST-2SG.S that what water-PL-LOC, that what
mūw-ət-na ātti ma jaj-l-am χōśa ātti lapət kesi ul-l-ət.
 land-PL-LOC DET 1SG elder:brother-PL-1SG at DET seven knife be-NPST-3PL.3SG

I know what you have come for. At these brooks, at these lands **my brothers have seven knives.**

‘Я знаю, зачем ты пришёл. У этих ручьёв, на этих землях у моих **братьев семь ножей есть (находится).** У моих братьев было семь ножей’.

(72) Каз. (Deer 12)

in ma xoś-am-a śi wōł kāt wuli... letot
 now 1SG at-POSS.1SG-DAT FOC be.NPST.3SG.S two deer... food
xələm-tī śir-n isa āntōm.
 get-IPFV.PTCP opportunity-POSS.2/3DU always NEG.EX

I have two such deer... they have no opportunity to get food.

‘У меня сейчас есть два таких оленя (у меня сейчас живёт два таких оленя), они все на одном месте стоят, пишу достать они не могут’.

Ещё несколько примеров (73—76), иллюстрирующих непосессивное значение данной модели, были получены при работе с информантом.

(73) Каз. (Полевые записи 2017)

jaj-em χōśa hawrem-et.
 brother-POSS.1SG at child-PL

My brother has children.

‘У брата дети (у брата чьи-то дети находятся)’.

Согласно мнению носителя языка И. М. Молдановой, данная конструкция не передаёт идею о том, что это родные дети брата. Данное предложение понимается, как описание ситуации, в которой у брата находятся чужие дети.

(74) Каз. (Полевые записи 2018)

mättirn, sōn χōśa tīχəl wōł-m-al.
 [it] happens birch-bark.dish at nest be-PFV.PTCP-3SG

A birch-bark dish turns out to have been a nest.

‘Оказывается, в берестяной посуде гнездо было’.

(75) Каз. (Полевые записи 2018)

ma lajm-em jaj-em χōśa lupas-ən wōł.
 1SG axe-POSS.1SG elder:brother-POSS.1SG at shed-LOC be.NPST.3SG.S

My elder brother has my axe in his shed.

‘Мой топор у старшего брата в лабазе есть (находится)’.

(76) Каз. (Полевые записи 2018)

pōχ-em jaj-em χōśa wōł.
 son-POSS.1SG elder:brother-POSS.1SG at be.NPST.3SG.S

My son lives with his brother.

‘Мой сын у старшего брата живёт’.

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что конструкции с экзистенциональным глаголом реализуют главным образом базовую бытийную/локативную семантику. В нетранзитивной адноминальной конструкции кодирование посессивности сосредоточено в именной фразе и репрезентировано индексацией обладаемого, а глагол бытования указывает на наличие такого рода посессивности. Нетранзитивная конструкция с пространственным послелогом *χōśa* и бытийным глаголом используется для указания на нахождение или существование объектов, поэтому она не может рассматриваться как стратегия репрезентации посессивности. В целом можно заключить, что в исследуемых диалектах нетранзитивная стратегия не задействована при кодировании посессивности.

4. Отрицание посессивности в приуральском и казымском диалектах

В приуральском и казымском диалектах хантыйского языка отрицание посессивности в транзитивной и в нетранзитивной конструкциях отличается, но стратегии отрицания посессивности не включают в

себя никакого нового элемента, который бы не использовался в конструкциях с отрицанием непосессивных отношений. Типичная для хантыйского языка транзитивная стратегия кодирования посессивности использует «стандартное отрицание» (термин — [Payne 1985]). В нетранзитивной конструкции используется специальный отрицательный бытийный глагол. На этом основании можно говорить о стратегиях «стандартного» и «специального» отрицания посессивности в исследуемых диалектах.

4.1. Отрицание посессивности в транзитивной стратегии

Отрицание посессивности в транзитивной предикативной стратегии характеризуется как стандартное «синтаксическое» (термин — [Dahl 1979]), в котором стандартным маркером отрицания выступает частица приур. соб. *ǎn*, пол. *ǎn* ‘не’ [Николаева 1995: 162], каз. *ǎn*, *χǎn* [ХРС 2006: 297; Соловар, Нахрачева, Шиянова 2016: 147]. В виде схемы отрицание посессивности в транзитивной стратегии выглядит следующим образом:

Модель 5. Отрицание посессивности в транзитивной стратегии
(PR) — PD — *ǎn/ǎn* — *tǎj-/tǎj*^{S,PM}

Утвердительная конструкция транзитивной стратегии посессивности структурно симметрична соответствующей отрицательной конструкции, за исключением наличия отрицательного маркера *ǎn(t)/ǎn(t)*. Примеры 77—78 иллюстрируют «стандартное отрицание» транзитивной стратегии с маркером *ǎn*.

(77) Приур. соб. (Прекрасный ребёнок 59)

ma ǎn tǎj-ili-s-ǎm pa nǎŋ χǎlsa wǔ-l-en?
1SG NEG have-DER.IPFV-PST-1SG.S and 2SG from:where take-PST-2SG.S
I had none. Where did you get it from?
‘Я ничего не имел, и откуда ты это взял?’

(78) Каз. (Русская кукла 6)

xǎnti akań-ije-w jǎš kǎr ǎn tǎj-ǎl. ńul sem ǎn tǎj-ǎl.
Khanty doll-DIM-POSS.1PL arm leg NEG have-NPST.3SG.S nose eye NEG have-NPST.3SG.S
The Khanty **doll doesn’t have arms and legs, a nose and eyes.**
‘У хантыйской куклы нет рук, ног, носа, глаз’.

В примере 78 из казымского диалекта маркером отрицания выступает частица *χǎn*:

(79) Каз. (Орёл 113)

ma pǎx χǎn tǎj-l-ǎm jastǎ-l-ǎm mǎ-tǐ.
1SG son NEG have-NPST-1SG.S say-NPST-1SG.S give-IPFV.PTCP
I have no son, I promise to give him away.
‘У меня же нет сына, пообещаю отдать’.

4.2. Отрицание посессивности в нетранзитивных конструкциях

Факт отрицания в нетранзитивных конструкциях выражается специальным отрицательным предикативным бытийным глаголом приур. соб. *ǎntam*, пол. *ǎntam*, каз. *ǎntǎm*. Обладанное в отрицательной адноминимальной посессивной конструкции, как и в утвердительной, всегда маркировано посессивными суффиксами, которые и выражают посессивность в конструкции с глаголом ‘быть’. Схема данной стратегии может быть представлена как:

Модель 6. Отрицание посессивности в нетранзитивной конструкции
PR — PD^{POSS} — *ǎntam/ǎntam/ǎntǎm*

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие данную конструкцию.

(80) Приур. пол. (Ку-ку 13)

kimǎt jik-ǎl lǎw-l: “mǎ mil-am ǎntam”.
two.ORD boy-POSS.3SG say-PST.3SG.S 1SG hat-POSS.1SG NEG.EX
The second son says: **“I have no hat.”**
‘Второй сын говорит: «У меня нет шапки» (досл.: моей шапки нет)’.

(81) Приур. соб. (Лиса 14)

pa si kūs kim pit-tī lit-l-aj-əm lulən pa
and DET behind out fall-IPFV.PTCP want-NPST-PASS-1SG COND and
kim pit-tī šir-em äntam.
out fall-IPFV.PTCP **strength-POSS.1SG NEG.EX**
I'd like to come out, but I **don't have the strength** to come out.
'Я бы хотела выйти, **но у меня нет сил**'.

В примерах 82—85 отрицательный бытийный глагол, согласуясь с объектом, принимает форму множественного числа.

(82) Приур. соб. (Ку-ку 12)

wul jik-əl lāw-əl: "mā wāj-l-am äntam-ət".
big boy-POSS.3SG say-PST.3SG.S 1SG **boot-PL-POSS.1SG NEG.EX-PL**
The eldest son said: "**I have no shoes.**"
'Старший сын сказал: «**У меня нет обуви**»' (досл.: **моей обуви нет**).

(83) Каз. (Женщина с детьми, оставленная в пустом стойбище 81)

joxt-əs pa si in hawrem-l-əl äntöm-ət.
come-PST PRTC FOC now **child-PL-POSS.3SG NEG.EX-PL**
He came but his children are nowhere.
'Приехал он, а **детей-то** уже **нет**'.

(84) Каз. (Полевые записи: 2018)

mij mil-l-əw äntöm-ət.
1PL **hat-PL-POSS.1PL NEG.EX-PL**
We don't have hats.
'**У нас нет шапок**' (досл.: **Наших шапок нет**).

(85) Каз. (Полевые записи: 2018)

liw letot-l-əl äntöm-ət.
3PL **food-PL-POSS.3PL NEG.EX-PL**
They don't have food.
'**У них нет еды**' (досл.: **Их еды нет**).

В предложениях, относящихся к прошлому, отрицательный бытийный глагол может употребляться в сочетании с глаголом-связкой приур. *u(l)/o(l)tī*, каз. *wō(l)tī* в форме прошедшего времени. Конструкция может дополняться временным маркером прошедшего времени *jisən* 'в древние времена', *kātra* 'давно', *χōn* 'когда'. Данное наблюдение проиллюстрировано в примерах 86—87:

(86) Каз. (Культ медведя, Медвежий праздник 8)

xə:n pofkan antə:m βə:s mə:jpər βoxəltijə-l-ət ka:rt-aŋ tij-əp n'ə:l-ət-ən.
when gun NEG.EX be.PST.3SG bear win.a.bear-PRS-3PL.S iron-ADJ.PRPR tip-ADJ.PRPR arrow-PL-LOC
When **there were no guns** yet, they killed the bear with iron-tipped arrows.
'Когда **ружей** ещё **не было**, они убивали медведя стрелами с железными наконечниками'.

(87) Каз. (Полевые записи 2018)

mij mil-l-əw äntöm-ət wō-s.
1PL **hat-PL-POSS.1PL NEG.EX-PL NEG.EX-PST.3SG**
We did't have hats.
'**У нас шапок не было**'.

В структуре «стандартного» отрицания и специального отрицания обеих стратегий может определяться второй маркер отрицания — идентичный по полярности элемент, — в качестве которого выступает класс отрицательных местоимений: приур. соб./пол. *nemōsa/nemāsa* 'ничто', *neməltət/nemətīt* 'никто' [Николаева 1995: 107], каз. *neməlxojat* 'никто' или *neməlt* 'ничто' [ДСХЯ 2011: 86; Соловар 2016: 103]. Двойное отрицание в рамках стратегии «стандартного отрицания», не ведущее к утверждению, характерно для уральских языков, в которых второй полярный элемент появляется в предложениях, уже отмеченных отрицательной частицей [Wagner-Nagy 2011: 26].

(88) Приур. соб. (Прекрасный ребёнок 13)

ṣiti ul-li-l-əḡən, nemōsa ǎn tǎj-l-əḡən, χǔj-tǐ lət ǎn tǎj-l-əḡən,
 so be-DER.IPFV.NPST-3DU.S **nothing** NEG **have-NPST-3DU.S** sleep-IPFV.PTCP **place** NEG **have-NPST-3DU.S**
nemōsa ǎn tǎj-l-əḡən, ṣiti χōtaś təḡa ul-l-əḡən.
nothing NEG **have-NPST-3DU** so how DET live-NPST-3DU.S
 As they lived, **they had nothing, they had no place to sleep**, they had nothing, they just lived.
 ‘Они так живут, у **них ничего нет, негде спать**, так и живут’.

(89) Каз. (О царе, объезжавшем миры: 17)

ṣi xul neməlt wuort ǎnt pa tǎj-ə.
 this **fish** no **flavor** NEG PRTC **have-NPST.3SG.S**
This fish has no taste.
 ‘Эта **рыба оказалась безвкусной**’.

(90) Каз. (Полевые записи: 2018)

nemxujat mis an tǎj-ə.
 nobody cow NEG **have-NPST.3SG.S**
Nobody has a cow.
 ‘**Никто не имеет корову**’.

(91) Приур. соб (Лиса 24)

nemōsa mus tǎj-tǐ sij-əm ǎntam.
nothing illness **have-IPFV.PTCP** noise-POSS.1SG NEG.EX
I have no illness at all.
 ‘**Не болею** (не слышу / не чувствую болезнь)’.

Итак, отрицание посессивности в приуральском и казымском диалектах осуществляется в рамках стратегий отрицания, используемых в языке в целом: а) «стандартное» отрицание, для выражения которого используется отрицательная частица, и б) «специальное» отрицание с отрицательным бытийным глаголом.

5. Заключение

Опираясь на результаты проведённого исследования, можно заключить, что:

- 1) в приуральском и казымском диалектах хантыйского языка кодирование предикативной посессивности реализуется посредством транзитивной стратегии;
- 2) транзитивная стратегия кодирования посессивности наиболее распространена в исследуемых диалектах (166 случаев на 5181 предложение). Использование транзитивной стратегии наблюдается для кодирования всех концептуальных составляющих посессивности: отчуждаемой, неотчуждаемой, абстрактной, временной и неодушевлённой посессивности. Транзитивная стратегия основывается на двухвалентном глаголе соб. *tǎjtǐ*, пол. *tǎjtǐ*, каз. *tǎjtǐ* ‘иметь’, который сохраняет своё посессивное значение во всех финитных и нефинитных формах за исключением форм объектного спряжения и пассивного залога. Валентность глагола *tǎjtǐ/tǎjtǐ* предполагает наличие обладателя и обладаемого, которые могут быть выражены любой сущностью в том числе и неодушевлённой;
- 3) глагол *tǎjtǐ/tǎjtǐ* в исследуемых диалектах обладает богатым семантическим потенциалом. Помимо посессивного глагол *tǎjtǐ/tǎjtǐ* позволяет передать значения ‘хранить, держать, находиться, рожать, воспитывать, принимать в качестве кого-либо или чего либо, использовать, относиться, носить, думать, использовать, понимать, думать, не уметь’ и др. Значение, выражаемое глаголом *tǎjtǐ/tǎjtǐ*, зависит как от грамматической формы, в которой он употребляется, так и от семантики окружающих его слов. Значение ‘держат, хранить’ глагола *tǎjtǐ/tǎjtǐ* реализуется во всех его грамматических формах. Глагол *tǎjtǐ/tǎjtǐ* в форме объектного спряжения или пассивного залога в контактном сочетании с другим глаголом в форме деепричастия с суффиксом *-man* грамматизируется, утрачивая одно из своих значений ‘хранить, держать’;
- 4) наличие нетранзитивной стратегии кодирования посессивности в исследуемых диалектах языковыми данными не подкрепляется. В предложениях с двусловным глаголом приур.соб. *ulti*, пол. *olta*, каз. *wōlti* ‘быть’ встречается адноминальная посессивная конструкция. Адноминальная конструкция основывается на предложениях бытийной/локативной семантики и приобретает значе-

ние посессивности благодаря индексации обладаемого посессивными суффиксами в именной части предложения. Частотность употребления данной конструкции для кодирования посессивности составляет 18 случаев на 5181 предложение. Нетранзитивная конструкция с послелогом *χōśa*, которая структурно соответствует всем критериям посессивной локативной предикативной стратегии, для кодирования посессивности не используется;

- 5) отрицание посессивности подчиняется общим правилам построения отрицания в исследуемых диалектах. В транзитивной стратегии используется «стандартное синтаксическое» отрицание, маркером которого выступает отрицательная частица приур. соб. *ān*, пол. *ān*, каз. *ān*, *χōn*. Для конструкции с глаголом приур. *ultī/olta*, каз. *wōltī* ‘быть’ характерно «специальное» отрицание, которое выражается отрицательным предикативным бытийным глаголом приур. соб. *āntam*, пол. *āntam*, каз. *āntōm*. В обеих конструкциях при отрицании может употребляться идентичный по популярности элемент — отрицательные местоимения: приур. соб., пол. *nemōsa/nemāsa* ‘ничто’, *nemāltāt/nemātit* ‘никто’, каз. *nemālxojat* ‘никто’ или *nemālt* ‘ничто’.

Благодарность рецензентам

Мы искренне благодарны двум анонимным рецензентам за очень ценные замечания и комментарии к рукописи статьи, благодаря которым статья была значительно усовершенствована.

Сокращения

Общие

1 — первое лицо	IPFV.PTCP — имперфективное причастие
2 — второе лицо	LOC — суффикс местного падежа
3 — третье лицо	N — существительное
ADJ — адъективайзер	NEG — отрицательная частица
APPRX — аппроксимация	NEG.Ex — отрицательный экзистенциональный глагол
CAR — суффикс каритива	NMLZ — номиналайзер
COM — суффикс комитатива	NP — именная фраза
COND — условное наклонение	NPST — непрошедшее время
CVB — деепричастие	O — субъектно-объектное спряжение
DEM — указательное местоимение	ORD — порядковое числительное
DER — деривационный суффикс	PASS — пассивный залог
DET — детерминатив	PFV.PTCP — перфективное причастие
DIM — диминутив	PL — множественное число
DU — двойственное число	PM — личные маркеры
EP — эпентеза	POSS — посессивный суффикс
FOC — фокус	PRPR — проприативный (комитативный) суффикс
FREQ — суффикс фреквентива	PRTC — частица
IMP — повелительное наклонение	PST — прошедшее время
INCH — суффикс инхоатива	S — субъектное спряжение
INF — инфинитив	SG — единственное число
INTJ — междометие	TRNS — суффикс превратительного падеж
IPFV — суффикс имперфектива	VBLZ — вербалайзер

Языки и диалекты

вас.	— васюганский восточный диалект хантыйского языка
вах.	— ваховский восточный диалект хантыйского языка
каз.	— казымский северный диалект хантыйского языка
конд.	— кондинский южный диалект хантыйского языка
пол.	— усть-полуйский говор приуральского диалекта
приур.	— приуральский (обдорский) северный диалект хантыйского языка
соб.	— усть-собский говор приуральского диалекта
сург.	— сургутский восточный диалект хантыйского языка

тег. — тегинский говор казымского диалекта
 шер — шеркальский северный диалект хантыйского языка
 шур. — шурьшкарский северный диалект хантыйского языка

Л и т е р а т у р а

- Гращенко 2007 — *Гращенко П. В.* Типология посессивных конструкций // ВЯ. 2007, 3. С. 25—54. {*Grashchenkov P. V.* Typology of Possessive Constructions // Issues in linguistics. 2007. Vol. 3. P. 25—54.}
- ДСХЯ 2011 — Дialectологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалекты) / Под ред. *Н. Б. Кошкарёвой*. Екатеринбург, 2011. {*Dialectological dictionary of the Khanty language (Shuryshkar and Obdorsk dialects)* / Ed. *Koshkaryova N. B.* Ekaterinburg, 2011.}
- Каксин 1989 — *Каксин А. Д.* Казымский диалект // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского АО — Югры, 1989. {*Kaksin A. D.* Kazym dialect // Yugoria. Encyclopaedia of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, 1989.}
- Каксин 2007 — *Каксин А. Д.* Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2007. {*Kaksin A. D.* Kazym dialect of the Khanty language. Khanty-Mansiysk, 2007.}
- Кибрик 2000 — *Кибрик А. Е.* Внешний посессор как результат расщепления валентностей // Слово в тексте и словаре. К 70-летию Ю. Д. Апресяна. М., 2000. {*Kibrik A. E.* External possessor as a result of valence splitting // Word in text and dictionary. For the 70th birthday of Yu. D. Апресян.}
- Кибрик 2003 — *Кибрик А. Е.* Внешний посессор в русском языке // Константы и переменные языка. СПб., 2003. {*External possessor in the Russian language* // Constants and variables of language.}
- Кибрик 2006 et al. — *Кибрик А. Е., Брыкина М. М., Леонтьев А. П., Хитров А. Н.* Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания. 2006, 1. С. 16—45. {*Kibrik A. E., Brykina M. M., Leontyev A. P., Khitrov A. N.* Russian possessive constructions in the light of a statistical corpus research // Issues in Linguistics. 2006. Vol. 1. P. 16—45.}
- Ковган, Кошкарёва, Соловар 1995 — *Ковган Е. В., Кошкарёва Н. Б., Соловар В. Н.* Сказки народа ханты. Книга для чтения в младших и старших классах (казымский диалект). СПб, 1995. {*Kovgan E. V., Koshkaryova N. B., Solovar V. N.* Khanty folk tales. Reading book for elementary and high school (Kazym dialect). SPb, 1995.}
- Кошкарёва, Кашкин et al. 2017 — *Кошкарёва Н. Б., Кашкин Е., Коряков Ю. Б., Казакевич О. А., Буркова С. И., Муравьев Н. А., Будянская Е. М.* Дialectологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа / Под ред. *Н. Б. Кошкарёвой*. Калининград, 2017. {*Koshkaryova N. B., Kashkin E., Koryakov Yu. B., Kazakevich O. A., Burkova S. I., Muravyev N. A., Budyanskaya E. M.* Dialectological atlas of the Uralic languages situated at the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug territory. / Ed. *N. B. Koshkaryova*. Kaliningrad, 2017.}
- Кошкарёва 2005 — *Кошкарёва Н. Б.* Синтаксические средства выражения пространственных отношений: на материале уральских и тунгусо-маньчжурских языков Сибири / Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири (коллективная монография). Новосибирск, 2005. {*Koshkaryova N. B.* Syntactic means of expressing spatial relationships: based on Uralic and Manchu-Tungus languages of Siberia / Ways of forming the linguistic landscape of Siberia (a collective monograph). Novosibirsk, 2005.}
- Кошкарёва, Соловар 2007 — *Кошкарёва Н. Б., Соловар В. Н.* Увты муй ўвты: курс практической фонетики хантыйского языка (казымский диалект). Новосибирск, 2007. {*Koshkaryova N. B., Solovar V. N.* Увты муй ўвты: A course of practical phonetics of Khanty (Kazym dialect). Novosibirsk, 2007.}
- Лапина 2011 — *Лапина М. А.* Сказки-рассказы тегинских людей, Ханты-Мансийск, 2011. {*Lapina M. A.* Fairytales and stories of Tegin people. Khanty-Mansiysk, 2011.}
- Милованова 2007 — *Милованова М. В.* Понятие посессивности: проблемы определения и структуры // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2, 2007. Вып. 6. С. 95—102. {*Milovanova M. V.* Concept of possession: problems of definition and structure // Volgograd State University Bulletin. Series 2, 2007. Vol. 6. P. 95—102.}
- Могутаев 1996 — *Могутаев М. К.* Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). Томск, 1996. {*Mogutaev M. K.* Khanty-Russian dictionary (Vasyugan dialect). Tomsk, 1996.}
- Нёмысова, Рачинская 2002 — *Нёмысова Е. А., Рачинская М. А.* Пушкин А. С. Сказки, СПб, 2002. {*Njomysova E. A., Rachinskaja M. A.* Pushkin A. S. Skazki, SPb, 2002.}
- Николаева 1995 — *Николаева И. А.* Обдорский диалект хантыйского языка. Москва, Гамбург, 1995. {*Nikolaeva I. A.* Obdorsk dialect of the Khanty language. Moscow, Hamburg, 1995.}
- Полякова, Воробьева 2016 — *Полякова Н. В., Воробьева В. В.* Предикативные средства выражения посессивности в диалектах селькупского языка // Сборник научных трудов XVI Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические традиции и инновации». Томск, 2016. С. 212—215. {*Polyakova N. V., Vorobeva V. V.* Predicative means of expressing possession in Selkup dialects // Collection of Scientific Works of the 16th

International Scientific and Practical Conference “Linguistic and Cultural Traditions and Innovations”. Tomsk, 2016. P. 212—215.}

Соловар 2007 — *Соловар В. Н.* Глаголы с семантикой обладания, приобретения и формируемые ими модели элементарных простых предложений в хантыйском языке // Актуальные проблемы разработки учебно-методических комплексов по хантыйскому и мансийскому языкам, литературе и культуре: материалы окружной научно-практической конференции. Ханты-Мансийск, 2007. С. 79—84. {*Solovar V. N.* Verbs with semantics of possession and obtaining and the models of elementary simple clauses they form in the Khanty language // Topical problems of developing training and methodology complexes on Khanty and Mansi languages, literature and culture: materials from the regional scientific-practical conference. Khanty-Mansiysk, 2007.}

Соловар 2009 — *Соловар В. Н.* Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Новосибирск, 2009. {*Solovar V. N.* Simple clause paradigm in Khanty (based on the Kazym dialect). Novosibirsk, 2009.}

Соловар, Нахрачева, Шиянова 2016 — *Соловар В. Н., Нахрачева Г. Л., Шиянова А. А.* Диалекты хантыйского языка. Ханты-Мансийск, Ижевск, 2016. {*Solovar V. N., Nakhacheva G. L., Shiyanova A. A.* Dialects of Khanty. Khanty-Mansiysk, Izhevsk, 2016.}

Успенская 2002 — *Успенская С. С.* Касум мув моньшат-пуграт. Сказки-рассказы Земли Казымской. Томск, 2002. {*Uspenskaja S. S.* Fairytales and stories of the Kazym land. Tomsk, 2002.}

Фильченко, Потанина 2016 — *Фильченко А. Ю., Потанина О. С.* Предикативная посессивность в восточных диалектах хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016, 4. С. 60—72. {*Filchenko A. Yu., Potanina O. S.* Predicative possession in Eastern dialects of Khanty // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2016. Vol. 4. P. 60—72.}

ХРС 2006 — *Соловар В. Н.* Хантыйско-русский словарь. Санкт-Петербург, 2006. {*Solovar V. N.* Khanty-Russian dictionary. Saint-Petersburg, 2006.}

Baron, Herslund 2001 — *Baron I., Herslund M.* Semantics of the verb HAVE. Dimensions of Possession. / Eds. *Baron I. et al.* Amsterdam, 2001. P. 85—98.

Budzisch 2015 — *Budzisch Jo.* Possession in Southern Selkup // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2015. Vol. 4. P. 45—50.

Budzisch 2017 — *Budzisch Jo.* On the non-possessive use of possessive suffixes in Central and Southern Selkup // Ural-Altaic Studies (Scientific Journal). 2017. Vol. 2. P. 58—66.

Clark 1978 — *Clark E. V.* Locationals: existential, locative, and possessive constructions. /Eds. *Greenberg J. H. et al.* Syntax. Stanford, 1978. P. 85—126.

Dahl 1979 — *Dahl O.* Typology of sentence negation // *Linguistics*. 1979. Vol. 17. P. 79—106.

DEWOS 1966—1993 — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache 1—15. Berlin, 1966—1993.

Heine 1997 — *Heine B.* Possession. Cognitive Sources, Forces and Grammaticalization. Cambridge Studies in Linguistics, 83. 1997.

Honti 2006 — *Honti L.* On the Historical Background of Habitive and Izafet Constructions in Hungarian // *Acta Linguistica Hungarica*, Vol. 53 (1), P. 41—51.

Honti 2008a — *Honti L.* 'HABERE' «по-уральски» // *Linguistica Uralica* XLIV, 3. P. 161—177.

Honti 2008b — *Honti L.* 'TIBI LIBER EST' ~ 'HABES LIBRUM' // *Studies in Slavic and General Linguistics / Evidences and Counter-Evidence*, Festschrift Frederik Kortlandt. Amsterdam, New York. 2008. Vol 1. P. 229—246.

Honti 2013 — *Honti L.* Seinsverben und Kopulae im Uralischen // *Linguistica Uralica* XLIX 2013, 4. P. 241—272.

Kangasmaa-Minn 1984 — *Kangasmaa-Minn Eeva.* On the Possessive Construction in Finno-Ugric. *Nyelvtudományi Közlemények*. 1984. Vol. 1, 86. P. 118—123.

Koptjevskaja-Tamm 2001 — *Koptjevskaja-Tamm M.* Adnominal Possession / *Language Typology and Language Universals*. 2001. Vol. 2. P. 960—970.

Koptjevskaja-Tamm 2002 — *Koptjevskaja-Tamm M.* Adnominal Possession in the European Languages: Form and Function / *Sprachtypologie und Universalienforschung (STUF)*. 2002. Vol. 55, 2. P. 141—172.

Koptjevskaja-Tamm 2003 — *Koptjevskaja-Tamm M.* Possessive Noun Phrases in the Languages of Europe. Noun Phrase Structure in the Languages of Europe. Berlin, New York, 2003. P. 621—722.

Koptjevskaja-Tamm 2006 — *Koptjevskaja-Tamm M.* Possession, Adnominal. 2006. P. 765—769.

Kowalik 2016 — *Kowalik R.* Predicative possession in South Saami. Stockholm University, Faculty of Humanities, Department of Linguistics. Independent thesis Advanced level (degree of Master (Two Years)), 2016.

LMUM 2018 — Ludwig Maximilians Universität München // http://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/index.php?abfrage=KK_corpus&subnavi=corpus_pub, 2018.

Nikolaeva 1999a — *Nikolaeva I. A.* Ostyak. München, 1999.

- Nikolaeva 1999b — *Nikolaeva I. A.* Ostyak texts in the Obdorsk dialect. *Studia Uralica*. 1999. Band 9.
- OSF 2018 — Open Science Framework // <https://osf.io/uraqx/files/>, 2018.
- Paasonen 1980 — *Paasonen H., Vértés E.* Südostjakische Textsammlungen II. Helsinki, 1980.
- Payne 1985 — *Payne J.* Negation // *Language typology and syntactic description*. Vol. I. Clause structure / Ed. *Shopen T.* Cambridge, 1985. P. 197—242.
- Payne, Barshi 1999 — *Payne D. L., Barshi L.* External Possession: What, Where, How, and Why. *External Possession*, Amsterdam. 1999. P. 3—29.
- Seiler 1983 — *Seiler H.* Possession as an operational dimension of language. Tübingen, 1983.
- Skribnik, Koshkaryova 1996 — *Skribnik E., Koshkaryova N.* Shamanism and Northern Ecology. Berlin, New York, 1996. P. 207—217.
- Stassen 2009 — *Stassen L.* Predicative Possession. Oxford University Press, 2009.
- Stassen 2013 — *Stassen L.* Predicative Possession. *The World Atlas of Language Structures Online*. / Ed. *Dryer, M. S., Haspelmath, M.* Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Electronic publication available at <http://wals.info/chapter/117>
- Taylor 1989 — *Taylor J. R.* Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory, 1989.
- TELCS 2018 — The Endangered Languages and Cultures of Siberia // <http://larkpie.net/siberianlanguages/northern-khanty>, 2018.
- Vorobeva, Novitskaja 2018a — *Vorobeva V., Novitskaja I.* Possessive Constructions in the Obdorsk Dialect of the Khanty Language // *Linguistica Uralica*. 2018. Vol. 54, 2. P. 129—150.
- Vorobeva, Novitskaja 2018b — *Vorobeva V., Novitskaja I.* The domain of predicative possession in Kazym and Tegi. 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. [Online]. 5 (3). P. 469—476. Available: <https://sgemworld.at/ssgemlib/spip.php?article5572&lang=en>
- Vorobeva, Novitskaja et al. 2017 — *Vorobeva V., Novitskaja, I., Girfanova, K., Vesnin, V.* Adnominal Possessive Constructions in Narym, Vasjugan and Middle-Ob Dialects of Selkup // *Linguistica Uralica*. 2017. Vol. 53, 1. P. 54—64.
- Wagner-Nagy 2011 — *Wagner-Nagy B.* On the Typology of Negation in Ob-Ugric and Samoyedic Languages. Helsinki, 2011.

РЕЗЮМЕ

В статье представлен анализ стратегий выражения предикативных посессивных отношений, выявленных в корпусе текстов (62 текстов, 5181 предложение) на приуральском (обдорском) и казымском диалектах хантыйского языка. Наиболее распространенной в исследуемых диалектах является транзитивная стратегия кодирования предикативных посессивных отношений на базе глагола соб. *tǎjtī*, пол. *tǎjtī*, каз. *tǎjtī* ‘иметь’, которая используется для выражения отчуждаемого, неотчуждаемого, абстрактного, физического и неодушевлённого обладания. В формах объектного спряжения и пассивного залога значение посессивности у глагола обладания утрачивается. Нетранзитивная стратегия может быть представлена конструкцией с двусловным глаголом соб. *u(l)tī*, пол. *o(l)tī*, каз. *wōtī* ‘быть/жить’, которая определена как адноминальная посессивная конструкция. В адноминальной конструкции отношения обладания устанавливаются посредством посессивных маркеров, индексирующих обладаемое. Отрицание посессивности в транзитивной и в нетранзитивной конструкциях отличаются: в транзитивной предикативной стратегии используется «стандартное синтаксическое отрицание», маркируемое частицей соб. *ǎn*, пол. *ǎn*, каз. *ǎn, χǎn* ‘не’; факт отрицания адноминальной посессивной конструкции выражается специальным отрицательным предикативным бытийным глаголом соб. *ǎntam*, пол. *ǎntam*, каз. *ǎntōm*. В обеих стратегиях допустимо двойное отрицание.

SUMMARY

The article presents research findings resulting from an analysis of the strategies used to encode predicative possessive relations which were identified in a corpus of texts (62 texts, 5181 sentences) in the Priural (Obdorsk) and Kazym dialects of Khanty language. The most common strategy of encoding predicative possession in Priural (Obdorsk) and Kazym dialects is a transitive one based on the verb sob. *tǎjtī*, pol. *tǎjtī*, kaz. *tǎjtī* ‘to have’, which is used to express the main conceptual features of possession (abstract, physical/temporal, alienable, inalienable, inanimate). An intransitive strategy can be represented by the construction that is based on the locative/existential sentence with the verb sob. *u(l)tī*, pol. *o(l)tī*, kaz. *wōtī* ‘to be’. Following L. Stassen, it is defined as an adnominal possessive construction wherein the possession is indexed on the possessed. Negative possession is encoded differently in the transitive and intransitive strategies. While the “standard” syntactical negation, expressed by the negative particle sob. *ǎn*, pol. *ǎn*, kaz. *ǎn, χǎn* ‘no,

not', is used in the transitive strategy, a special negative existential verb — sob. *ǎntam*, pol. *ǎntam*, kaz. *ǎntǎm* "not to be" — is common in negative intransitive constructions.

Ключевые слова: хантыйский язык, приуральский (обдорский диалект), казымский предикативная посессивность, habeo-глагол

Keywords: Khanty language, Priural (Obdorsk) dialect, Kazym dialect, predicative possession, habeo-verb

Воробьева Виктория Владимировна, Томский государственный университет, Томский политехнический университет, Институт языкознания РАН; victoriavorobeva@mail.ru

Victoria V. Vorobeva, Tomsk State University, Tomsk Polytechnic University, Institute of linguistics, RAS; victoriavorobeva@mail.ru

Новицкая Ирина Владимировна, Томский государственный университет; irno2012@yandex.ru

Irina V. Novitskaya, Tomsk State University; irno2012@yandex.ru

Прапермское ударение: внутренняя и внешняя реконструкция¹

История пермского вокализма на протяжении всего прошлого столетия, начиная с работы [Wichmann 1915], была и остается одной из наиболее популярных тем исследований финноугроведов.

На разных этапах развития сравнительно-исторического финноугроведения по мере того, как уточнялось представление о структуре прауральского вокализма и появлялись новые сведения о коми и удмуртских диалектах, представители разных лингвистических школ: финской [Wichmann 1915; Itkonen 1953, Sammallahti 1988 и т. д.], русской [Лыткин 1964 и т. д.], венгерской [Rédei 1968]² и т. д., — обращались к исследованию истории пермского вокализма. Но и в настоящее время история развития пермского вокализма остается загадочной. В наиболее полных работах, например, в [Csúcs 2005], отмечается, что каждая прауральская фонема имеет от 3 до 20 возможных рефлексов в коми и удмуртском языках, и уточнить позиции различной рефлексии в большинстве случаев не удается.

По мнению ряда ученых, загадка развития вокализма в пермских языках заключается во влиянии гласных второго слога в прауральском языке на изменение гласных первого слога. Эта точка зрения высказана в работах [Rédei 1968; Sammallahti 1988]. В статье [Sammallahti 1988] сделана попытка систематического описания влияния вокализма второго слога на развитие гласных первого слога от прауральского языка к коми и удмуртскому. Несмотря на несомненную значимость и важность данного исследования, надо отметить, что свои выводы П. Саммаллахти иллюстрирует на материале 27 прауральских лексем. При увеличении количества рассматриваемых слов мы сталкиваемся с другими возможными вариантами развития прауральских гласных в пермских языках, которые не были учтены в работе [Sammallahti 1988].

В других работах, наоборот, подчеркивается значение консонантного окружения в истории пермского вокализма [Itkonen 1953; UEW; Csúcs 2005]. Отмечается, что, например, в том или ином слове произошло продвижение гласного в передний ряд под влиянием соседнего *j, или гласный стал более огубленным под влиянием лабиального согласного. Но система развития гласных первого слога в зависимости от консонантного окружения предложена не была. В работах отмечается, что соседние согласные являются в ряде случаев лишь «палатализирующим» или «веляризирующим» фактором. Почему в одних лексемах этот фактор влияет на развитие вокализма первого слога, а в других не влияет? Почему в одних случаях веляризация *a приводит к одной ПП фонеме, а в другом случае к другой? На эти вопросы ответа в предшествующих исследованиях по пермскому вокализму мы не нашли.

В последние годы появились три работы, посвященные этой тематике [Zhivlov 2010; 2014; Reshetnikov, Zhivlov 2011], в этих статьях предлагается описание развития прауральских гласных первого слога в пермских языках в зависимости от консонантного окружения³ (см. Табл. 1).

Для разъяснения появления позиций дублетов приводится следующее объяснение «ПП. *ó (*wó- в анлауте) перед палатализованными согласными и *rj; ПУ *aji > ПП *i; во всех остальных случаях — *o» [Zhivlov 2014: 124]. Но при такой концепции неясно, как объяснить примеры:

— ПУ *kama- ‘кожура’ [UEW: 7] >

фин. *katara* ‘корка’,

ПП *kõm >

удм. *kumél* ‘die abgezogene Rinde des Lindenbastes’;

коми *komjél*, *komél*, кя *кумил* ‘кожура’ [Лыткин 1961: 135].

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №18-012-00119а (описание ударения в пермских полевых данных) и РФФИ № 15-18-00044 (описание ударения в обско-угорских и самодийских языках).

² Подробный анализ литературы см. в работе [Csúcs 2005].

³ Важно отметить, что эти статьи посвящены описанию не только пермских языков, но и истории развития вокализма в других уральских языках. Но в настоящей работе, посвященной описанию пермского вокализма, мы остановимся только на разборе этого вопроса.

Развитие вокализма от ПУ к ПП по [Zhivlov 2010; 2014; Reshetnikov, Zhivlov 2011]

ПУ	ПП ⁴
*a-a ⁵	*o/ö
*a-i	*o/ö
*i-a	*o/ö
*i-i	*e
*o-a	*o/ö
*o-i	*u

В статье М. А. Живлова в этой ситуации регулярные по нашей концепции пермские рефлексy, видимо, удалены из сравнения, ср. ПУ *kama₂ ‘rind, crust’ > PFi *kamara, PMari *kom, PSam *kamə ‘scale’» [Zhivlov 2014: 128]

- ФП *kansa ‘народ, люди, товарищ, друг’, [UEW: 645] > фин. kansa ‘народ’,
 ПП *koz >
 удм. kuz (S), kuz (K) ‘пара’,
 коми goz (S P) ‘пара’, кя gúžya ‘чета, пара’ [Лыткин 1961: 109].

Количество таких примеров легко умножить. Они показывают, что появление ряда соответствий ПКoми *u — ПУдм. *u/ü, который М. А. Живлов обозначает как ПП. *o, не связано с позициями палатальности.

В работе [Норманская 2010б] была выдвинута гипотеза, что они связаны с прапермским ударением, которое без изменения сохранилось в коми-язьвинском языке. Первой работой, в которой было доказано существование подвижного ударения в прапермском языке, мы считаем монографию М. Гейслера [Geisler 2005]. В своей работе на основании анализа синкопы в пермских языках М. Гейслер доказывает, что на определенном этапе развития в прапермском языке было подвижное ударение, которое без изменения сохранилось в коми-язьвинском диалекте. Однако, М. Гейслер, видимо, находясь под влиянием господствующей традиционной теории о том, что в прафинно-угорском языке ударение было фиксировано на первом слоге, постулирует для прапермского языка два периода: на первом более раннем этапе в протопермском языке ударение было фиксировано, по его мнению, на первом слоге; на втором этапе в прапермском языке ударение стало подвижным и по месту совпадало с ударением, которое представлено в современном коми-язьвинском диалекте. В работе [Норманская 2009а] было показано, что в прапермском языке шло принципиально разное развитие вокализма в «палатализирующей» позиции⁶ и в нейтральной позиции. Интересно, что в «палатализирующих» позициях не представлены обычные прапермские фонемы, которые традиционно реконструируются в [Лыткин 1964]. В них представлены особые соответствия гласных, подробное исследование которых в коми и удмуртских диалектах еще предстоит провести⁷. В нейтральной позиции развитие ПУ/ФУ/ФП гласных первого слога зависит от места прапермского ударения и ПУ/ФУ/ФП гласных второго слога. Нами был проанализирован полный материал этимологий по [UEW], в которых нет палатализирующих позиций и представлен рефлекс в коми-язьвинском диалекте (см. анализ полного корпуса примеров в статье [Норманская 2009б]). На этом материале предложенная нами гипотеза о том, что в позиции под ударением рефлексом прапермской гласной является широкий гласный, а без ударения — узкий, подтверждается без исключений. Основываясь на этой закономерности, мы проанализировали материал этимологий из [UEW], которые не имеют рефлекса в коми-язьвинском диалекте (то есть однозначных указаний на прапермское ударения нет), но их рефлексy представлены в других диалектах одного или двух пермских языков. Полный анализ материала представлен в работе [Норманская 2009б], здесь приведем таблицу, иллюстрирующую эту гипотезу.

⁴ Здесь приводится прапермская реконструкция по М. А. Живлову, её отличие от реконструкции В. И. Лыткина можно видеть в [Zhivlov 2014: 123].

⁵ Здесь не рассматривается различие двух типов *a-основ (a₁, a₂), постулируемое М. А. Живловым, в связи с тем, что оно, по его мнению, не является релевантным для истории пермских языков.

⁶ Перед следующими согласными и группами согласных: ПУ/ФУ/ФП *ś, *śk, *ć, *ćk, *ń, *ńc, *ńc, *j, *jk, *t (> ПП *ø), *ŋ (> ПП *ø), *ɟ, *l̥, *l̥j, *l̥w, *l̥m, *k (> ПП *ø), *ks, *p (> ПП *ø), *ps, *š, *rs, *rj.

⁷ Отметим лишь, что в этой позиции для развития прапермского вокализма тоже является решающим прапермское ударение. Правило, которое ниже сформулировано для нейтральной позиции, что под ударением в прапермском языке появляется широкий гласный, а без ударения — узкий, действует без исключений и в «палатализирующих» позициях.

Таблица 2

Развитие вокализма от ПУ к ПП в зависимости от места ударения⁸

ПУ/ФУ/ФП	Ударение на первом слоге	Ударение на втором слоге
*a-a	*a	*u, *i
*o-a	*a, *o	*u, *i
*u-a	*o	*i
*i-a	*i, *o	*i
*ä-ä	*e	*i
*ü-ä	*e	*i
*e-ä	*o, e (?)	*u
*i-ä		
*a-e	*ε	*u, *i
*u-e	*ε	*u, *i
*o-e	*ö	*u, *i
*e-e	*ö, e (?)	*u
*ä-e	*ε	*i
*ü-e	*ε	*i
*i-e	*e	*i

В таблице 3 представлено развитие прапермских фонем в современных коми и удмуртских диалектах⁹.

Таблица 3

Развитие вокализма от ПП к современным коми и удмуртскому языкам

ПП	Коми	Удмуртский
*a	вс. <i>o</i> , кя. <i>u</i> , остальные <i>o</i>	<i>u</i>
*o	вс. <i>o</i> , остальные <i>o</i>	<i>u</i>
*ö	вс. <i>o</i> , кя. <i>u</i> , остальные <i>o</i>	юз. <i>u</i> , остальные <i>u</i>
*e	<i>e</i>	<i>e, o</i>
*ε	виш., воств. <i>ö</i> , остальные <i>ε</i>	общеудмуртский <i>e</i> , остальные <i>ε</i>
*i	дп. <i>ε</i> , кя. <i>i</i> , остальные <i>e</i>	остальные <i>o</i>
*u	<i>u</i>	<i>u</i>
*i	виш., воств. <i>u</i> , кя. <i>ä</i> , остальные <i>i</i>	юз. <i>ä</i> , остальные <i>i</i>

⁸ Следует еще раз повторить, что статья [Норманская 2009б] базировалась на примерах, у которых 1) есть рефлекс в финском языке, что дает возможность однозначной реконструкции праязыкового гласного, 2) в финском рефлексе нет долгого гласного, поскольку в этих словах во всех уральских языках представлена нестандартная рефлексация, 3) рефлекс представлен в обоих пермских языках. Конечно, таким образом материал существенно сужен, но в настоящее время представляется, что расширение реконструкции на полный материал непродуктивно, поскольку появляется довольно много «особых рефлексов», представленных лишь в одном или двух примерах в коми или удмуртских диалектах. Полевые записи по коми диалектам показывают, что это может быть связано с неточностями транскрипции, которая для примеров из коми дана в [UEW]. Таким образом, таблица, приведенная в статье, очевидным образом не дает исчерпывающего списка рефлексов. Но, как видно из анализа пермских рефлексов этимологий [UEW], привлекаемых к сравнению с другими языкам ниже в разделе Выводы, тенденция появления узких гласных в безударной позиции, а широких — в ударной (по коми-язьвинскому) сохраняется. Это очевидно даже из синхронного правила коми-язьвинского ударения, сформулированного в [Лыткин 1961], и описания внешних соответствий для коми-язьвинских гласных в [Лыткин 1964]. Таким образом, сама мысль о том, что в случае коми-язьвинского ударения на корне в пермских языках представлен широкий гласный, а в случае ударения на окончании — узкий, не принадлежит нам, она взята из работ В. И. Лыткина, новым является лишь предположение о том, что место ударения здесь первично. Как будет показано ниже, это подтверждают его рефлекс в других коми диалектах и внешнее сравнение.

⁹ В настоящей работе мы не концентрируемся на фонетической интерпретации полученного списка прапермских фонем, встречающихся в нейтральной позиции. Мы постарались их обозначить максимально приближенно к традиционному способу обозначения, принятому, например, в работе [Лыткин 1964]. В нескольких местах мы отступаем от транскрипции В. И. Лыткина и убираем диакритические пометы, которые представляются излишними, в частности, например, потому что второй член оппозиции по закрытости/открытости в нейтральной позиции не встречается. Представляется, что новую фонетическую интерпретацию прапермским фонемам целесообразно давать после полного завершения составления списка фонем, которые встречаются не только в нейтральной, но и в палатализующей позиции.

Однако полученные результаты не были приняты рядом ученых, в частности М. А. Живловым (см. выше его работы, посвященные попыткам описания пермского вокализма в зависимости от консонантного окружения) и В. В. Понарядовым, который в дискуссии, опубликованной в [Понарядов 2014: 755—758] пишет:

«Ю. В. Норманская до сих пор не предъявила на рассмотрение научной общественности свою версию реконструкции прафинно-пермского или более древнего уровня, которую можно было бы сравнить с версиями других специалистов. Доступна только выполненная ею прафинно-волжская реконструкция [Норманская, 2008]. Если бы Ю. В. Норманской удалось показать, что в пермских языках какие-то особенности развития гласных или просодии находятся в прямой корреляции с реконструированным ею в финно-волжской ветви древним разноместным ударением, аналогичное ударение или какие-то его эквиваленты должны были бы восстанавливаться и для финно-пермского праязыка, и рассмотрение развития пермских гласных в связи с этими древними факторами было бы вполне уместным. Однако такая корреляция до сих пор не обнаружена.... В близком коми-язьвинскому оньковском говоре коми-пермяцкого языка представлено даже более архаичное состояние подобной акцентуации, потому что сужение гласных в нем не произошло, и место ударения всецело определяется синхронным качеством гласных [Лыткин 1955: 26—27; Баталова 1990: 30—33], т. е., по существу, оньковская качественно-вокальная акцентуация является предковой для коми-язьвинской. Видимо, ранее такая система была распространена в коми ареале достаточно широко, потому что разноместное морфонологизированное ударение, обнаруживаемое в большинстве коми-пермяцких диалектов, также может быть возведено к качественно-вокальному [Лыткин 1957: 107—108]. Тем не менее, вторичность в пермских языках ударения коми-язьвинского типа совершенно очевидна. Есть основания полагать, что причиной довольно раннего его развития были контакты с древними скифо-сарматскими диалектами... Незнание этого факта привело к тому, что вся картина исторических взаимосвязей вокализма и акцентуации пермских языков в интерпретации Ю. В. Норманской оказалась повернутой с ног на голову. Вместо требуемого языковым материалом выведения места ударения из качества гласных она качество гласных определяет ударением. Но если выдвинутая в работе 2009 г. гипотеза о древности пермского ударения в контексте предполагаемой связи с реконструированной финно-волжской акцентуацией была хотя бы логичной, то теперь, когда Ю. В. Норманская от идеи о такой связи отказалась, эта логичность полностью утрачивается. Ведь отказываясь от реконструкции принимаемого М. Гейслером древнего ударения на первом слоге, которое, по его мнению, предшествовало развитию акцентуации коми-язьвинского типа, Ю. В. Норманская аргументировала это решение как раз вероятностью восхождения как пермского, так и финно-волжского ударения к прафинно-пермской системе. А они оказались к единому источнику не сводимы. Таким образом, гипотеза о влиянии на развитие пермского вокализма каких-то прафинно-пермских акцентуационных факторов должна быть отвергнута».

Для того, чтобы ответить на логичные вопросы, поставленные В. В. Понарядовым о месте пракоми ударения и его отражении в современных говорах, а также связи финно-волжского ударения с прапермским, понадобились годы исследований. Они были начаты в 2009 году после публикации монографии [Норманская 2008] с реконструкцией прафинно-волжского ударения. Необходимо было собрать материал всех диалектных групп уральских языков, в которых было при полевой работе или в архивных записях зафиксировано разноместное ударение, и проанализировать его.

В результате анализа материалов 49 уральских диалектов, собранных в полевых условиях¹⁰, более тысячи миссионерских текстов, переведенных на уральские языки и отражающих ранний диалектный материал, и архивных аудиозаписей был выявлен **21 диалект с разноместным парадигматическим ударением**¹¹, при этом только в 3 идиомах (коми-пермяцком, мансийском тавдинском, селькупском тазовском) оно было отмечено в научной литературе ранее.

¹⁰ Словари этих диалектов представлены на сайте <http://lingvodoc.ispras.ru>.

¹¹ В. А. Дыбо дает следующее определение парадигматических акцентных систем. «Под парадигматическими акцентными системами понимаются такие системы, которые характеризуются двумя или несколькими типами поведения акцента в слове, именуемыми акцентными типами или акцентными парадигмами, по которым распределяются все слова соответствующего языка следующим образом:

1) в корпусе непрямых основ выбор акцентного типа для каждого слова не предсказывается какой-либо информацией, заключенной в форме или значении этого слова, а является присущим данному слову (приписанным ему) традиционно;

2) в корпусе производных основ выбор акцентных типов определяется акцентными типами производящих (обычно с соответствующей поправкой на словообразовательный тип)» [Дыбо 2000].

- В 6 диалектах (мысовском, кудымкарском, нижеиньвенском диалектах коми-пермяцкого языка, ижемском диалекте коми-зырянского языка, низямском и салымском диалектах хантыйского языка) парадигматическое ударение было выявлено в результате полевых исследований (2009—2016 гг.).
- В 6 диалектах (иртышском и васюганском диалектах хантыйского языка, пельымском и тавдинском диалектах мансийского языка, энецком языке, тазовском диалекте селькупского языка) парадигматическое ударение отмечено только в архивных данных, некоторые из этих диалектов уже исчезли, другие нуждаются в дополнительных полевых исследованиях для создания аудиословарей.
- В 9 диалектах (центральном диалекте эрзянского языка, пермском диалекте марийского языка, ваховском диалекте хантыйского языка, юкондинском и обском диалектах мансийского языка, тундровом и лесном диалектах ненецкого языка, южном и центральном диалектах селькупского языка) ударение отмечено как в полевых материалах, так и в архивных, и системы ударения за последние 100—250 лет **не изменились**.

Нами была проведена ступенчатая реконструкция ударения на материале самодийских [Норманская 2012а,б] и обско-угорских [Норманская 2014] языков. Кроме того, были в полевых условиях собраны словари 5 диалектов коми языка: мысовского, кудымкарского, нижеиньвенского диалектов коми-пермяцкого языка, ижемского диалекта коми-зырянского языка, коми-язьвинского языка.

Теперь по факту анализа этих материалов можно ответить на вопросы В. В. Понарядова.

Во второй части статьи мы приведем полевые свидетельства анализа ударения в диалектах коми языка, которые указывают на то, что существовало прапермское ударение, которое сохранилось не только в коми-язьвинском языке, но и в ряде других диалектов, в которых оно не зависит от качества гласной.

В третьей части статьи, суммируя собранные материалы по 21 диалекту/языку с разноместным ударением, мы покажем, как реконструируется прауральская система ударения, и как из нее выводится система прапермского ударения.

Часть I. Прапермское ударение: внутренняя реконструкция

Начиная с 2009 года нами были обследованы с точки зрения ударения 6 словарей исконной лексики всех групп (северной, срединной, южной, крайне-южной и 2 словаря бесермянского) удмуртских диалектов и 6 словарей диалектов коми языков (4 словаря диалектов коми-пермяцкого языка: мысовского (северный), кудымкарского (южный), и 2 словаря на нижеиньвенском (южный) диалекте коми-пермяцкого языка, 1 словарь на ижемском диалекте коми-зырянского языка, 1 словарь коми-язьвинского языка). В результате анализа этого материала было установлено, что в удмуртском языке разноместное фонологически значимое¹² ударение действительно отсутствует.

В современном коми-язьвинском языке действует правило, описанное В. И. Лыткиным, согласно которому постановка ударения в большинстве случаев определяется звуковым составом слова: если в первом слоге многосложных слов находятся неузкие гласные *a*, *o*, *ó*, *e*, они всегда принимают на себя ударение, а гласный *ə*, который в коми-язьвинском принадлежит к среднему подъему, но в других диалектах ему обычно соответствует узкий *j* всегда вызывает перенос ударения на последующий слог, если такой в слове присутствует. Как ударными, так и безударными в многосложных словах могут быть только коми-язьвинские узкие гласные *u*, *i*, *i* [Лыткин 1961: 33—34]. Они притягивают ударение, если в других коми диалектах им соответствуют неузкие *o*, *e*, *e*, и отталкивают его, если в других коми диалектах им соответствуют узкие *u*, *i*. Отсюда легко реконструируется прежнее состояние, в котором неузкие гласные всегда притягивали ударение, а узкие отталкивали. Затем некоторые ранее неузкие гласные сузились, что и привело к сложению современной язьвинской качественно-вокальной акцентуации [Лыткин 1957: 106]. Как указал В. В. Понарядов в [Понарядов 2014: 757], «в близком коми-язьвинскому оньковском говоре коми-пермяцкого языка представлено даже более архаичное состояние подобной акцентуации, потому что сужение гласных в нем не произошло, и место ударения всецело определяется синхронным качеством гласных [Лыткин 1955: 26—27; Баталова 1990: 30—33]. Проведенный анализ места ударения в ижемском диалекте коми-зырянского языка в непроемных словах позволяет выявить аналогичное правило. В производных словах место ударения зависит от типа суффикса, часть суффиксов перетягивают ударение, другие — всегда безударны. Итак, можно было бы присоединиться к мнению В. В. Понарядова о том, что «видимо, ранее такая система (когда места ударения зависят от ряда гласного) была распространена в коми ареале достаточно широко, потому что разноместное морфонологизированное ударение, обнаруживаемое в большинстве коми-пермяцких диалектов, также может быть возве-

¹² Под разноместным фонологически значимым ударением подразумевается, что акцент является смыслозначительным для словоформ, принадлежащих к одному и тому же грамматическому классу.

дено к качественно-вокальному [Лыткин 1957: 107—108]», поэтому, по его мнению, «вторичность в пермских языках ударения коми-язьвинского типа совершенно очевидна». Здесь мы можем полностью согласиться с В. В. Понарядовым о том, что тип коми-язьвинской системы (когда в большинстве случаев ударение зависит от качества гласной, но некоторые гласные могут быть ударными или безударными) — вторичен. Это подтверждается и реконструкцией пракоми системы вокализма по [Zhivlov 2011; 2014; Sammallahti 1988; Лыткин 1964], которая показывает, что ударные узкие гласные в коми-язьвинском языке восходят к широким пракоми гласным. Это не опровергает тезиса, высказанного в [Норманская 2010б], что прапермское ударение было разноместным, и его место в словоформе совпадало с современным коми-язьвинским. Но в такой ситуации нет оснований для выбора между двумя гипотезами: а) именно ударение было первичным, а изменения вокализма от прауральского языка к прапермскому происходили по-разному в ударной и безударной позициях (гипотеза, предложенная в первой части настоящей статьи), б) ударение было вторичным и зависело от качества гласной (гипотеза, которой придерживаются в своих работах В. В. Понарядов и М. А. Живлов).

Однако представляется, что полевые материалы, собранные Р. И. Идрисовым в 2015 году по южному **кудымкарскому**¹³ диалекту коми-пермяцкого языка, и словари с большими глагольными парадигмами, собранные в 2016 году Л. Г. Пономаревой по южному **нижнеиньвенскому**¹⁴ диалекту коми-пермяцкого языка, позволяют уже на этапе внутренней реконструкции склониться к гипотезе о первичности ударения и вторичности процессов изменения гласных в коми языке.

1.1. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка

В 2016—2018 годах Л. Г. Пономарева в населенных пунктах Юсьвинского района Коми-пермяцкого округа Пермского края, расположенных на расстоянии 30 км. друг от друга: с. Доег, Тимино, д. Пиканово, Тукачево, — собрала полные глагольные парадигмы исконной лексики от носителей **нижнеиньвенского диалекта коми-пермяцкого языка**, в идиолектах которых сохранилось разноместное ударение в глагольной парадигме. Сама Л. Г. Пономарева родилась в с. Доег и является носителем нижнеиньвенского диалекта, но в её речи, так же как и у большинства жителей этих сел, ударение падает на первый слог глагольной словоформы, вероятно, под влиянием литературного языка. Но у ряда носителей сохранилось разноместное ударение в глагольной парадигме. Такая постановка ударения была обнаружена Л. Г. Пономаревой в идиолекте Мальцева Алексея Алексеевича, 1959 г. р. (родился в с. Доег). Близкая, но несколько отличная система ударения в глагольных парадигмах была выявлена у его жены Мальцевой Маргариты Алексеевны, которая родилась в 1961 г. в д. Пиканово (5 км. от с. Доег).

Ранее в монографии, посвященной описанию этого диалекта [Баталова 1975], указывалось, что в нём, как правило, ударение падает на гласные нижнего и среднего подъёма *a*, *o*, *э* корня слова: *нáчкõтас* ‘зарезет’, *нáсьтõтõны* ‘одевают’, *нõбõтас* ‘отнесёт’. Из приведённых примеров видно, что ударение обычно падает на первый слог при наличии там корневых *a*, *o*, *э*. Но ударение может падать на эти же гласные и в последующих слогах: *босьтáн* ‘возьмёшь’, *сёйõны* ‘кушают’, *пантáсь* ‘и не встретишься’, *нармáн* ‘грабли’. Гласные *и*, *у* (коми-язьвинское *ý*) могут быть ударными в том случае, если они исторически восходят к закрытым *э* и *õ*, например, *чигны* «сломать», *ситиõм* ‘такой’, *ýгõ*, *ýнõ*, *ýзõ баитõ* ‘мы, вы, они не говорили’. Но Р. М. Баталова отмечает, что «в этих словах ударение не всегда удерживается на *и*, *э*, *a* по аналогии с другими словами, где корневые *и*, *ы*, *у* не удерживают на себе ударение», в этих случаях оно падает на последующий слог, т. е. на словообразовательные или словоизменительные суффиксы, например, *чигýс* ‘сломался’, *ситиõмõ* ‘такого’, *ýммéз* ‘иглы’. В подавляющем большинстве глаголов с узкой гласной в первом слоге ударение падает на второй слог, например, «*миссýс* ‘он умылся’, *быдмý* ‘я вырос’, *муннý* ‘идти’, *мунýмõ* ‘мы ушли’, *гижнý* ‘писать’». По мнению Р. М. Баталовой, помимо вышеупомянутых случаев, когда гласные *и*, *у* (коми-язьвинское *ý*) исторически восходят к закрытым *э* и *õ*, эта закономерность нарушается ещё в результате влияния аналогичных слов с корневыми гласными неверхнего подъёма (нижнего и среднего), например, «*вýлыньõсь* вместо *вылыньõсь* ‘высокие’, *кýлис* вместо *кулис* ‘он умер’».

Из этого описания становится ясно, что в нижнеиньвенском говоре место ударения не зависит напрямую от синхронного качества первого слога.

Опрос носителей и анализ записанных данных в фонетической программе Праат позволили выявить в каждом из говоров **четыре акцентные парадигмы** глагола¹⁵.

¹³ Данные доступны по ссылке <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/522/4/perspective/522/5/view>

¹⁴ Данные доступны по ссылке <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/770/32463/perspective/770/32464/view>

¹⁵ Надо отметить, что этим носителям было очень тяжело спрягать глаголы, более охотно они переводили рассказы, поэтому в настоящее время собрано лишь несколько десятков глаголов с полными акцентными парадигмами, от других слов спрашивалась только диагностическая форма 3 л. ед. ч. настоящего времени.

В **I парадигме** в д. **Пиканово** и с. **Доег** ударение во всех формах падает на гласный первого слога:

Таблица 4

Акцентный контур I а.п. в д. Пиканово и с. Доег

	Мальцева М. А. (д. Пиканово)	Мальцев А. А. (с. Доег)
Инфинитив	<i>bóeni</i> 'купить'	<i>bóeni</i> 'купить'
Настоящее время	1 л. ед.ч. <i>bóeta</i>	1 л. ед.ч. —
	2 л. ед.ч. <i>bóetan</i>	2 л. ед.ч. <i>bóetan</i>
	3 л. ед.ч. <i>bóetə</i>	3 л. ед.ч. <i>bóetə</i>
	1 л. мн.ч. <i>bóetamə</i>	1 л. мн.ч. <i>bóetamə</i>
	2 л. мн.ч. <i>bóetat</i>	2 л. мн.ч. <i>bóetat</i>
	3 л. мн.ч. <i>bóetani</i>	3 л. мн.ч. <i>bóetən</i>
Прошедшее время	1 л. ед.ч. <i>bóeti</i>	1 л. ед.ч. <i>bóeti</i>
	2 л. ед.ч. <i>bóetin</i>	2 л. ед.ч. <i>bóetin</i>
	3 л. ед.ч. <i>bóetis</i>	3 л. ед.ч. <i>bóetis</i>
	1 л. мн.ч. <i>bóetimə</i>	1 л. мн.ч. <i>bóetimə</i>
	2 л. мн.ч. <i>bóetitə</i>	2 л. мн.ч. <i>bóetitə</i>
	3 л. мн.ч. <i>bóetisə</i>	3 л. мн.ч. <i>bóetisə</i>

Во **II парадигме** в д. **Пиканово** и с. **Доег** ударение в настоящем времени падает на первый слог, а в прошедшем на второй:

Таблица 5

Акцентный контур II а.п. в д. Пиканово и с. Доег

	Мальцева М. А. (д. Пиканово)	Мальцев А. А. (с. Доег)
Инфинитив	—	<i>ád̄zd̄zin</i> 'видеть'
Настоящее время	1 л. ед.ч. <i>ád̄zd̄za</i> 'вижу'	1 л. ед.ч. <i>ád̄zd̄za</i>
	2 л. ед.ч. <i>ád̄zd̄zan</i>	2 л. ед.ч. <i>ád̄zd̄zan</i>
	3 л. ед.ч. <i>ád̄zd̄zə</i>	3 л. ед.ч. <i>ád̄zd̄zə</i>
	1 л. мн.ч. <i>ád̄zd̄zamə</i>	1 л. мн.ч. <i>ád̄zd̄zamə</i>
	2 л. мн.ч. <i>ád̄zd̄zat</i>	2 л. мн.ч. <i>ád̄zd̄zatə</i>
	3 л. мн.ч. <i>ád̄zd̄zəni</i>	3 л. мн.ч. <i>ád̄zd̄zən</i>
Прошедшее время	1 л. ед.ч. <i>ad̄zd̄zivi</i>	1 л. ед.ч. <i>ad̄zd̄zii</i>
	2 л. ед.ч. —	2 л. ед.ч. <i>ad̄zd̄ziin</i>
	3 л. ед.ч. <i>ad̄zd̄ziis</i>	3 л. ед.ч. <i>ad̄zd̄ziis</i>
	1 л. мн.ч. <i>ad̄zd̄zivimə</i>	1 л. мн.ч. <i>ad̄zd̄ziimə</i>
	2 л. мн.ч. —	2 л. мн.ч. <i>ad̄zd̄ziitə</i>
	3 л. мн.ч. <i>ad̄zd̄ziisə</i>	3 л. мн.ч. <i>ad̄zd̄ziisə</i>

В **IIIa парадигме** в д. **Пиканово** ударение падает на второй слог в 1, 2 л. ед.ч. числе настоящего и прошедшего времени, а в 3 л. ед. ч. и во множественном числе — на первый слог. В этих же словах в с. **Доег** ударение всегда падает на первый слог, то есть они относятся к **I а.п.**

Таблица 6

Акцентный контур IIIa а.п. в д. Пиканово

	Мальцева М. А. (д. Пиканово)
Инфинитив	<i>péni</i> 'выходить'
Настоящее время	1 л. ед.ч. <i>petá</i>
	2 л. ед.ч. <i>petán</i>
	3 л. ед.ч. <i>pétə</i>
	1 л. мн.ч. <i>pétamə</i>
	2 л. мн.ч. <i>pétatə</i>
	3 л. мн.ч. —

Прошедшее время	1 л. ед.ч. <i>petí</i>
	2 л. ед.ч. <i>petín</i>
	3 л. ед.ч. <i>petís</i>
	1 л. мн.ч. <i>pétimə</i>
	2 л. мн.ч. —
	3 л. мн.ч. <i>pétisə</i>

В **III** акцентной парадигме в с. Доег ударение падает на первый слог во всех формах, кроме 2 л. ед. ч., 1, 3 л. мн. ч. настоящего времени, 3 л. ед. ч. прошедшего времени, в говоре д. Пиканово все глаголы этого класса имеют ударение на втором слоге и относятся к **IV** а.п.

Таблица 7

Акцентный контур IIIа а.п. в с. Доег

Мальцев А. А. (с. Доег)	
Инфинитив	<i>viéni</i> ‘болеть’
Настоящее время	1 л. ед.ч. <i>viéa</i> ‘болею’
	2 л. ед.ч. <i>viéán</i>
	3 л. ед.ч. <i>viéə</i>
	1 л. мн.ч. <i>viéámə</i>
	2 л. мн.ч. <i>viéat</i>
	3 л. мн.ч. <i>viéəni</i>
Прошедшее время	1 л. ед.ч. —
	2 л. ед.ч. <i>viéin</i>
	3 л. ед.ч. <i>viéis</i>
	1 л. мн.ч. <i>viéimə</i>
	2 л. мн.ч. <i>viéitə</i>
	3 л. мн.ч. <i>viéisə</i>

В IV парадигме ударение всегда падает на второй слог:

Таблица 8

Акцентный контур VI а.п. в д. Пиканово и с. Доег

Инфинитив	Мальцева М. А. (д. Пиканово)	Мальцев А. А. (с. Доег)
	<i>piúni</i> ‘варить’	<i>piúni</i> ¹⁶ ‘варить’
Настоящее время	1 л. ед.ч. <i>piúá</i>	1 л. ед.ч. <i>piúá</i>
	2 л. ед.ч. <i>piúán</i>	2 л. ед.ч. <i>piúán</i>
	3 л. ед.ч. <i>piúə</i>	3 л. ед.ч. <i>piúə</i>
	1 л. мн.ч. —	1 л. мн.ч. <i>piúámə</i>
	2 л. мн.ч. <i>piúátə</i>	2 л. мн.ч. <i>piúátə</i>
	3 л. мн.ч. —	3 л. мн.ч. <i>piúəni</i>
Прошедшее время	1 л. ед.ч. —	1 л. ед.ч. <i>piúí</i>
	2 л. ед.ч. <i>piújín</i>	2 л. ед.ч. <i>piúín</i>
	3 л. ед.ч. —	3 л. ед.ч. <i>piúís</i>
	1 л. мн.ч. <i>piúimə</i>	1 л. мн.ч. <i>piúimə</i>
	2 л. мн.ч. <i>piúitə</i>	2 л. мн.ч. <i>piúitə</i>
	3 л. мн.ч. <i>piúisə</i>	3 л. мн.ч. <i>piúisə</i>

В идиолекте более молодого носителя из д. Пиканово Бычкова Геннадия Николаевича 1975 г. р. (см. словарь <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/2098/14/perspective/2098/15/edit>) зафиксированы уже только три акцентные парадигмы: II а.п. совпала с IIIа а.п., в настоящее время в обеих представлено раз-

¹⁶ Это единственный глагол IV а.п., в котором ударение в инфинитиве падает на первый слог, в остальных глаголах этой акцентной парадигмы в небольшом словаре, записанном Л. Г. Пономаревой, оно падает на второй слог, ср. доег. нижнеин. *kurtní* (IV а.п.) ‘грести (сено)’, *kusní* (IV а.п.) ‘гаснуть’, *fuvní* (IV а.п.) ‘сказать’.

номестное ударение в глаголах с широким гласным первого слога как в настоящем, так и в прошедшем времени, аналогичное Ша а.п. у Мальцевой М. А.

По данным монографии [Баталова 1975: 93—94], в говорах населенных пунктов Тимино и Тукачево, которые располагаются от с. Доег и д. Пиканово на расстоянии соответственно 13 км и 30 км на северо-восток, наблюдается особая система ударения, отличная от «доеговской».

Действительно, и по современным полевым записям у Семушевой Галины Павловны 1950 г. р. из с. Тимино (см. словарь <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/2098/1978/perspective/2098/1979/view>) тоже представлены только три акцентные парадигмы: Шб а.п. с разноместным ударением у глаголов с узким гласным в первом слоге в её говоре совпала с I а.п., и ударение у части слов с узкими гласными в корне оказалось фиксировано на первом слоге, что отмечает в качестве диагностической особенности этого говора и Р. М. Баталова, ср. [Баталова 1975: 94], то есть, система ударения идиолекта Семушевой Г. П. была представлена уже в середине XX в.

У молодой носительницы Тукачевой Марии Александровны 1984 г. р. из д. Тукачево, которая по состоянию здоровья не училась в школе, частично сохраняется различие четырех акцентных парадигм. В словах с широкими гласными ударение полностью совпадает с говором Бычкова Г. Н. из д. Пиканово, то есть, представлены I а.п. (ударение фиксировано на 1 слоге) и Ша а.п. (разноместное ударение в настоящем и прошедшем времени). Но интересно, что в словах с узкими гласными у неё частично сохраняется различие парадигм Шб (разноместное ударение), например, у глагола *тун-* ‘идти’, и IV а.п. (ударение фиксировано на непервом слоге), например, у глагола *тис-* ‘мыть’. В большинстве случаев, однако, эти глаголы получают фиксированное ударение на первом слоге (I а.п.) под влиянием литературного языка, в то время как у Бычкова Г. Н. в «доеговском» они получают IV а.п. К сожалению, в монографии [Баталова 1975] при описании ударения в этом говоре приводится лишь несколько слов, и не вполне понятно, имел ли место переход глаголов с узким гласным первого слога в I а.п. в середине XX в.

Таким образом, сравнивая данные по ударению, полученные от носителей разных говоров нижеиньвенского диалекта, можно сделать вывод, что четыре акцентные парадигмы являются достаточно архаичными и представлены в разных ареалах этого диалекта:

Таблица 9

Акцентные парадигмы нижеиньвенского диалекта коми-пермяцкого языка

Праниже-иньвенский язык		доеговский говор			тиминский говор	тукачевский говор
		с. Доег	д. Пиканово (Мальцева)	д. Пиканово (Бычков)	с. Тимино	д. Тукачево
гласный 1 слога — широкий	I а.п. ударение фиксировано на корне	I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.
гласный 1 слога — широкий	II ¹⁷ а.п. разноместное ударение	II а.п.	Ша а.п. и II а.п.	Ша а.п.	III а.п.	Ша а.п.
гласный 1 слога — узкий	III ¹⁸ а.п. разноместное ударение	Шб а.п.	IV а.п.	IV а.п.	I а.п.	III а.п. (в виде реликтов)
гласный 1 слога — узкий	IV а.п. ударение фиксировано не на первом слоге	IV а.п.	IV а.п.	IV а.п.	IV а.п.	IV а.п. (в виде реликтов)

Таким образом, в говорах нижеиньвенского диалекта зафиксировано разноместное парадигматическое ударение, не связанное напрямую с качеством гласного первого слога, и реконструируются четыре а.п., которые, как будет показано в Выводах, являются архаическим наследием прауральского языка-основы.

¹⁷ Акцентная кривая, видимо, совпадала с Ша а.п. у М. А. Мальцевой, см. таблица 7, поскольку такая а.п. представлена у носителя из д. Пиканово и д. Тукачево, которые отдалены на 30 км., а появление акцентной кривой по типу II а.п. у А. А. Мальцева, очевидно, является инновацией с. Доег. У М. А. Мальцевой, которая уже несколько десятилетий живет с мужем в с. Доег представлены обе акцентные кривые, спорадически заменяющиеся друг на друга.

¹⁸ Акцентная кривая, видимо, совпадала с Шб у А. А. Мальцева, см. таблицу 6, поскольку именно она представлена у носительниц из тиминского и тукачевского говоров.

1.2. Кудымкарский диалект коми-пермяцкого языка

Еще одно подтверждение гипотезы о первичности разноместного ударения в пермских языках, значимое как для внутренней реконструкции, так и для внешней реконструкции, мы нашли в аудиословах по южному – **кудымкарскому диалекту**¹⁹ (д. Большая и Малая Серва) коми-пермяцкого языка. В [Баталова 1975] отмечается, что в федоровском говоре кудымкарского диалекта в непроемных словах отмечены следы разноместного ударения, отличающегося от ударения литературного коми-пермяцкого языка и не зависящего от состава гласных в словоформе, ср. *pónđis vudný* ‘зачесалось’, *ménó и gижó síя* ‘он и меня записывает’. К сожалению, у нас из с. Большая и Малая Серва нет записей глагольных парадигм, их сбор планируется в будущих экспедициях. Но анализ даже начальных форм показал, что, как указывала и Р. М. Баталова, в непроемных словах²⁰ место ударения не всегда ставится в зависимости от качества гласного первого слога. Было выявлено, что при первом узком гласном ударение может падать как на первый, так и на второй слог: кудым. *ívín-* (Д1 0.151, И1 63.075; Д1 0.078, И1 63.41) ‘далеко’ (ПП. **ül-*), кудым. *kún’ni* (Д1 0.105, И1 52.97; Д2 0.053, И2 51.178) ‘закрывать глаза’ (< ПП. **kuñ-*) vs. кудым. *kirím* (Д1 0.029, И1 49.069; Д2 0.134, И2 56.386) ‘горсть’ (< ПП. **kürym*), *jurei* (Д1 0.056, И1 36.89; Д2 0.248, И2 43.185) (ПП. **jur-**si) ‘волосы’, вне зависимости и от прапермского качества этого гласного. Основной характеристикой ударного гласного является большая длительность, которая иногда в полтора, два раза превышает длительность безударного гласного в этом слове. В ряде случаев ударный гласный маркируется и большей интенсивностью, но в открытом ауслутом втором слоге в большинстве случаев более интенсивен гласный первого слога вне зависимости от места ударения, поэтому для носителя русского языка в таких случаях, когда длительность и интенсивность маркируют разные слоги, не всегда ясно на слух, как поставить ударение. В связи с этим для непроемных лексем кудымкарского диалекта была произведена разметка спектрограмм в фонетической программе Praat (результаты этой обработки представлены в онлайн словаре на сайте <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/522/4/perspective/522/5/view>, можно выбрать опцию Tools > Phonology и скачать xls файлы с результатами обсчета данных разметки спектрограмм, представленных на сайте; здесь и далее в статье²¹ для гласных этого говора мы приводим сведения по длительности и интенсивности, верифицирующие место ударения).

Предварительное²² соотнесение данных по ударению в глаголе с доеговским нижеиньвенским говором показывает, что есть два акцентных типа с узким гласным первого слога: 1) когда в доеговском глагол имеет IIIб а.п. (ударение падает на первый слог во всех формах, кроме 2 л. ед. ч., 1, 3 л. мн. ч. настоящего времени, 3 л. ед. ч. прошедшего времени), то в записанном Р. И. Идрисовым кудымкарском словаре глагол в инфинитиве имеет ударение на первом слоге: кудым. *viēni* (Д1 0.079, И1 51.298; Д2 0.039, И2 42.760), доег. нижеин. *viēni* (IIIб а.п.) ‘болеть’; кудым. *viđzni* (Д1 0.092, И1 47.858, Д2 0.087, И2 52.196), доег. нижеин. *viđzni* (IIIб а.п.) ‘держат’; кудым. *kiēēni* ‘литься’ (Д1 0,080, И1 41,30; Д2 0,69, И2 43,06; Д3 0,066, И3 38,37), доег. нижеин. *kiēni* (IIIб а.п.) ‘вылить’.

2) Когда в доеговском говоре у глагола IV а.п. (ударение по всех формах настоящего и прошедшего времени падает на второй слог), то в кудымкарском диалекте ударение в инфинитиве глагола на втором слоге: кудым. *kusni* (Д1 0,162, И1 74,17; Д2 0,224, И2 68.80), доег. нижеин. *kusni* (IV а.п.) ‘гаснуть’, кудым. *funi* (Д1 0,064, И1 52,99; Д2 0,111, И2 48,17) ‘говорить’, доег. нижеин. *funni* (IV а.п.) ‘сказать’.

При анализе данных по ударению в именах с двумя узкими гласными в кудымкарском говоре и литературном коми-пермяцком языке²³ по словарю [Баталова, Кривошекова-Гантман 1985] оказалось, что место ударения в подавляющем большинстве таких слов совпадает, ср., например,

¹⁹ Данные доступны по ссылке <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/522/4/perspective/522/5/view>.

²⁰ В производной лексике место ударения, видимо, зависит от типа суффикса, и в большинстве слов совпадает с литературным языком. Полное описание системы ударения в этих диалектах еще предстоит подготовить.

²¹ Эксплицитное указание на длительность и интенсивность гласного приводится в статье в тех случаях, когда постановка ударения не очевидна на слух для носителя русского языка. В остальных примерах эту информацию можно получить на сайте в онлайн словаре <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/522/4/perspective/522/5/view>.

²² В настоящее время примеров глаголов с III а.п. в доеговском нижеиньвенском говоре найдено менее десяти, поскольку удалось собрать акцентную парадигму лишь от нескольких десятков глаголов.

²³ В непроемных глаголах с двумя узкими гласными в литературном коми-пермяцком языке ударение всегда падает на первый слог в отличие от кудымкарского и нижеиньвенского диалектов, в которых ударение, как было показано выше, может быть и на первом и на втором слогах.

— ударение на первом слоге:

- кудым. *gírĭe* — лит. к.-п. *gýrĭsĭ* ‘крупный’²⁴;
 кудым. *jĭki* — лит. к.-п. *ýĭki* ‘мякина’;
 кудым. *úlic* — лит. к.-п. *úlisĭ* ‘нижний’;
 кудым. *írkit* — лит. к.-п. *ýrkĭt* ‘прохладный’;
 кудым. *rĭſkĭt* — лит. к.-п. *rýſkĭt* ‘рыхлый’;
 кудым. *júgĭt* — лит. к.-п. *júgĭt* ‘светлый’;
 кудым. *sírteĭk* — лит. к.-п. *sýrčĭk* ‘трясогузка’;
 кудым. *mĭvkĭd* — лит. к.-п. *mývkĭd* ‘ум’;

Есть одно исключение: кудым. *n'úkĭl'* — лит. к.-п. *nyokýlĭ* ‘мелкая рыба’.

Ударение на втором слоге:

- кудым. *izĭn* ‘жернов’ — лит. к.-п. *izýn* ‘жерновой камень’;
 кудым. *turĭ* — лит. к.-п. *turý* ‘журавль’;
 кудым. *t'urĭk* — лит. к.-п. *týrĭk* ‘катушка’;
 кудым. *kutĕĭk* — лит. к.-п. *kučĭk* ‘кожа’;
 кудым. *pĭl'im* — лит. к.-п. *pĭlĭm* ‘космы’;
 кудым. *teĭkĭe* — лит. к.-п. *čĭkĭsĭ* ‘коса’;
 кудым. *sun'is* — лит. к.-п. *sunĭs* ‘нитка’;
 кудым. *tĭpĭv* — лит. к.-п. *tĭpĭv* ‘окунь’;
 кудым. *eizĭm* — лит. к.-п. *sizĭm* ‘семь’;
 кудым. *zirĭm* — лит. к.-п. *zyrĭm* ‘сопли’;
 кудым. *pĭteĭk* — лит. к.-п. *pĭčĭk* ‘трясогузка’;
 кудым. *turĭn* — лит. к.-п. *turĭn* ‘трава’;
 кудым. *vurĭn* — лит. к.-п. *vurĭn* ‘шерсть овечья’;

Исключение: кудым. *gudĭr* — лит. к.-п. *gúdyr* ‘муть’.

Насколько нам известно, ранее в литературе не было дано объяснения, в каких случаях в непроизводных словах с двумя узкими гласными в коми-пермяцких диалектах ударение ставится на первый слог, а в каких на второй. Представляется, что факт наличия разноместного ударения в словах с узкими гласными в различных коми-пермяцких диалектах и литературном языке указывает на первичность ударения по отношению к происхождению систем современных гласных в диалектах коми языков, поскольку становится ясно, что место ударения не во всех случаях связано с качеством гласных.

Как было показано выше, ср. таблицу 1, мы предполагаем, что при колонном ударении на корне в прапермском языке все прауральские гласные переходили в широкие прапермские гласные, а в других случаях рефлексом прауральских гласных были узкие прапермские гласные. Ранее в [Норманская 2010а, б] была высказана гипотеза, что в прапермском языке были две акцентные парадигмы, но новая информация, полученная в полевых условиях по разноместному ударению в коми-пермяцких диалектах, которая указывает на наличие двух разных акцентных парадигм как в глаголах, так и в именах с узкими гласными, заставляет предположить наличие как минимум трёх акцентных парадигм в коми-пермяцком языке.

Во второй части настоящей статьи мы предлагаем попытку верификации этой гипотезы с точки зрения внешних соответствий: полексемного соотнесения данных по коми-пермяцким акцентным парадигмам с информацией об ударении в финно-волжских и самодийских языках.

Часть II. Прапермское ударение: внешняя реконструкция

II.1. Соответствия прапермского ударения в финно-волжских языках:

В монографии [Норманская 2008] было показано, что проекция современного мокшанского места ударения на прафинно-волжский уровень позволяет решить ряд вопросов сравнительно-исторической фонетики и грамматики финно-волжских языков, которые на протяжении прошлого столетия были предметом оживленных дискуссий. Во-первых, мы смогли описать с минимумом исключений становление системы вокализма в современных мордовских языках в рефлексах ПУ/ФУ/ФП/ФВ **a*, **o*, **u*, **ä*-основ в зависимости от места прафинно-волжского ударения и типа основы. Ниже в таблицах 10 и 11 представлена схема рефлексов прауральских гласных в мордовских языках в зависимости от прафинно-волжского места ударения, сохранившегося без изменения в пшеновском диалекте мокшанского языка в *a*-основах (подробнее см. главу I).

²⁴ Примеры из литературного коми-пермяцкого языка приводятся по [Баталова, Кривошекова-Гантман, 1985].

Таблица 10

Таблица развития задних гласных первого слога от прауральского языка к прамордовскому

ПУ/ФУ/ФП/ФВ *V (1слог)	ПМ *V (2 слог)	*a	*a ₁	*á	*a ₂
*a	*a	*a	*a	u/-(//i//ə)(M), u/-(//i//o)(E) ²⁵	u
*o	*o	*o	*o	u/-(//i//ə)(M), u/-(//i//o)(E)	u
*u	*o ²⁶	*o	*o	u/-(//i//ə)(M), u/-(//i//o)(E)	u
*i	*o/*e(_Ć, Ć_)	*o/*e(_Ć, Ć_)	*o/*e(_Ć, Ć_)	u/-(//i//ə)(M), u/-(//i//o)(E)	u

Таблица 11

Таблица развития передних гласных первого слога от прауральского языка к прамордовскому

ПУ/ФУ/ФП/ФВ *V (1слог)	ПМ *V (2 слог)	*ä	*a ₃ ²⁷	*á	*a ₄
*ä	*ä	ä (M), e (E)	*e(*ä)	i/-(E) i/ə/-(M) ²⁸	i/-(E) i/ə/-(M)
*e	*i	*i	*e(*ä)	i/-(E) i/ə/-(M)	i/-(E) i/ə/-(M)
*i	*o/*e(_Ć)	*o/*e(_Ć)	*e(*ä)	i/-(E) i/ə/-(M)	i/-(E) i/ə/-(M)
*ü	*e/*ä	*e/*ä	*e(*ä)	i/-(E) i/ə/-(M)	i/-(E) i/ə/-(M)

Во-вторых, удалось объяснить причины возникновения I (a-) vs. II (e-) спряжений марийских глаголов в зависимости от места прафинно-волжского ударения (II глава, I раздел); в-третьих, объяснить причины возникновения двух подтипов III склонения существительных с основами, заканчивающимися на -á vs. -é в зависимости от места прафинно-волжского ударения (II глава, II раздел); в-четвертых, показать, что редуцированные в марийском языке следует реконструировать на прамарийский уровень (на основании внутреннего сравнения современных диалектов марийского языка и анализа булгарских заимствований в прамарийский язык); описать причины их возникновения в зависимости от места прафинно-волжского ударения (III глава).

²⁵ По реконструкции прамордовского языка, предложенной в [Иванова 2006], так выглядят рефлексы ПМ *a в первом слоге в ФУ *a-основах. Правило реализации ПМ *a по диалектам не вполне ясно. По мнению Г. С. Ивановой, первоначальными рефлексами ПМ *a были морд. u и i, которые в дальнейшем в отдельных диалектах переходят в редуцированный гласный ə или выпадают. Процесс такого перехода продолжается и в настоящее время. Г. С. Иванова приводит ряд примеров, где в одном и том же диалекте в одних грамматических формах слово имеет гласный полного образования в первом слоге, а в других редуцированный. Вот несколько примеров, цитируемых по работе [Иванова 2006] из II типа мокшанских говоров, распространенных на территории Инсарского, Кадошкского, Ковылкинского (частично), Ельниковского, Zubovo-Полянского (частично), Атюрьевского (частично) районов: sur 'палец' vs. sərne 'пальчик', sížə- 'устать' vs. šəzan 'я устану', šəžəndən 'я устаю'. По мнению Г. С. Ивановой, есть факторы, влияющие на редукцию гласных — это последующие сочетания согласных и тип говора. Например, перед сочетанием согласных с -r- ПМ *a практически в любом говоре в любом говоре имеет рефлекс ə. Во II типе говоров ПМ *a значительно чаще имеет редуцированный рефлекс, чем в I и III типах. Но системно описать позиции реализации ПМ *a в настоящее время не удастся.

²⁶ В результате анализа мы пришли к выводу, что рефлексы ПУ *o, *u в *a-основах в мордовском совпадают, см. выше концепцию Э. Итконена, по которой они различаются.

²⁷ Помимо влияния на развитие вокализма первого слога, a₃ и a₄ различаются следующим формальным образом: в ауслате в мокшанском языке a₃ имеет рефлекс ä, a₄ другие рефлексы.

²⁸ По реконструкции прамордовского языка, предложенной в [Иванова 2006], так выглядят рефлексы ПМ *a в первом слоге в ФУ *ä-основах.

Сравнение финно-волжских и пермских акцентных парадигм приводит к следующему результату:

Таблица 12

Соответствия ФВ и ПП акцентных парадигм

	ФВ	ПП
I ФП(ФУ) тип	ударение на 1-ом слоге	I а.п.
II ФП(ФУ) тип	ударение на 1-ом слоге	II а.п.
III ФП(ФУ) тип	ударение на 1-ом слоге	III а.п.
III ФП(ФУ) тип	ударение на 2-ом слоге	IV а.п.

II.2. Соответствие прапермского ударения в самодийских языках:

В результате анализа архивного и полевого материала, представленного в современных самодийских языках и диалектах, были получены следующие выводы (подробнее см. [Норманская 2012а, б]).

I) Следует реконструировать два типа акцентных маркировок для ПС корней:

ПС корни с плюсовой акцентной маркировкой имеют рефлекс

- 1) долгие протоненецкие (тундровые) гласные,
- 2) плюсовая акцентная маркировка в селькупских диалектах (т. е. когда ударение во всех производных фиксировано на корне),

ПС корни с минусовой акцентной маркировкой имеют рефлекс

- 1) краткие протоненецкие (тундровые) гласные,
- 2) корни с минусовой маркировкой в селькупском (т. е. когда ударение в ряде производных падает не на первый слог).

II) Оказалось, что принципиально различается рефлексация ПУ гласных в ПС языке в корнях с плюсовой и минусовой акцентной маркировками

Таблица 13

Рефлексация ПУ гласных первого слога в зависимости от акцентной маркировки ПС корней:

ПУ гласный первого слога	Рефлекс ПУ гласного в ПС корнях с <u>плюсовой</u> акцентной маркировкой (I а.п.)	Рефлекс ПУ гласного в ПС корнях с <u>минусовой</u> акцентной маркировкой (II а.п.)
*a	ПС *ā, *v	ПС *ə
*o	ПС *o, *ā	ПС *ə
*u	ПС *u, *i ²⁹	ПС *ə
*i	ПС *i, *e	ПС *i
*ā	? ПС *ā, *e	
*ū	ПС *i	ПС *i, *ə
*e	ПС *e, *i	ПС *i
*i	ПС *ā	ПС *i, *ə

²⁹ На основании сопоставления данных по вокализму в селькупских диалектах с камасинскими материалами мы предлагаем реконструировать три дополнительные фонемы в ПС языке (полный материал, верифицирующий эту гипотезу, представлен в статье [Normanskaja in print]). ПС *ā в реконструкциях [Janhunen 1977] соответствуют три разных гласных в праселькупском языке, которые имеют особые соответствия в камасинском и прауральском языках:

1) ПС *ā (*ā [Janhunen 1977]) > ненец. a, энец. a, нган. o; ПСельк. *o/*ō (Сельк. o/ō [Alatalo 2004]) > таз., ср.-обск. o/ō, нар. џ, кет. o; кам. a [ПУ *a (> саам. N oa)].

2) ПС *v (*ā [Janhunen 1977]) > ненец. a, энец. a, нган. o; ПСельк. *uā/*uā̄ (Сельк. uā [Alatalo 2004]) > таз. e/ē, нар. vε, ср.-обск., кет. Ve; кам. u, o [ПУ *a (> саам. N uo)].

3) ПС *λ (*ā [Janhunen 1977]) > ненец. a, энец. a, нган. o; ПСельк. *u/*ū (Сельк. u/ū [Alatalo 2004]) > таз., ср.-обск. u/ū, нар., кет. u, в позиции анлаута таз. wε, нар. va; кам. u, o, ш [ПУ *o, *u]

Полученный инвентарь будет выглядеть следующим образом:

*i *ū *j *u
*e *ö *ə *ə̄ *ē *o
*ā *a *v *ā̄ *λ

Более того, на основании двух рядов соответствий для ПУ *a: 1) саам. N oa — Псельк. *o/*ō, кам. a; 2) саам. N uo — Псельк. *uā/*uā̄, кам. u, o можно предположить существование двух *a и в прауральском языке, но этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Соотнесение данных о ФВ, ПП, ПС акцентных парадигмах на материале всех этимологий [UEW] позволило выявить следующие схемы³⁰:

Таблица 14

Соответствия ФВ, ПП и ПС акцентных парадигм

ПУ	ФВ	ПП	ПС
I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.
II а.п.	I а.п.	II а.п.	I а.п.
III а.п.	I а.п.	III а.п.	II а.п.
IV а.п.	II а.п.	IV а.п.	I а.п.

II.3. Соответствия прапермского ударения в хантыйских диалектах³¹

В 2011 году во время работы с архивом М. А. Кастрена (в Национальной библиотеке Финляндии в г. Хельсинки) было обнаружено, что в его записях зафиксировано разноместное ударение в южно-хантыйских диалектах на Иртыше. Это чрезвычайно ценные данные, поскольку в настоящее время южно-хантыйских диалектов уже нет. В списке М. А. Кастрена представлено около двухсот слов, в подавляющем большинстве непроизводных существительных и глаголов в формах 1SgPraes или 1SgPraet и инфинитива. В инфинитивах ударение падает всегда на первый слог, а в косвенных падежах имен и в формах 1SgPraes или 1SgPraet глаголов ударение может падать как на первый, так и на второй слог. Какую-то зависимость от качества гласных в словоформе нам выявить не удалось. Эти данные заставляют предположить, что в южно-хантыйских диалектах в непроизводных словах было представлено парадигматическое фонологически значимое ударение.

Учитывая, что аналогичные системы были выявлены в центральных и южно-селькупских диалектах (экспедиции 2009—2010 года, архивные данные М. А. Кастрена, А. П. Дульзона) [Норманская 2012a], во всех ненецких диалектах (экспедиции М. К. Амелиной 2009—2012 года) [Амелина 2011; 2012], и в качестве рудиментов в энецком языке (архивные данные М. А. Кастрена) [Норманская 2012б], можно предположить, что парадигматическое ударение в уральских языках является весьма древним. Поэтому представлялось целесообразным продолжить его поиск в других хантыйских и мансийских диалектах.

Работа по поиску таких систем ведется нашим коллективом в рамках работ по грантам Президента РФ, РФФИ, РНФ. За последние 8 лет была проведена серия экспедиций в отдаленные районы Западной Сибири, где в результате контактов с местной администрацией было установлено, что там проживают ханты или манси, владеющие родным языком: к березовским, казымским, шурышкарским, низямским, салымским, сургутским, васюганским, александровским, ваховским хантам, средне-обским, юкондинским, сосвинским манси. Было выявлено, что в большинстве северо-западных диалектов хантыйского языка ударение фиксировано на первом слоге. Ситуация с ударением в шурышкарском диалекте нуждается в дальнейших исследованиях. Оно явно разноместное, что отмечают и сами носители языка, но при анкетировании С. В. Ониной был зафиксирован ряд случаев, когда одна и та же словоформа в разных контекстах имела ударение то на первом, то на втором слоге. Представляется, что анализ полного материала словаря и представительного числа контекстов с разными формами парадигмы в фонетической программе Praat позволит описать эту систему. В салымском³², васюганском, ваховском диалектах, которые считаются восточно-хантыйскими, видимо, представлено ударение, которое особым образом зависит от

³⁰ Здесь приводятся только те схемы, на которые найдено более четырех примеров на материале этимологий [UEW].

³¹ В статье при изложении материала оказалось целесообразнее сначала дать сведения о месте самодийского ударения и его соответствия в ФП языках, а потом хантыйского. Дело в том, что корней, для которых одновременно в финно-волжских, пермских и самодийских языках удается реконструировать а.п., значительно больше (41 праформа), чем слов, имеющих рефлекс с четкой а.п. одновременно в финно-волжском, прапермском и хантыйском (5 праформ). Поэтому целесообразно привлекать к сравнению с хантыйскими сразу и самодийские данные: это дает увеличение количества форм с надежным рефлексом а.п. в трех языковых семьях ПП, хантыйской, ФВ или ПС (до 21 праформы).

³² Этот диалект по данным предшествующих исследователей (см. [Nikolaeva 1999]) относят к уже исчезнувшим. М. К. Амелина нашла несколько десятков людей, хорошо владеющих диалектом, но из них лишь одна женщина (Каюкова Светлана Петровна) согласилась сотрудничать.

состава гласных в словоформе, ср. [Норманская 2013], а в низямском диалекте хантыйского языка, промежуточном между северо- и юго-западными, в кондинском, обском, сосвинском (д. Хулимсунт) диалектах мансийского языка было выявлено разноместное ударение. В каждом диалекте был записан полный словник всей исконной финно-угорской лексики от двух и более носителей языка³³. В настоящее время эти словари можно найти на сайте lingvodoc.ispras.ru.

В результате сопоставления низямских³⁴ данных с материалами М. А. Кастрена по иртышскому диалекту, проведенного в [Норманская 2014], мы пришли к следующему выводу. В непроизводных словах ударение в современном низямском диалекте полностью совпадает с южно-хантыйскими данными М. А. Кастрена, записанными на Иртыше. Оно может быть либо фиксировано на корне, либо на окончании. Поскольку ни в материалах М. А. Кастрена, ни в полевых записях от носителей низямского диалекта не представлены развернутые парадигмы, то вопрос о наличии изменения места ударения при словоизменении остается открытым. В производных основах в низямском диалекте произошла категоризация иктуса, которая при отсутствии непроизводных основ в словаре не позволяет установить акцентный тип корня. Это ударение, видимо, следует реконструировать для прахантыйского языка, поскольку, с одной стороны, в восточных диалектах представлена явно инновационная система ударения, связанная с прахантыйским качеством гласного, а с другой, низямско-иртышские а.п. имеют надежные соответствия в других уральских языках. При сравнении их с ФП, ПП и ПС ударением обнаружилось следующие соответствия:

Таблица 15

Соответствия ФВ, ПП, ПС и ПХант. акцентных парадигм

ПУ	ФВ	ПП	ПС	ПХант.
I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.
II а.п.	I а.п.	II а.п.	I а.п.	I а.п.
III а.п.	I а.п.	III а.п.	II а.п.	II а.п.
IV а.п.	II а.п.	IV а.п.	I а.п.	I а.п.

II.4. Соответствие прапермского ударения в мансийских диалектах

Мансийское разноместное ударение отмечалось еще в XIX в. в работе [Munkácsi 1894]. Он приводит парадигмы глагола для северных, восточных, западных и южно-мансийских диалектов.

Для **тавдинского (южного) диалекта** Б. Мункачи выделяет две акцентные парадигмы: у части глаголов с одним и тем же типом спряжения ударение фиксировано на первом слоге, а у части — на втором слоге.

К сожалению, для других диалектов примеров разной постановки ударения в одном и том же типе спряжения в монографии Б. Мункачи не представлено. Он приводит для действительного залога (*cselekvő alak*) только формы глагола *min-/mën-* ‘идти’, который в современных диалектах имеет ударение не на первом слоге. По Б. Мункачи, в большинстве форм этого глагола ударение ставится не на первый слог. Но другие глаголы с ударением, фиксированным на первом слоге, приводятся только для ил-

³³ Исключение составляет салымский диалект, где словник был записан от одной носительницы и не полностью.

³⁴ Записи по низямскому диалекту были сделаны С. В. Онойной: была проведена экспедиция к последним носителям низямского диалекта, живущим изолированно от носителей казымского диалекта, наиболее распространенного и положенного в основу литературного языка. Было проанкетировано два человека пожилого возраста (старше 60 лет), живущих изолированно в лесах: Хорова Ольга Сергеевна, Хоров Сергей Николаевич. Родным диалектом они владели все-таки весьма слабо (основной язык общения русский). От каждого носителя было записано около 200 слов исконной лексики. Для каждого слова записано несколько контекстов с разными парадигматическими формами. Затем С. В. Онина опросила свою более молодую коллегу-филолога (Никонову Антонину Николаевну). Поскольку А. Н. Никонова специально поддерживает уровень владения родным диалектом, то, несмотря на то, что она преподает на казымском диалекте, она хорошо владеет и низямским. Эта носительница начитала в студийных условиях на диктофон полный словарь низямского диалекта (около 2500 слов); к сожалению, без контекстов и парадигматических форм. Несмотря на это, материал, представленный ею, очень ценен, потому что последние данные о низямском диалекте были записаны более 80 лет назад, а сейчас он находится на грани исчезновения. Обработанный, затранскрибированный А. А. Козловым, проэтимологизированный Ю. В. Норманской, этот словарь доступен по ссылке <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/654/3/perspective/654/4/view>.

иллюстрации страдательного залога (*szenvedő alak*). Поэтому при анализе монографии [Munkácsi 1894] можно предположить, что место ударения было связано с типом спряжения, однако современные материалы показывают, что это не так, и эта гипотеза связана, вероятно, просто с не совсем удачным подбором иллюстративных форм. Ниже мы предполагаем, что различное место ударения и во времена Б. Мункачи не зависело от типа спряжения, и интерпретируем тот факт, что в одних глаголах ударение было фиксировано на корне, а в других имело подвижный характер, как две разные акцентные парадигмы.

В пельымском (западном) диалекте по Б. Мункачи выделяются первая акцентная парадигма с ударением, фиксированным на корне и вторая — с ударением, которое в части форм находится на втором слоге (в настоящем времени в формах 1, 2, 3 DU, 1, 2 PL), а в других происходит дифтонгизация окончания (1, 2 SG, 3 PL). Присутствует еще не вполне понятное, иногда факультативное, удлинение части окончаний у некоторых глаголов: *älīm/älīm* ‘я собираюсь’, *älīn/älīn* ‘ты собираешься’, *älitē/älit* ‘он собирается’. С учетом исчезновения носителей пельымского диалекта уже нет надежды установить, какое именно просодическое различие стояло за этим явлением.

В кондинском (восточном) диалекте Б. Мункачи также выделяет две акцентные парадигмы: одна — с ударением, фиксированным на корне, и вторая — с разноместным ударением.

В северных диалектах разноместное ударение отмечено не было.

К сожалению, этот ценный материал, приведенный в монографии [Munkácsi 1894], нельзя назвать исчерпывающим. Как было сказано выше, в качестве иллюстрации глагольных парадигм для каждого из диалектов приводится лишь несколько лексем. Более информативным в этом плане является словарь [Munkácsi, Kálmán 1986]. В нем практически для каждой глагольной южно-мансийской лексемы отмечено место ударения в форме третьего лица множественного числа настоящего времени, по которому можно судить, относился ли глагол к первой или второй акцентной парадигме по [Munkácsi 1894]. К сожалению, в словаре отсутствуют данные о разноместном ударении в восточных и западных диалектах, которое было также отмечено в монографии.

В материалах А. Каннисто также отмечено ударение в южномансийских диалектах. Однако, в недавно опубликованном словаре [Kannisto 2014] в тавдинском диалекте в двухсложных словах или основах ударение всегда стоит на втором слоге, как в глаголах, так и в именах.

Таким образом, наблюдается противоречие между данными Б. Мункачи и А. Каннисто. В именах по Б. Мункачи в тавдинском диалекте ударение всегда падает на первый слог, по материалам А. Каннисто — на второй. В тех глаголах, в которых по А. Каннисто ударение фиксировано на втором слоге основы, по Б. Мункачи оно может быть, в форме третьего лица множественного числа настоящего времени как на первом слоге, так и на втором. Как объяснить это противоречие, в настоящее время не вполне ясно. Но, как будет показано ниже, ударение в тавдинских формах по Б. Мункачи достаточно точно соответствует современным полевым данным.

В 2013 г. М. К. Амелина предприняла экспедицию в д. Шугур Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) с целью сбора материала по юкондинскому диалекту мансийского языка³⁵, в результате в собранном материале были выявлены три акцентные парадигмы в глаголах³⁶.

³⁵ В ходе экспедиции были найдены всего два носителя этого диалекта, которые могли на нем говорить: Селиванова (урожд. Нохова) Елизавета (Анна) Ивановна (1923 г. р., на момент записи — 89 лет) и Шивторов Максим Семенович (1939 г. р., на момент записи — 74 года); остальные манси в д. Шугур помнят лишь отдельные слова. От этих двух носителей были записаны полные словники исконной лексики с парадигмами и контекстами их употребления, а также небольшие тексты. Через пять дней после отъезда М. К. Амелиной из д. Шугур, 2-го апреля 2013 г., Селиванова Елизавета Ивановна скончалась. Важно отметить, что в настоящее время анализ данных, собранных от двух носителей восточномансийского (юкондинского) диалекта, указывает на их высокую значимость для лингвистики: оказалось, что, по сравнению с литературным северномансийским, в восточномансийском диалекте представлены архаические черты — три степени долготы гласных и три акцентных парадигмы глагола. Собранный материал подтверждает, что эти черты, которые встречаются и в обском (северномансийском) диалекте, должны быть реконструированы и для прамансийского языка. Наличие записей от двух носителей указывает на то, что та или иная черта не является особенностью идиолекта одного носителя, а была свойственна идиому в целом. На этом примере видно, что каждый год промедления может быть фатальным для сохранения материала языков и диалектов, которые находятся на грани исчезновения. Ранее фонетические отличия юкондинского диалекта от мансийского литературного языка были описаны в [Кузакова 1963; Сайнахова 2012], однако система ударения в этом диалекте не была изучена.

³⁶ Словарь этого диалекта доступен по ссылке <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/657/3/perspective/657/4/view>. Более подробная информация о нем представлена в статье [Норманская 2015б].

Как было сказано выше, разноместное ударение в северно-мансийских диалектах, насколько нам известно, отмечено ранее не было. Но в результате полевой работы в 2013 году в двух селах Октябрьского района ХМАО: с. Нижние Нарынкары и с. Перегрёбное, — было выявлено разноместное ударение в глагольных парадигмах средне-обского диалекта мансийского языка³⁷. Словарь этого диалекта доступен по ссылке <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/656/2/perspective/656/3/view>, более подробная информация о нем представлена в статье [Норманская 2015a]. В 2016 году нашлось разноместное ударение и в с. Хулимсунт Березовского района ХМАО, в глагольных парадигмах сосвинского диалекта мансийского языка³⁸.

Ниже приведем глагольные акцентных парадигмы в двух северных (средне-обском и сосвинском) и одном восточном (юкондинском) мансийских диалектах, выявленные в результате анализа в фонетической программе Praat полевого материала по северным и восточному мансийским диалектам.

Во всех рассматриваемых мансийских диалектах было выявлено три акцентных парадигмы: в первой ударение фиксировано на первом слоге, во второй оно находится не на первом слоге, а в третьей в части форм на первом слоге, а в других на втором слоге. Набор форм с ударением на первом vs. на втором слоге в диалектах различается, поэтому ниже мы приведем примеры акцентных парадигм для каждого диалекта.

В юкондинском диалекте в формах настоящего времени изъявительного наклонения и повелительного наклонения³⁹ акцентные кривые в этих парадигмах выглядят следующим образом: см. Табл. 4. В прошедшем времени вне зависимости от акцентной парадигмы ударение фиксировано на корне.

Таблица 16

 Ударение в настоящем времени в юкондинском глаголе
по современным полевым данным

	I а.п. (ударение на корне)	II а.п. (ударение на окончании)	III а.п. (ударение разноместное)
1SgPraes	<i>pójtam</i> ‘я варю’	<i>pel'ám</i> ‘я боюсь’	<i>rónim</i> ‘я положу’
2SgPraes	<i>pójtan</i> ‘ты варишь’	<i>pel'én</i> ‘ты боишься’	<i>rónin</i> ‘ты положишь’
3SgPraes	<i>pójti</i> ‘она варит’	<i>pelí</i> ‘он боится’	<i>róni</i> ‘он положит’
1PIPraes	<i>pójtiva</i> ‘мы варим’	<i>pel'íva</i> ‘мы боимся’	<i>ronívu</i> ‘мы положим’
2PIPraes	<i>pójtina</i> ‘вы варите’	<i>pel'ína</i> ‘вы боитесь’	<i>ronína</i> ‘вы положите’
3PIPraes	<i>pójtæt</i> ‘они варят’	<i>pel'æt</i> ‘они боятся’	<i>ronát</i> ‘они положат’
2SgImp	<i>pójtiten</i> ‘свари!’	<i>pél'en</i> (устар.) или <i>pel'én</i> ‘бойся!’	<i>ronán</i> ‘положи!’
2PIImp	<i>pójtinen</i> ‘сварите!’	<i>pél'enen</i> ‘бойтесь!’	<i>roninen</i> ‘положите!’

В средне-обском диалекте в формах настоящего времени изъявительного наклонения и повелительного наклонения акцентные кривые выглядят следующим образом (см. таблицу 17).

Кривая разноместного ударения в III а.п. в атематических глаголах может быть несколько иной. Но во всех случаях форма 3 Sg имеет ударение на корне, а форма 3 Pl ударение на окончании. Именно поэтому далее в качестве диагностических форм выбраны именно эти.

В прошедшем времени в словах I и III а.п. ударение всегда фиксировано на первом слоге, в словах II а.п. акцентная кривая представлена в таблице 18.

³⁷ И. А. Стенин опросил и по возможности записал словник исконной лексики от четырех носителей обского диалекта мансийского языка из д. Нижние Нарынкары: Бутариной Галины Васильевны, Куликовой Нины Иосифовны, Матвеевой Зинаиды Яковлевны, Плехановой Клавдии Семеновны — и от двух носителей из с. Перегрёбное — Гындышевой Таисии Григорьевны и Ярлиной Евдокии Григорьевны. Почти все носители обского диалекта мансийского языка старше 60-ти лет. В детстве они владели только мансийским языком и до школы не знали русского. В настоящее время дома с детьми и внуками они говорят только по-русски, между собой общаются по-мансийски, но часто переходят на русский язык. Фонетические отличия обского диалекта от мансийского литературного языка кратко описаны в [Ромбандеева 1973; Сайнахова 2012], но авторы подчеркивали, что в целом обской диалект фактически не изучен. Вероятно, поэтому ранее исследователи не отмечали наличия разноместного ударения в обском глаголе.

³⁸ Словарь этого диалекта доступен по ссылке <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/660/7/perspective/660/8/view>.

³⁹ Место ударения в других глагольных словоформах нуждается в дальнейшем изучении, поскольку в ходе опроса материал по ним был собран далеко не в полном объеме.

Таблица 17

Ударение в настоящем времени в средне-обском глаголе
по современным полевым данным

	I а.п. (ударение на корне)	II а.п. (ударение на окончании)	III а.п. (ударение разноместное)
1SgPraes	<i>tóvtegu</i> 'я жую'	<i>minégun</i> 'я ухожу'	<i>jóm'egu</i> 'я иду'
2SgPraes	<i>tóvtegen</i> 'ты жуёшь'	<i>minégen</i> 'ты уходишь'	<i>jóm'egen</i> 'ты идёшь'
3SgPraes	<i>tóvte</i> 'он жуёт'	<i>miní</i> 'она уходит'	<i>jómi</i> 'он идёт'
1DuPraes	<i>tóvtim'en</i> 'мы двое жуём'	<i>minim'ən</i> 'мы двое уходим'	<i>jómim'en</i> 'мы двое идём'
2DuPraes	<i>tóvtian</i> 'вы двое жуёте'	<i>miniján</i> 'вы двое уходите'	<i>jomiján</i> 'вы двое идем'
3DuPraes	<i>tóvteh</i> 'они двое жуют'	<i>minéh</i> 'они двое уходят'	<i>jom'éh</i> 'они двое идут'
1PIPraes	<i>tóvteve</i> 'мы жуём'	<i>minév</i> 'мы уходим'	<i>jom'év</i> 'мы идём'
2PIPraes	<i>tóvtian</i> 'вы жуёте'	<i>miniján</i> 'вы уходите'	<i>jomiján</i> 'вы идёте'
3PIPraes	<i>tóvteget</i> 'они жуют'	<i>minégət</i> 'они уходят'	<i>jom'égət</i> 'они идут'
2SgImp ⁴⁰		<i>mínen</i> 'иди!'	
2PIImp	<i>tóvten</i> 'жуйте!'	<i>minén</i> 'идите!'	<i>joméń</i> 'идите!'

Таблица 18

Ударение в прошедшем времени в глаголах II а.п. в средне-обском диалекте
по современным полевым данным

	II а.п.
1SgPraes	<i>minásum</i> 'я ушла'
2SgPraes	<i>minásem</i> 'ты уходишь'
3SgPraes	<i>mines</i> 'она ушла'
1DuPraes	<i>minesmən</i> 'мы двое ушли'
2DuPraes	<i>minasan</i> 'вы двое ушли'
3DuPraes	<i>minaseh</i> 'они двое ушли'
1PIPraes	<i>minasuv</i> 'мы ушли'
2PIPraes	<i>minasan</i> 'вы ушли'
3PIPraes	<i>minásət</i> 'они ушли'

В **сосвинском диалекте** мансийского языка (п. Хулимсунт) также представлены три акцентные парадигмы, которые выглядят следующим образом:

Таблица 19

Ударение в настоящем времени в сосвинском глаголе
по современным полевым данным

	I а.п. (ударение на корне)	II а.п. (ударение на окончании)	III а.п. (ударение разноместное)
1SgPraes	<i>téyət</i> 'я ем'	<i>xijéyət</i> 'я лежу'	<i>xiléyət</i> 'я положу'
2SgPraes	<i>téyən</i> 'ты ешь'	<i>xijéyən</i> 'ты лежишь'	<i>xiléjn</i> или <i>xilín</i> 'ты копаешь'
3SgPraes	<i>tej</i> 'он ест'	<i>xijí</i> 'он лежит'	<i>xilí</i> 'он копает'
1PIPraes	<i>téjuw</i> 'мы едим'	<i>xijéw</i> 'мы лежим'	
2PIPraes	<i>téjən</i> 'вы едите'		
3PIPraes	<i>tejt</i> 'они едят'	<i>xijéjt</i> 'они лежат'	<i>xiléjt</i> 'они копают'
2SgImp	<i>tájen</i> 'ешь!'	<i>xijén</i> 'лежи!'	<i>xilí</i> 'копай!'
2PIImp	<i>tájen</i> 'ешьте!'	<i>xijén</i> 'лежите!'	<i>xilian</i> 'копайте!'

К сожалению, формы прошедшего времени пока не удалось собрать.

⁴⁰ К сожалению, при опросе носителей не были опрошены все необходимые глагольные формы, поэтому часть клеток пока остаются незаполненными.

Опираясь на существующие материалы, мы сделали попытку реконструировать прамансийскую систему ударения. Подводя итоги проведенного анализа, можно сказать, что привлечение материала сосвинского диалекта с. Хулимсунт, собранного в полевых условиях Р. И. Идрисовым в 2016 году, подтверждает гипотезу, выдвинутую в статьях [Норманская 2015а, б], о реконструкции четырех акцентных парадигм для глаголов в прамансийском языке.

Таблица 20

Реконструкция прамансийских акцентных парадигм и их развитие в диалектах

ПМанс.	Сосьв.	Ср.-обск.	Юконд.	Тавд.
I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.
II а.п.	II а.п.	II а.п.	II а.п.	II а.п.
III а.п.	III а.п.	III а.п.	III а.п.	I а.п.
IV а.п.	I а.п.	III а.п.	III а.п.	II а.п.

Итак, в результате проведенного анализа было реконструировано разноместное ударение в следующих дочерних уральских языках:

- 1) в ФВ языке — две акцентные парадигмы,
- 2) в ПП языке — четыре акцентные парадигмы,
- 3) в ПХант. языке — две акцентные парадигмы,
- 4) в ПМанс. языке — четыре акцентные парадигмы,
- 5) в ПС языке — две акцентные парадигмы.

Было проведено полексемное сравнение а.п. в дочерних уральских языках с целью реконструкции ПУ системы ударения.

В результате были реконструированы следующие ПУ акцентные парадигмы:

Таблица 21

Прауральские акцентные парадигмы и их соответствия в дочерних языках

ПУ	ФВ	ПП	ПС	ПХант.	ПМанс.
I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.	I а.п.	I или III а.п.
II а.п.	I а.п.	II а.п.	I а.п.	I а.п.	II или IV а.п.
III а.п.	I а.п.	III а.п.	II а.п.	II а.п.	I или III а.п.
IV а.п.	II а.п.	IV а.п.	I а.п.	I а.п.	II или IV а.п.

Ниже приводится перечень праформ по [UEW], для которых можно установить а.п. в пермских языках и как минимум еще в одном из четырех вышеперечисленных дочерних уральских языках.

Для иллюстрации места ударения в языковых семьях мы приводим по словарю [UEW] и из полевых и архивных материалов следующие формы:

1) для финно-волжских языков правило постановки места ударения подробно описано в I главе, в монографии [Норманская 2008] приведен список ФВ слов с ударением, и указано, какая именно форма является диагностической для места его постановки (в большинстве случаев это качество мордовских гласных: широкие возникают в ударной позиции, узкие в безударной), эту форму мы и приводим в скобках.

2) Как было сказано выше, для определения прапермского места ударения диагностическими в первую очередь являются нижнеиньвенские коми-пермяцкие глагольные формы. В настоящее время большие парадигмы собраны от двух носителей, у которых сохранились только три из четырех акцентных парадигм: у носителя из д. Пиканово Г. Н. Бычкова совпали III и IV а.п., но I и II хорошо различаются, поэтому для иллюстрации выбора между ПП. I и II а.п. мы приводим форму по его диалекту в качестве иллюстративной. У Семушевой Г. П. из с. Тимино совпали III а.п. и I а.п., но они отличаются от IV а.п., поэтому для иллюстрации различения III и IV а.п. мы приводим иллюстративный материал по ее диалекту. В тех случаях, когда слово в наших полевых материалах по нижнеиньвенскому компермяцкому языку не представлено, мы приводим коми или удмуртскую форму по [UEW], по которой можно определить качество ПП. гласного: как было показано во II главе, широкие ПП. гласные возникают в словах с I и II а.п., а узкие в словах с III и IV а.п.

3) для ПС языка мы приводим праформу из словаря [Janhunen 1977], если она там представлена, и место ударения в ПС определяется также по качеству гласных: широкий ПС гласный возникает только в позиции под ударением, *ə только в безударной позиции, узкие гласные могут быть как ударными, так

и безударными, место ударения можно определить по ударению/долготе в ненецкой словоформе или ударению в южной и центральной селькупской словоформе, в которых представлены суффиксы с плюсовыми акцентными маркировками. В случаях, когда ПС форма в [Janhunen 1977] не реконструирована, мы приводим ненецкую лексему по [UEW], где в двусложных словах долгота гласного первого слога — маркер ударения на первом слоге, а нейтральный характер гласного указывает на ПС II а.п., см. подробнее III главу.

4) Для прахантыйского языка диагностическими для определения места ударения являются иртышские формы по архиву М. А. Кастрена и низямские непроизводные имена из наших полевых записей.

5) Для прамансийского являются диагностическими глагольные формы юкондинского, обского и сосвинского диалектов из наших полевых записей. Для всех упоминаемых слов эти формы по диалектам приведены в статьях [Норманская 2015а, б] и на сайте lingvodoc.ispras.ru. Во всех диалектах сохранились только три или две а.п. из четырех, которые мы реконструируем для ПМанс. В юкондинском (восточном) совпали I и IV а.п., в обском и сосвинском диалектах (северных) — III и IV а.п. Здесь мы в качестве иллюстрации приводим, в первую очередь, юкондинскую форму, а если она не засвидетельствована, то пример из северных диалектов.

ПУ I а.п.: ФВ I а.п. — ПП I а.п. — ПС I а.п. — ПХант. I а.п. — ПМанс. I или III а.п.

1. **äktV*- ‘бить, рубить, резать’ [UEW: 23]: ПП I а.п. (коми *oktj-* ‘рубить’) — ПМанс. III а.п. (сосьв. *jákti* ‘режет’, *jaktéyət* ‘они режут’);
2. **čappV* ‘ударять с громким звуком, рубить’ [UEW: 29]: ФВ I а.п. (морд. *čapa-* (Е, М) ‘бить с хлопающим шумом, хлопать’ [Paasonen 1990—1996: 158]) — ПП I а.п. (пик. *čárka* ‘я бросаю’);
3. **eskV*- ‘верить’ [UEW: 86]: ПП I а.п. (коми *eskj-* (S) ‘верить’) — ПХант. I а.п. (ирт. *Éwidem* ‘верил’ — низ. *éwittum* ‘верил’) — ПМанс. I а.п. (сосьв. *ájtew* ‘мы верим’);
4. **kälä* ~ **kalä* ‘переходить вброд’ [UEW: 133]: ФВ I а.п. (морд. *kele-* (Е), *kälä-* (М), [Paasonen 1990—1996: 689]) — ПП I а.п. (тим. *kéva* ‘бреду по воде’) — ПХант. I а.п. (низ. *kittem* ‘я перехожу’) — ПМанс. I а.п. (юконд. *nəx kälkæn* ‘они встают’);
5. **kenčV* (~ **kečV*) ‘искать’ [UEW: 145]: ПП I а.п. (пик. *kóšša* ‘я ищу’) — ПХант. I а.п. (ирт. *Kénds'em* ‘я ищу’) — ПМанс. III а.п. (обск. *kínsi* ‘он ищет’, *kínséht* ‘они ищут’);
6. **končV* (**kančV*) ~ **kočV* (**kačV*) ‘делать пестрым, раскрашивать’ [UEW: 176]: ПП I а.п. (коми *koč(a)* ‘рябой’) — ПХант. I а.п. (ирт. *Xanđs'em* ‘я пишу’) — ПМанс. I а.п. (юконд. *χónsat* ‘они пишут’);
7. **kuška* (**koška*) ‘сухой, сохнуть’ [UEW: 223]: ФВ I а.п. (морд. *koške* (Е), *koškä* (М) ‘сухой, тощий’, *koške-* (Е), *koško-* (М) ‘сухой’ [Paasonen 1990—1996: 872]) — ПП I а.п. (пик. *kóšta* ‘я сушу’) — ПС I а.п. (**kāsä* ‘сухой’ [Janhunen 1977: 60]);
8. **lewIV*⁴¹ ‘душа, дух’ [UEW: 247]: ПП I а.п. (коми *lol* (S) ‘дух, душа’) — ПМанс. I а.п. (сосьв. *liltéyət* ‘я дышу’, *liltéw* ‘мы дышим’);
9. **mälV* ‘чувствовать, прикасаться’ [UEW: 242]: ПП I а.п. (пик. *máuta* ‘я мажу’) — ПХант. I а.п. (ирт. *Mélek* ‘теплый’);
10. **pentV* ‘закрывать’ [UEW: 371]: ПП I а.п. (коми *peđlal-* (S) ‘закрывать’) — ПМанс. I а.п. (юконд. *pénten* ‘закроют’);

⁴¹ Здесь и далее мы включаем в список примеров формы с долгим гласным в ПФ языках, которые не были включены в рассмотрение в главах, посвященных развитию вокализма. Дело в том, что в этих примерах не всегда ясно, какой праязыковой гласный следует реконструировать, поскольку в большинстве случаев при реконструкции гласного ученые опираются на ПФ рефлекс, и поэтому, с нашей точки зрения, они не могут образовывать доказательную базу для описания регулярных соответствий гласных. Но с точки зрения развития ударения, эти слова оказываются полностью регулярными, поскольку реконструкция ударения в большинстве случаев строится на «прямых свидетельствах»: сравнении акцентных парадигм, сохранившихся в ФВ языках — в пшеновском диалекте мокшанского языка в **a*-основах, в ПП языках — в нижеиньвенских глагольных парадигмах, в ПС языке — в ненецких и селькупских диалектах, в ПХант. языке — в иртышском и низямском диалектах, в ПМанс. языке — в юкондинском, сосвинском и обском диалектах. Если форм, свидетельствующих об ударении, для рассматриваемого слова не засвидетельствовано (например, это именная *a*-основа в мокшанском, что автоматически не дает прямых свидетельств а.п. в ФВ и ПП языках), то место ударения в ФВ, ПП, ПС языках можно в большинстве случаев определить по качеству гласного, и в таком случае привлечение основ с ПФ долгими гласными, для которых рефлексация вокализма еще не вполне изучена, неправомерна. Поэтому мы рассматриваем только те основы с долгим гласным, в которых в нескольких языковых семьях есть прямые свидетельства об ударении.

11. ПУ **pušV* ‘протереться, износиться’ [UEW: 409]: ПП I а.п. (удм. *pošt-* (S) ‘быть изношенным’) — ПМанс. III а.п. (юконд. *pošjen* ‘постирает’, *pošján* ‘постирают’);
12. **sewe* ‘есть’ [UEW: 440]: ПП I а.п. (пик. *šója* ‘я ем’) — ПХант. I а.п. (ирт. *Tájem* ‘я ем’, низ. *tépet* ‘ем’) — ПМанс. I а.п. (юконд. *tiájæn* ‘они едят’);
13. **soske* ‘жевать’ [UEW: 440]: ПП I а.п. (коми *seški-* (I P) ‘жевать, сосать’) — ПМанс. I а.п. (юконд. *tówtiian* ‘они жуют’);
14. **šilke* (**šülke*) ‘слюна’ [UEW: 479]: ПП I а.п. (коми *šelal-* (S) ‘плевать, рвать’) — ПМанс. III а.п. (сосьв. *sál’yi* ‘плюет’, *sal’yéyət* ‘плюют’);
15. **wole* ‘быть, становиться’ [UEW: 580]: ПП I а.п. (коми *vel-* (S) ‘быть’) — ПМанс. III а.п. (сосьв. *ólew* ‘мы живем’);

ПУ II а.п.: ФВ I а.п. — ПП II а.п. — ПС I а.п. — ПХант. I а.п. — ПМанс. II или IV а.п.

1. **elä-* ‘жить’ [UEW: 73]: ФВ I а.п. (морд. *eŕa-*, *äŕa-* (E), *eŕa-* (M) ‘жить’ [Raasonen 1990—1996: 368]) — ПП II а.п. (пик. *uá*) — ПС I а.п. (ненец. *jile-* (O) ‘жить’);
2. **jekkV* ‘танцевать’ [UEW: 96]: ПП II а.п. (пик. *jektá* ‘я танцую’) — ПХант. I а.п. (ирт. *Jagém/Jikum* ‘я танцую’, низ. *jáxtu*) — ПМанс. IV а.п. (юконд. *jiaki* ‘танцует’, *jiakət* ‘они танцуют’);
3. **kaja* ‘кидать’ [UEW: 116]: ФВ I а.п. (морд. *kaja-* (E M) ‘бросать, набрасывать’ [Raasonen 1990—1996: 566]) — ПП II а.п. (пик. *kojá* ‘бросаю воду’);
4. **kärV* ‘завязывать, шнуровать’ [UEW: 139; Aikio 2002: 18]: ПП II а.п. (пик. *gərd’á* ‘я вяжу’) — ПС I а.п. (**ker-* ‘надевать’ [Janhunen 1977: 68; Aikio 2002: 18]);
5. **kađá* ‘оставлять, покидать’ [UEW: 115]: ФВ I а.п. (морд. *kado-* (E) *kađə-* (M) ‘оставлять, позволять’ [Raasonen 1990—1996: 561]) — ПП II а.п. (пик. *kol’á* ‘я оставляю’) — ПС I а.п. (**kájä-* ‘оставлять’) — ПМанс. II а.п. (обск. *χul’ti* ‘остаётся’, *χul’téit* ‘они остаются’);
6. **pele* ‘бояться’ [UEW: 370]: ПП II а.п. (пик. *poá* ‘я боюсь’) — ПС I а.п. (ненец. *pilü-* (O) ‘бояться’) — ПХант. I а.п. (ирт. *Peédem* ‘я боюсь’) — ПМанс. II а.п. (юконд. *pelí* ‘он боится’, *pel’cət* ‘они боятся’);
7. **tumte* ‘чувствовать, воспринимать, знать’ [UEW: 536]: ПП II а.п. (пик. *tədə*) — ПС I а.п. (**t’umt’á* ‘знать’ [Janhunen 1977: 167]);
8. **waja* ‘опускаться’ [UEW: 551]: ФВ I а.п. (морд. *vaja-* (E), *vaja-* (M) ‘падать’ [Raasonen 1990—1996: 2511]) — ПП II а.п. (пик. *wojá* ‘я тону’);
9. **wołV* ‘сдирать кору’ [UEW: 582]: ФВ I а.п. (морд. *wala-* (E) ‘выпрямляться, разглаживаться’) — ПП II а.п. (пик. *wolá* ‘сдираю кору’);

ПУ I или II а.п.: ФВ I а.п. — ПС I а.п. — ПХант. I а.п. (Это те случаи, когда ПП или ПМанс. а.п. не известны)

1. **äjmä* ‘иголка’ [UEW: 22]: ПП I а.п. (коми *jet* (S) ‘игла’) — ПС I а.п. (**ejmä ~ *nejmä*);
2. **akta* ‘вешать’ [UEW: 5]: ФВ I а.п. (морд. *avto-* ~ *avte-* ~ *afte-* (E), *afte-* (M) ‘поставить сеть, капкан’ [Raasonen 1990—1996: 94]) — ПП I а.п. (*okti-* (S) ‘расставлять ловушки’);
3. **ańa* ‘жена старшего родственника’ [UEW 10]: ФВ I а.п. (морд. *niz-ańa* ‘теща’ (E), *ańaka* ‘старшая сестра’ (M)) — ПП I а.п. (коми *eńe*, *eńa* ‘невестка’) — ПС I а.п. (ненец. *ñejjè* (O) ‘младшая сестра матери’ [Lehtisalo 1956: 313]⁴²);
4. **aje* ‘дыра, нора’ [UEW 11]: ПП I а.п. (коми *vom* (S) ‘рот’) — ПС I а.п. (**äj* ‘рот’ [Janhunen 1977: 20]);
5. **arwa* (**arɣa*) ‘цена’ [UEW: 16]: ФВ I а.п. (морд. *arce-* (E), *arśə-* (M) ‘думать, быть расположенным’ [Raasonen 1990—1996: 68]) — ПП I а.п. (коми *artal-* (S) ‘обдумывать’);
6. **jäpše* ‘тонкие палочки, копье’ [UEW 94]: ПП I а.п. (коми *joś* (S) ‘тонкие палочки’) — ПС I а.п. (**jäpsə* ‘палочки для жарки’ [Janhunen 1977: 41]);
7. **järV* ‘круг’ [UEW 94]: ПП I а.п. (коми *jer* (S) ‘сад овощей’) — ПС I а.п. (ненец. *jör-* (O) ‘круг’ [Lehtisalo 1956: 136—137]⁴³);
8. **jOrtV* ‘друг, товарищ’ [UEW 108]: ПП I а.п. (коми *jort* (I P PO) ‘товарищ, супруг’) — ПС I а.п. (ненец. *jürü* (O) ‘друг’);
9. **kačV* ‘подарок, дарить’ [UEW 111]: ПП I а.п. (коми *kožin* (S) ‘подарок’) — ПС I а.п. (**käsəj* [Janhunen 1977: 61]);

⁴² Для этого слова мы приводим форму из словаря [Lehtisalo 1956], поскольку в словаре [UEW] в ненецкой форме этого слова допущена опечатка, и оно приведено без долготы в первом слоге *neje*.

⁴³ Для этого слова мы приводим форму из словаря [Lehtisalo 1956], поскольку в словаре [UEW] в ненецкой форме этого слова допущена опечатка, и оно приведено без долготы в первом слоге *jorka*.

10. **kajV* (**kojV*) ‘ложка’ [UEW 117]: ПП I а.п. (коми *koj* (VU) ‘деревянная лопатка’) — ПС I а.п. (**kuj* ‘ложка’ [Janhunen 1977: 76]);
11. **kälV* (? **kälV-wV*) ‘невестка’ [UEW: 135]: ПП I а.п. (коми *kel* (*kelj-*) (S) ‘невестка’) — ПС I а.п. (**kelä* [Janhunen 1977: 67]);
12. **kama* ‘кожура’ [UEW: 121]: ПП I а.п. (коми *komil* (Le.) ‘кожура’) — ПС I а.п. (**kämä* [Janhunen 1977: 63]);
13. **kerä* ‘легкий’ [UEW: 146]: ПП I а.п. (удм. *karci* (S) ‘легкий’) — ПС I а.п. (**kejрз-* ‘легкий’ [Janhunen 1977: 67]);
14. **komV(rV)* ‘пустая ладонь’ [UEW: 175]: ФВ I а.п. (морд. *komoro* (E), *komor* (M) ‘горсть’) — ПП I а.п. (коми *kamir* ‘горсть’) — ПС I а.п. (**kämä*, **kemä* ‘(раскрытые) руки’ [Janhunen 1977: 63]);
15. **koñčkV* ~ **kočkV* ‘кора дерева’ [UEW: 179]: ПП I а.п. (коми *kaž* (S) ‘внутренний срез коры сосны’) — ПС I а.п. (**käsä* ‘кора дерева’ [Janhunen 1977: 65]);
16. **korkV* ‘вид дикой утки или чайки’ [UEW: 185]: ПП I а.п. (коми *keręg* (S) ‘утка’) — ПС I а.п. *χūrōxo*, *χūrūxo* (O) ‘черная морская чайка’;
17. **kure* ‘завязывать, шнуровать’ [UEW: 215]: ПП I а.п. (коми *ker-* (S, P) ‘делать складки’) — ПС I а.п. (**kurä-* ~ (? **kujrā-*) ‘завязывать’ [Janhunen 1977: 76]);
18. **kurV* ‘корзина, сосуд из березы’ [UEW: 219]: ПП I а.п. (удм. *kör* (K) ‘корзина из коры липы’) — ПС I а.п. (**kor* ‘сосуд’ [Janhunen 1977: 74]);
19. **läppV* (~ **äppV*, -e-) ‘селезенка’ [UEW 242]: ПП I а.п. (коми *lop* (*loрj-*) (S) ‘селезенка’) — ПС I а.п. (ненец. *rapšā* (Nj.) ‘селезенка’);
20. **mättV* (*mVttV*) ‘дом, чум’ [UEW: 269]: ПП I а.п. (коми *mate* (S) ‘вблизи’) — ПС I а.п. (**mät* ‘палатка, дом’ [Janhunen 1977: 90]);
21. **miñä* ‘невестка, молодая женщина’ [UEW: 276]: ПП I а.п. (*moñ* (S) ‘невестка’) — ПС I а.п. (**mej¹ä* ‘невестка’ [Janhunen 1977: 92]);
22. **mija* ‘касаться’ [UEW: 284]: ПП I а.п. (коми *mojd-kil* (S) ‘сказка’) — ПХант. I а.п. (ирт. *Miujip* ‘загадка’ — низ. *miņeар* ‘загадка’);
23. **ñeljä* (**neljä*) ‘четыре’ [UEW: 316]: ФВ I а.п. (морд. *ñile* (E), *ñilä* (M), *ñilänäst* ~ *ñileñäst* (M) ‘вчетвером’, [Raasonen 1990—1996: 1402]) — ПП I а.п. (коми *noł* (S) ‘четыре’);
24. **ñErV* ‘ростки, молодая поросль’ [UEW: 331]: ПП I а.п. (коми *ñer* (S) ‘росток’) — ПС I а.п. (**ñer* ‘ива’ [Janhunen 1977: 108]);
25. **osa* ‘ягода’ [UEW: 343]: ПП I а.п. (коми *oz* (S) ‘ягода’) — ПС I а.п. (**wot³*);
26. **pala* ‘кусочек, пожирать’ [UEW: 350]: ФВ I а.п. (морд. *pal* (E) ‘кусочек (о продуктах)’, *pal*, Род. *palan* (M) ‘мясо’ [Raasonen 1990—1996: 1510]) — ПП I а.п. (коми *palak* (Skr.) ‘пласт; ком, комок (земли, навоза, снега)’) — ПС I а.п. (**pälä-* ‘глотать’ [Janhunen 1977: 116]);
27. **pälä* ‘половина, сторона’ [UEW: 362]: ФВ I а.п. (морд. *pele* (E), *pälä* (M) ‘половина’ [Raasonen 1990—1996: 1597]) — ПП I а.п. (коми *peł* (S) ‘сторона’) — ПС I а.п. (**pelä* ‘половина’) — ПХант. I а.п. (ирт. *Pällek* ‘сторона’, низ. *pełak* ‘сторона’);
28. **pälkä* ‘большой палец’ [UEW: 363]: ФВ I а.п. (морд. *pelka* (E), *pälkä* (M)) — ПП I а.п. (*pel* (S)) — ПС I а.п. (ненец. *pikce* (O));
29. **peljä* ‘ухо’ [UEW: 375]: ФВ I а.п. (морд. *pile* (E), *pilä* (M) [Raasonen 1990—1996: 1660]) — ПП I а.п.;
30. **pikkä* (**päkkä*) ‘живот, желудок’ [UEW: 379]: ФВ I а.п. (морд. *peke* (E), *pekä* (M) ‘желудок, живот’ [Raasonen 1990—1996: 1593]) — ПП I а.п. (коми *pek* (S) ‘икра’);
31. **pilmV* ‘темный, становиться темный’ [UEW 381]: ПП I а.п. (коми *peמיד* (S) ‘темный’) — ПС I а.п. (ненец. *päewde* (O));
32. **salkV* ‘палка, ствол’ [UEW: 460]: ФВ I а.п. (морд. *salgo*, *salga* (E), *salga* (M) ‘палочка’) — ПП I а.п. (коми *žal* (S));
33. **säppä* ‘желчь’ [UEW: 435]: ФВ I а.п. (морд. *sepe* (E), *säpä* Род. -en (M) [Raasonen 1990—1996: 1968]) — ПП I а.п. (коми *sep* (S) ‘желчь’);
34. **šidä(-mV)* (**südə(-mV)*) ‘сердце’ [UEW: 477]: ПП I а.п. (коми *šeļem* (S) ‘сердце’) — ПС I а.п. (**sejä* ‘сердце’ [Janhunen 1977: 139]);
35. **soja* ‘рука, рукав’ [UEW: 445]: ПП I а.п. (коми *soj* (S) ‘рука’) — ПХант. I а.п. (низ. *tídəw* ‘рукав’);
36. **sVŋčV* (**sVŋčV-IV*) ~ **sVčV* (**sVčV-IV*) ‘ящерица’ [UEW: 454]: ПП I а.п. (коми *čožul* (S)) — ПС I а.п. (**t,änsä* ‘ящерица’ [Janhunen 1977: 151]);
37. **wočä* ‘изгородь’ [UEW: 577]: ПП I а.п. (коми *vož* (Pr. V) ‘сеть для ловли рыбы’) — ПС I а.п. (**wäc* ‘изгородь’ [Janhunen 1977: 151]);
38. **đimä* (**đimä*) ‘клей’ [UEW: 66]: ПП I а.п. (коми *lemed-* (S) ‘клеить’) — ПС I а.п. (ненец. *jibe*, *jime* (O));

Исключения

1. **šecä* ‘дядя’ [UEW: 34]: ФВ II а.п. (морд. *šiče* (E) ‘муж сестры, который старше, чем я’, *ščäná* St. *ščäná-* (M) ‘бабушка со стороны матери’ [Raasonen 1990—1996: 259]) — ПП I а.п. (коми *šož* (S) ‘дядя’) — ПС II а.п. (**cicä* ‘дядя’ [Janhunen 1977: 133]);
2. **kOIV* ‘(внутренние) черви’ [UEW: 227]: ПП I а.п. (коми *škol* (S)) — ПС II а.п. (ненец. *χalī* (O));
3. **lappV* ‘плоский’ [UEW: 237]: ПП I а.п. (коми *lap* (I)) — ПС II а.п. (*lapcā-* (O));
4. **pašV* (**paškV*) ‘нора, отверстие’ [UEW: 357]: ПП I а.п. (*paškal-* (S) ‘распространяться’) — ПС II а.п. (*pasī* (O) ‘вагина’);
5. **pane* ‘класть, ставить’ [UEW: 353]: ПП I а.п. (коми *pen-* (S P) ‘coire cum femina’) — ПС I а.п. (**pen-* ‘лежать’ [Janhunen 1977: 118]) — ПХант. I а.п. (ирт. *Pâném* ‘я кладу’);
6. **pesä* ‘гнездо’ [UEW: 375]: ФВ I/II а.п. (морд. *pize* (E), *pizä* Род. *pizən* (M), [Raasonen 1990—1996: 1693]) — ПП I а.п. (коми *poz* (S)) — ПС II а.п. (**pitä* ‘гнездо’ [Janhunen 1977: 126]);
7. **tappa* ‘топать ногами, бить стучать’ [UEW: 509]: ФВ I а.п. (морд. *tapa-* (E M) ‘разбить’ [Raasonen 1990—1996: 2264]) — ПП I а.п. (*tapki-* (S) ‘идти, мягко ступая лапами’) — ПС II а.п. (ненец. *tapar-* (O));

ПУ III а.п.: ФВ I а.п. — ПП III а.п. — ПС II а.п. — ПХант. II а.п. — ПМанс. II или IV а.п.

1. **ala* ‘место под чем-либо’ [UEW: 6]: ФВ I а.п. (морд. *alo* (E), *alä* (M) ‘низ, нижний’ [Raasonen 1990—1996: 22]) — ПП III а.п. (*uljn* (S) ‘под’) — ПС II а.п. (**ilä* ‘почва’ [Janhunen 1977: 24]);
2. **amta-* ‘давать’ [UEW: 8]: ФВ I а.п. (морд. *ando-* (E) *andä-* (M) ‘кормить’ [Raasonen 1990—1996: 42]) — ПП III а.п. (коми *ud-* ‘пить’);
3. **čančV* ~ **čačV* ‘родиться’ [UEW: 53]: ФВ I а.п. (морд. *šačo-*, *čačo-* (E), *šačo-* (M)) — ПП III а.п. (коми *čuž-* (S)) — ПС II а.п. (*tenc* (O) ‘вид’) — ПХант. I/II а.п. (низям. *šóšy*);
4. **čijV* (**čüjV*) ‘дым’ [UEW: 59]: ПП III а.п. (коми *čjn* (S)) — ПХант. II а.п. (низ. *šiwá*);
5. **ečV-* ‘падать’ [UEW: 71]: ПП III а.п. (тим. *úsi* ‘я падаю’) — ПХант. II а.п. (ирт. *Estém* ‘спустил’);
6. **ipV* ~ **ipV-sV* ~ **ipV-šV* ‘вкус, запах’ [UEW: 83]: ПП III а.п. (коми *is* (*isk-*) (S)) — ПС II а.п. (**əptä* ‘запах’ [Janhunen 1977:16]);
7. **jaka-* ‘разделять, резать’ [UEW: 87]: ФВ I а.п. (морд. *javo-* ~ *java-* (E), *javä-* (M) ‘делить’ [Raasonen 1990—1996: 503]) — ПП III а.п. (коми *juk-* (S P) ‘отделять’) — ПС II а.п. (**jəkä*);
8. **joke* ‘река’ [UEW: 99]: ПП III а.п. (коми *ju* (S)) — ПС II а.п. (**jəkä*) — ПХант. II а.п. (ирт. *Jeagá* ‘река — низ. *jučán* ‘река’);
9. **kakta* ~ **käktä* ‘два’ [UEW: 118]: ФВ I а.п. (морд. *kavto*, *kafto* (E), *kafta* (M)) — ПП III а.п. (коми *kjk* (S)) — ПС II а.п. (**kitä* ‘два’ [Janhunen 1977: 71]);
10. **kanta* ‘ствол дерева, корень’ [UEW: 123]: ФВ I а.п. (морд. *kando* (E), *kandä*, Gen. *kandän* (M) ‘сваленное дерево, бурелом’ [Raasonen 1990—1996: 595]) — ПП III а.п. (коми *gjd* (S) ‘поворот реки’);
11. **kanV* ‘разбрасывать, посыпать’ [UEW: 125]: ПП III а.п. (коми *kundj-* (Lu. I) ‘закапывать’) — ПХант. II а.п. (ирт. *Хаенém* ‘копаю’ — низ. *хунты* ‘копать’);
12. **kErV* ‘вид птицы, дятел’ [UEW: 230]: ФВ I а.п. (морд. *keřgata* (E), *kärgä* (M)) — ПП III а.п. (коми *kjř* (P));
13. **kič3* (**küčV*) ‘кнопка, узел’ [UEW: 152]: ПП III а.п. (коми *gižj* (URS) ‘крепкий узел’) — ПС II а.п. (**sis3(-)* ‘завязка’ [Janhunen 1977: 141]);
14. **künče* (**künče*) (~ ? **kiče* (**küče*)) ‘ноготь, коготь’ [UEW: 157]: ПП III а.п. (коми *giž* (S) ‘ноготь’) — ПС II а.п. (**kätä* ‘ноготь’ [Janhunen 1977: 155]) — ПМанс. II а.п. (ср.-обск. *kosčati* ‘царапается’, *kosčateit* ‘царапаются’);
15. **kiñe(-IV)* (**küñe(-IV)*) ‘слезы’ [UEW: 159]: ПП III а.п. (удм. *šin-kjli* (S)) — ПС II а.п. (**kəñälä* ‘слезы’ [Janhunen 1977: 53]);
16. **kintV* (**küntV*) ‘туман, пар, дым’ [UEW: 158]: ПП III а.п. (коми *mjl-kjd* (S) ‘мужество, радость’) — ПС II а.п. (**küntä* ‘дым’ [Janhunen 1977: 79]);
17. **kolme* (**kulme*) ‘три’ [UEW: 174]: ФВ I а.п. (морд. *kolmo* (E), *kolma* (M)) — ПП III а.п. (коми *kujim* (S));
18. **kujV* ‘лежать’ [UEW: 197]: ПП III а.п. (коми *kujlj-* (S)) — ПМанс. II а.п. (юконд. *χjji* ‘лежит’, *χjját* ‘лежат’);
19. **kuta* ‘согнутый, гнутья’ [UEW: 201]: ФВ I а.п. (морд. *kota-* (E, M) ‘нагибаться’, *kotafto-* (E) ‘опрокидывать’ [Raasonen 1990—1996: 839]) — ПП III а.п. (коми *kimeš* (S) ‘лоб’) — ПС II а.п. (**kätä-* ‘падать’ [Janhunen 1977: 52]);
20. **kuña* ‘закрывать глаза, моргать’ [UEW: 208]: ФВ I а.п. (морд. *koña* (E), *koñe-* (M)) — ПП III а.п. (коми *kuiñ-* (S) ‘закрывать глаза’) — ПС II а.п. (**kəñä-* ‘закрывать глаза’ [Janhunen 1977: 53]);

21. **kurV* ‘сгибаться’ [UEW: 220]: ПП III а.п. (коми *kirjŕeŋ* (Lu.) ‘косо, недоверчиво’) — ПС II а.п. (**kārā*, **kārā-* ‘кривой’ [Janhunen 1977: 55]);
22. **lamte* ‘низкий, низина’ [UEW: 235]: ФВ I а.п. (морд. *landa-* (E, M) ‘присесть на корточки, сесть’) — ПП III а.п. (коми *lud* (Реç.) ‘долина’) — ПС II а.п. (**lāmtz-* [Janhunen 1977: 61]);
23. **mānV* ‘становиться свободным’ [UEW: 268]: ПП III а.п. (коми *mjn-* (S)) — ПС II а.п. (*mīnaruj* (OP) ‘толстый олень-бык’);
24. **mene* ‘идти’ [UEW: 272]: ПП III а.п. (тим. *mūna*) — ПС II а.п. (**min-* ‘ходить’ [Janhunen 1977: 94]) — ПХант. II а.п. (ирт. *Menidēm* ‘выходил’) — ПМанс. II а.п. (юконд. *el miní* ‘он уходит’, *el minést* ‘они уходят’);
25. **mura* ‘вид ягоды’ [UEW: 287]: ПП III а.п. (коми *mjr-pon* (S)) — ПС II а.п. (ненец. *maran̄ka* (O));
26. **nime* (? **lime*) (**nime* (? **lime*)/**nime*) ‘имя’ [UEW: 305]: ПП III а.п. (коми *nim* (S)) — ПС II а.п. (**nim*, **nim* ‘имя’ [Janhunen 1977: 102]);
27. **nirV* ‘царапать, скрести’ [UEW: 320]: ПП III а.п. (коми *niral-* (S)) — ПС II а.п. (ненец. *nira-* (Sjo. Lj.));
28. **norV* ‘болото’ [UEW: 324]: ПП III а.п. (коми *nur* (S)) — ПС II а.п. (*nurka* (O) ‘осина’);
29. **nulkV* ‘вид хвойного дерева’ [UEW: 327]: ПП III а.п. (коми *njl* (S)) — ПХант. II а.п. (ирт. *Njalxá* ‘пихта’ — низ. *nudxi* ‘пихта’);
30. **pačkv* ‘через, сквозь, проходить через’ [UEW: 345]: ФВ I а.п. (морд. *pačkode-* (M) ‘добраться’) — ПП III а.п. (*pišji-* (S) ‘бежать’);
31. **pilkV* (**pülkV*) ‘купаться’ [UEW: 380]: ПП III а.п. (тим. *pul’sa* ‘я парюсь в бане’) — ПХант. II а.п. (ирт. *Pegeđēm* ‘я купаюсь’) — ПМанс. IV а.п. (юконд. *páuli* ‘он купается’, *páulēt* ‘они купаются’ — об. *pulēht* ‘они купаются’);
32. **pučV* ‘выливаться’ [UEW: 399]: ФВ I а.п. (морд. *počodo-* (E M) ‘насыпать, рассыпать’) — ПП III а.п. (тим. *búždi* ‘я осыпаюсь’) — ПС II а.п. (ненец. *pudarā-*, *pidarā-* (O) ‘падать’);
33. **puna* ‘плести’ [UEW: 402]: ФВ I а.п. (*pona* (E M)) — ПП III а.п. (*pjn-* (Le.)) — ПС II а.п. (**pān-* ‘плести’ [Janhunen 1977: 113]);
34. **pura* ‘сверлить’ [UEW: 405]: ПП III а.п. (*pjr* (P) ‘через’) — ПС II а.п. (**pārājāŋ* ‘сверло’ [Janhunen 1977: 114]);
35. **pušV* ‘дуть’ [UEW: 409]: ПП III а.п. (*puškj-* (S)) — ПМанс. II а.п. (юконд. *paśi* ‘он дует’, *paśijēt* ‘они дуют’);
36. **šepä* ‘шея’ [UEW: 473]: ФВ I а.п. (морд. *šive*, *šivä* (E), *šivä*, Род. -*en* (M) ‘воротник’, *šiveks* (E) ‘хомут’ [Raasonen 1990—1996: 2164]) — ПП III а.п. (*ši-keč* (S) ‘воротник’);
37. **šilmä* ‘глаз’ [UEW: 479]: ФВ I а.п. (морд. *šēlme* (E), *šēlmä* Pl. *šēlmät* (M) [Raasonen 1990—1996: 2128]) — ПП III а.п. (*šin* (*šinm-*) (SP)) — ПС II а.п. (**sājmä* ‘глаз’ [Janhunen 1977: 132]);
38. **soksV* (**saksV*, **seksV*) ‘сосна кедровая сибирская’ [UEW: 445]: ПП III а.п. (*sus-pu* (V Ud.)) — ПС II а.п. (**tjtājāŋ* ‘сосна кедровая сибирская’ [Janhunen 1977: 160]) — ПХант. I а.п. (низ. *tugel*);
39. **sula* ‘таять’ [UEW: 450]: ФВ I а.п. (морд. *sola-* (E M) ‘таять’) — ПП III а.п. (тим. *sila* ‘я таю’) — ПХант. II а.п. (низ. *tudāti*);
40. **taje* (**toja*) ‘наклоняться, ломаться’ [UEW: 505]: ПП III а.п. (*tuj-* (S P) ‘пригодный’) — ПС II а.п. (*tujo-* (O) ‘крест, вынуждающий поклониться’);
41. **tuktV* ‘поперечная балка’ [UEW: 534]: ПП III а.п. (*tijk* (*tijkj-*) (Ud.) ‘поперечная древесина’) — ПС II а.п. (**tātä(-)* ‘поперечная балка’ [Janhunen 1977: 149]);
42. **tuna* ‘приучать, учить’ [UEW: 537]: ФВ I а.п. (морд. *tonado-* (E M)) — ПП III а.п. (*tun* (V) ‘предсказатель’) — ПС II а.п. (**tāntā-* ‘учить’ [Janhunen 1977: 147]);
43. **ala* ‘место под чем-либо’ [UEW: 6]: ФВ I а.п. (морд. *al* (M) нижний, находящийся внизу, *alo* (E), *alä* (M) ‘низ, нижний’ [Raasonen 1990—1996: 22]) — ПП III а.п. (коми -*ul* (S) ‘помещение под полом’) — ПС II а.п. (**lā* ‘почва’ [Janhunen 1977: 24]);
44. **wedV* ‘убивать’ [UEW: 566]: ПП III а.п. (коми *vi-* (S) ‘убивать’) — ПМанс. IV а.п. (сосьв. *áli* ‘убивает’, *aléjt* ‘убивают’);
45. **wilä* (**wülä*) ‘верх’ [UEW: 573]: ФВ I а.п. (морд. *velks* (E), *velks* (M) верхний, *velde* (E) ‘через, посредством’, *veldä* (*veldä-*) (M) ‘благодаря, посредством’ [Raasonen 1990—1996: 2605]) — ПП III а.п. (коми *vjl* (S)) — ПС II а.п. (**i(-)* ~ **ni*);

Исключения

1. **kumpra* ‘волна’ [UEW: 203]: ФВ I а.п. (морд. *komba* Род. *kombän* (M) ‘кочка, плавучий островок’, *kum-boldo-*, *kopildi-* (E) ‘быть в бурлящей воде, бурлить’ [Raasonen 1990—1996: 950]) — ПП III/IV а.п. (коми *gib-* (Vm.) ‘плескаться, играть’) — ПС I а.п. (**kāmpā*, **kāmpā* ‘волна’ [Janhunen 1977: 59]);

2. **maksa* ‘печень’ [UEW: 264]: ФВ I а.п. (морд. *makso* (E), *maksà* (M) [Paasonen 1990—1996: 1162]) — ПП III/IV а.п. (коми *mus* (S)) — ПС I а.п. (**mitä* ‘печень’ [Janhunen 1977: 93]) — Пхант. I а.п. (ирт. *Múugat* ‘печень’ — низ. *múxad* ‘печень’);
3. **enä* ‘большой, много’ [UEW: 74]: ФВ I а.п. (морд. *ine* (E), *inä* (M) ‘большой’ [Paasonen 1990—1996: 463]) — ПП III а.п. (*una* (S) ‘много’) — ПС I а.п. (**inä* ‘старший брат’ [Janhunen 1977: 27]);

ПУ IV а.п.: ФВ II а.п. — ПП IV а.п. — ПС I а.п. — ПХант. I а.п. — ПМанс. I или III а.п.

1. ПУ **kačV* (**kočV*) ‘понимать, знать, быть в состоянии’ [UEW: 114]: ПП IV а.п. (коми *kuž-* (S)) — ПМанс. I а.п. (юконд. *χásat* ‘они умеют’);
2. **konV* (**kana*) (? + *ala*) ‘подмышка’ [UEW: 178]: ПП IV а.п. (коми *kumles* (S) ‘подмышка’) — ПС I а.п. (**kälzη* ‘подмышка’ [Janhunen 1977: 63]);
3. **kora* ‘кожа, кожа’ [UEW: 180]: ФВ II а.п. (морд. *kuvo* (E) ‘корка’, *kuva* (M) ‘корка, кора’) — ПП IV а.п. (коми *ku* (S PO) ‘мех’) — ПС I а.п. (**korā* ‘кожа, кожа’ [Janhunen 1977: 73]);
4. **luke* ‘число, считать’ [UEW: 253]: ПП IV а.п. (тим. *vid’á* ‘я считаю’) — ПС I а.п. (ненец. *lāχnā-*);
5. **muške* (**moške*) ‘мыть’ [UEW: 289]: ПП IV а.п. (тим. *mešká* ‘я мою’) — ПС I а.п. (**māsə-* ‘мыть’ [Janhunen 1977: 89]);
6. **nejde* (**nejde*/**nejde*) ‘девочка, дочь’ [UEW: 302]: ПП IV а.п. (коми *njl* (S) ‘детвора’) — ПС I а.п. (**ne* ‘женщина’ [Janhunen 1977: 100]);
7. **nota(-IV)* ‘заяц’ [UEW: 322]: ПП IV а.п. (коми *nima’l* (PO)) — ПС I а.п. (**nāmá* ‘заяц’ [Janhunen 1977: 105]);
8. **nukse* ‘соболь’ [UEW: 322]: ПП IV а.п. (коми *niz* (Lu. PO)) — ПХант. I а.п. (ирт. *Njógos* ‘соболь’ — низ. *núχəs* ‘соболь’);
9. **ončV* ‘нельма’ [UEW: 339]: ПП IV а.п. (*už* (Ud. I)) — ПС I а.п. (**āncz* ‘нельма’ [Janhunen 1977: 18]);
10. **ora* ‘белка’ [UEW: 343]: ФВ II а.п. (морд. *ur* (E), *urá* (M) (Род. -*n*) ‘белка; копейка’ [Paasonen 1990—1996: 2461]) — ПП IV а.п. (*ur* (Le. Ud. P PO));
11. **peje* ‘вариться’ [UEW: 368]: ПП IV а.п. (тим., пик. *piá* ‘я варю’) — ПС I а.п. (коми **pi-* [Janhunen 1977: 123]) — ПМанс. I а.п. (юконд. *pójtæt* ‘они варят’);
12. **poča* ‘влажный’ [UEW: 388]: ПП IV а.п. (коми *pičal-* (S) ‘впитанный’) — ПС I а.п. (ненец. *póda-*);
13. **pojka* ‘сын’ [UEW: 390]: ФВ II а.п. (морд. *bujo*, *pijo* (E) ‘внук, внучка’ [Paasonen 1990: 147]) — ПП IV а.п. (*pi* (S));
14. **pora* ‘пробка’ [UEW: 395]: ПП IV а.п. (коми *pur* (S) ‘открытая плита’) — ПС I а.п. (**párs* ‘нары на четырех ножках’ [Janhunen 1977: 116]);
15. **pure* ‘кусать’ [UEW: 405]: ПП IV а.п. (коми *pur-* (S) ‘разрывать’) — ПМанс. III а.п. (юконд. *pórite* ‘кусают’, *poriját* ‘кусают’);
16. **purkV* ‘снежная буря’ [UEW: 406]: ФВ II а.п. (морд. *porgams*, *purga-* (E), *purgáms*, *pərgá-* (M), *pərgáms* [Paasonen 1994: 1850]) — ПП IV а.п. (коми *pjra* (Lu.)) — ПС I а.п. (ненец. *pārontāj* (O));
17. **saŋca* ‘стоять’ [UEW: 431]: ФВ II а.п. (морд. *šta-* (E, M) ‘вставать’ [Paasonen 1996: 2179]) — ПП IV а.п. (коми *siž-* (I) ‘обосноваться’) — ПМанс. III а.п. (юконд. *túnei* ‘стоит’, *tuneát* ‘они стоят’);
18. **sejV* ‘причесываться’ [UEW: 439]: ФВ II а.п. (морд. *seme*, *säme*, *sämä* (E), *sämä*, *semä* (M) ‘щетка’) — ПП IV а.п. (*sjnal-* (S)) — ПС I а.п. (**tiä-* ‘расчесывать’ [Janhunen 1977: 62]);
19. **šorwa* ‘рог’ [UEW: 486]: ФВ II а.п. (морд. *šuro*, *šura* (E), *šura* (M)) — ПП IV а.п. (коми *šur* (S));
20. **šodka* ‘вид утки’ [UEW: 482]: ФВ II а.п. (морд. *šulgo* (E), *šulga*, *čulga* (M)) — ПП IV а.п. (коми *šul(t)-čəž*);
21. **šülkV* ‘летать, парить’ [UEW: 500]: ПП IV а.п. (коми *šilgi-* (S)) — ПМанс. I а.п. (обск. *tīlamleget* ‘летят’);
22. **täwe* ‘легкое’ [UEW: 519]: ПП IV а.п. (коми *tj* (S P)) — ПС I а.п. (**tiv¹ə* ‘легкое’ [Janhunen 1977: 164]);
23. **uje* ~ **oje* ‘плавать’ [UEW: 542]: ПП IV а.п. (тим. *ujá* ‘плаваю’) — ПС I а.п. (**u-* ‘плавать’ [Janhunen 1977: 29]) — ПХант. I а.п. (ирт. *Údjem*);
24. **wáčV* ~ **wančV* ‘корень’ [UEW: 548]: ПП IV а.п. (коми *viž* (S)) — ПС I а.п. (**wāncz(-)* ‘корень’ [Janhunen 1977: 171]);

Исключения

1. **kOrnV* ‘ворон’ [UEW: 228]: ФВ II а.п. (морд. *křenč*, *křenš*, *křänš* (E), *krañč* (M)) — ПП IV а.п. (коми *kjrnjš* (S)) — ПС II а.п. (**kərnəjə(-)* ‘ворон’ [Janhunen 1977: 55]);
2. **kota* ‘дом, чум’ [UEW: 190]: ФВ II а.п. (морд. *kudo* (E), *kud* (M) ‘дом’ [Paasonen 1992: 922]) — ПП I а.п. (коми *ker-ka* (S));

Таким образом, оказывается, что четыре акцентные парадигмы в непроизводной лексике, сохранившиеся в виде реликтов в речи некоторых носителей коми-пермяцких диалектов (нижне-иньвенского, кудымкарского, литературного коми-пермяцкого), восходят к трем прауральским акцентным парадигмам.

В следующих публикациях мы планируем гипотезу о трех акцентных парадигмах в прауральском языке верифицировать на полном материале этимологий [UEW]⁴⁴.

Сокращения

Языки и диалекты

а.п. — акцентная парадигма	ПС — прасамодийский язык
кам. — камасинский	ПСельк. — праселькупский язык
коми	ПУ — прауральский язык
виш. — вишерский	ПХант. — прахантыйский язык
воств. — восточновычегодский	ирт. — иртышский диалект хантыйского языка
вс. — верхнесысольский	низ. — низямский диалект хантыйского языка
доег. — доеговский говор коми-пермяцкого языка	саам. — саамские языки
дп — древнепермский язык	Сельк. — общеселькупский язык
кудым. — кудымкарский диалект коми	кет. — кетский диалект селькупского языка
кя — коми-язьвинский язык	нар. — нарымский диалект селькупского языка
лит. к.-п. — литературный коми-пермяцкий язык	таз. — тазовский диалект селькупского языка
нижнеин. — нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка	ср.-обск. — средне-обской диалект селькупского языка
пик. — пикановский говор коми-пермяцкого языка	удм. — удмуртский язык
манс. — мансийский язык	S — сарапульский диалект удмуртского языка
сосьв. — сосьвинский диалект мансийского языка	K — казанский диалект удмуртского языка
ср.-обск. — средне-обской диалект мансийского языка	G — глазовский диалект удмуртского языка
тавд. — тавдинский диалект мансийского языка	юз. — юго-западные диалекты удмуртского языка
юконд. — юкондинский диалект мансийского языка	фин. — финский язык
морд. — мордовские языки	ФВ — прафинно-волжский язык
нган. — нганасанский язык	ФП — прафинно-пермский язык
ненец. — ненецкий язык	ФУ — прафинно-угорский язык
ПП — прапермский язык	энец. — энецкий язык

Общие

Du — двойственное число	Praes — настоящее время
Imp — повелительное наклонение	Praet — прошедшее время
Gen — родительный падеж	Sg — единственное число
Pl — множественное число	

Литература

Амелина 2011 — Амелина М. К. Акцентные характеристики непроизводных имен в тундровом наречии ненецкого языка // Урало-алтайские исследования. 2011, 2 (5). С. 7—39. {Amelina M. K. Accent characteristics of underived nouns in Tundra Nenets (the Yamal and Canin dialects) // Ural-Altai Studies. 2011. Vol. 2, 5. P. 7—39.}

Амелина 2012 — Амелина М. К. Акцентные характеристики непроизводных имен в тундровом наречии ненецкого языка (гыданский диалект) // Урало-алтайские исследования. 2012, 1 (6). С. 7—55. {Amelina M. K. Accent characteristics of nouns in Tundra Nenets (the Gydan dialect) // Ural-Altai Studies. 2012. Vol. 1, 6. P. 7—55.}

Баталова 1975 — Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975. {Batalova R. M. Komi-Permyak dialectology. M., 1975.}

⁴⁴ В настоящей статье не были рассмотрены слова, у которых нет параллелей в пермских языках.

- Баталова 1990 — *Баталова Р. М.* Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. М., 1990. {*Batalova R. M.* The On dialect of Komi-Permyak. M., 1990.}
- Баталова, Кривошекова-Гантман 1985 — *Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С.* Коми-пермяцкий словарь. М., 1985. {*Batalova R. M., Krivoshechekova-Gantman A. S.* Komi-Permyak dictionary. M., 1985.}
- Дыбо 2000 — *Дыбо В. А.* Морфонологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. М., 2000. {*Dybo V. A.* Morphophonologized paradigmatic accent systems: Typology and genesis. M., 2000.}
- Иванова 2006 — *Иванова Г. С.* Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении. Саранск, 2006. {*Ivanova G. S.* Vowel system of Moksha dialects in the historical aspect. Saransk, 2006.}
- Кузакова 1963 — Кузакова Е.А. Южно-мансийский (кондинский) диалект. Л., 1963 {*Kuzakova E. A.* Southern Mansi (Konda) dialect. L., 1963.}
- Лыткин 1955 — *Лыткин В. И.* Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам (с обзором диалектов и диалектологическим словарём). М., 1955. {*Lytkin V. I.* Dialectological reading-book on Permian languages (with dialect survey and a dialectological dictionary). M., 1955.}
- Лыткин 1961 — *Лыткин В. И.* Коми-язьвинский диалект. М., 1961. {*Lytkin V. I.* Komi-Yazva dialect. M., 1961.}
- Лыткин 1964 — *Лыткин В. И.* Исторический вокализм пермских языков. М., 1964. {*Lytkin V. I.* Historical vocalism of Permian languages. M., 1964.}
- Лыткин 1965 — *Лыткин В.И.* Вопросы акцентуации пермских языков. // *Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literatur-forschung.* Berlin, 1965. P. 257—265. {*Lytkin V. I.* Issues in Permian accentuation // *Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literatur-forschung.* Berlin, 1965. P. 257—265.}
- Лыткин 1970 — *Лыткин В. И.* Проблема лексического ударения в прафинно-угорских языках. // *ALH*, 1970, 4. P. 245—263. {*Lytkin V. I.* Problem of the lexical accent in Proto-Finno-Ugric languages // *ALH*. 1970. Vol. 4. P. 245—263.}
- Норманская 2008 — *Норманская Ю. В.* Реконструкция прафинно-волжского ударения. М., 2008. {*Normanskaya Yu. V.* Reconstruction of the Proto-Finno-Volgaic accent. M., 2008.}
- Норманская 2010а — *Норманская Ю. В.* Соотношение прапермской и прафинно-волжской акцентных систем // В пространстве языка и культуры: звук, знак, смысл. Сборник статей к юбилею В. А. Виноградова. М., 2010. С. 623—639. {*Normanskaya Yu. V.* Relationship between the Proto-Permian and Proto-Finno-Volgaic accent systems // In the space of language and culture: sound, sign, meaning. A collection of articles for the anniversary of V. A. Vinogradov. M., 2010. P. 623—639.}
- Норманская 2010б — *Норманская Ю. В.* Новый взгляд на историю пермского вокализма: описание развития вокализма первого слога в коми и удмуртском языках в зависимости от прапермского ударения и гласного второго слога // Вопросы урало-алтайстики. СПб, 2010. С. 260—296. {*Normanskaya Yu. V.* A new look on the history of Permian vocalism: a description of the first syllable vocalism development in Komi and Udmurt depending on the Proto-Permian accent and the vowel of the second syllable // *Issues in Uralic Studies.* SPb, 2010. P. 260—296.}
- Норманская 2012а — *Норманская Ю. В.* Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. *Часть I.* Разноместное ударение в центральных и южных диалектах селькупского языка // Урало-алтайские исследования. 2012, 1 (6). С. 117—148. {*Normanskaya Yu. V.* Stress in the Proto-Samoyedic language and its external correspondences. I. Word accent in the central and southern Selkup dialects // *Ural-Altaic Studies.* 2012. Vol. 1, 6. P. 117—148.}
- Норманская 2012б — *Норманская Ю. В.* Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. *Часть II.* Внешние соответствия селькупского разноместного ударения в северно-самодийских и финно-угорских языках // Урало-алтайские исследования. 2012, 2 (7). С. 59—81. {*Normanskaya Yu. V.* Stress in the Proto-Samoyedic language and its external correspondences. II. External correspondences of the Selkup word accent in the Northern Samoyedic and Finno-Ugric languages // *Ural-Altaic Studies.* 2012. Vol. 2, 7. P. 59—81.}
- Норманская 2013 — *Норманская Ю. В.* Разгадка принципов постановки ударения в васюганском диалекте хантыйского языка // Томский Журнал Лингвистических и Антропологических Исследований. 2013, 2 (2). С. 56—69. {*Normanskaya Yu. V.* The Solution to the Principle of Word Stress Assignment in Vasjugan Khanty // *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology.* 2013. Vol. 2, 2. P. 56—69.}
- Норманская 2014 — *Норманская Ю. В.* Система ударения в низямском диалекте хантыйского языка (экспедиционные данные) и ее параллели в южно-хантыйском (по материалам архива М. А. Кастрена) // *Linguistica Uralica.* 2014, 4. С. 283—302. {*Normanskaya Yu. V.* The accent system in the Nizjam and Southern Dialects of Khanty // *Linguistica Uralica.* 2014. Vol. 4. P. 283—302.}
- Норманская 2015а — *Норманская Ю. В.* Система разноместного ударения в мансийском глаголе и ее внешние соответствия. *Часть I.* Обской диалект мансийского языка // Урало-алтайские исследования. 2015, 2 (17). С. 51—67. {*Normanskaya Yu. V.* The system of phonological paradigmatic stress in the Mansi verb and its external parallels. Part I. The Ob dialect of Mansi // *Ural-Altaic Studies.* 2015. Vol. 2, 17. P. 51—67.}
- Норманская 2015б — *Норманская Ю. В.* Система разноместного ударения в мансийском глаголе и ее внешние соответствия. *Часть II.* Юкондинский диалект мансийского языка // Урало-алтайские исследования. 2015, 3 (18). С. 88—103. {*Normanskaya Yu. V.* The system of phonological paradigmatic stress in the Mansi verb and its external parallels. Part II. The Yukonda dialect of Mansi // *Ural-Altaic Studies.* 2015. Vol. 3, 18. P. 88—103.}

- Понарядов 2014 — *Понарядов В. В.* О финно-пермском вокализме // Вопросы уралистики. СПб, 2014, С. 755—758. {*Ponaryadov V. V.* On the Finno-Permic vocalism // Issues in Uralic Studies. SPb, 2014. P. 755—758.}
- Ромбандеева 1973 — *Ромбандеева Е. И.* Мансийский (вогульский) язык: Фонетика. Морфология. Словообразование. М., 1973. {*Rombandeeva E. I.* Mansi (Vogul) language: Phonetics. Morphology. Word-formation. M., 1973.}
- Сайнахова 2012 — *Сайнахова А. И.* Современный мансийский язык (фонетика, орфоэпия, графика, орфография, лексикология, фразеология, лексикография). Ханты-Мансийск, 2012. {*Saynakhova A. I.* Modern Mansi (phonetics, orthoepy, graphics, orthography, lexicology, phraseology, lexicography). Khanty-Mansiysk, 2012.}
- Aikio 2002 — *Aikio A.* New and Old Samoyedic Etymologies // Finnisch-ugrische Forschungen Band 56, С. 9—57.
- Alatalo 2004 — Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von *Donner K., Sirelius U. T. und Alatalo J.* / Zusammenge stellt und hrsg. von Alatalo J. Helsinki, 2004.
- Aikio 2012 — *Aikio A.* On Finnic long vowels, Samoyed vowel sequences, and Proto-Uralic *x. // Eds. *T. Hyttiäinen, L. Jalava, J. Saarikivi and E. Sandman*, Per Urales ad Orientem: Iter polyphonicum multilingue. Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012. Helsinki, 2012. P. 227—250.
- Csúcs 2005 — *Csúcs S.* Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest, 2005.
- Geisler 2005 — *Geisler M.* Vokal-Null-Alternation, Synkope und Akzent in den permischen Sprachen. Wiesbaden, 2005.
- Hajdú 1966 — *Hajdu P.* Bevezetés az uráli nyelvtudományba. Budapest, 1966.
- Itkonen 1953 — *Itkonen E.* Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in permischen Sprachen // FUF, 1953. B. 31. S. 150—345.
- Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.
- Kannisto 2014 — Wogulische Volksdichtung gesammelt und übersetzt von *Artturi Kannisto*. VII Band. Wörterverzeichnis zu den Bänden I—VI. Bearbeitet von Matti Liimola und Vuokko Eiras. Helsinki 1982.
- Lehtisalo 1956 — *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956. (LSFU 13).
- Munkácsi, Kálmán 1986 — Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt von *Munkácsi B.* Geordnet, bearb. und hrsg. von *Kálmán B.* Budapest, 1986.
- Nikolaeva 1999 — *Nikolaeva I.* Ostyak texts in the Obdorsk dialect. Studia Uralica. Bd 9. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999.
- Normanskaja in print — *Normanskaja Ju. V.* Reconstruction of the 14th and 15th Proto-Samoyedic vowels // Nordsci Proceedings 2018. In print.
- Paasonen 1990—1996 — *Paasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch, I-IV, Helsinki, 1990—1996.
- Rédei 1968 — *Rédei K.* A permi nyelvek első szótagi magánhangzóinak a történetéhez // NyK, 1968, Bd. LXX. S. 35—45.
- Reshetnikov, Zhivlov 2011 — *Reshetnikov K. Y., Zhivlov M. A.* Studies in Uralic vocalism II: Reflexes of Proto-Uralic *a in Samoyed, Mansi and Permic // Journal of Language Relationship. 2011. Vol. 5. P. 96—109.
- Sammallahti 1988 — *Sammallahti P.* Historical Phonology of the Uralic Languages // The Uralic Languages: Description, History, and Foreign Influences. Brill, 1988.
- UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1989.
- Wichmann 1915 — *Wichmann Y.* Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische, Helsinki, 1915. (первое издание в MSFOu, 1897).
- Zhivlov 2010 — *Zhivlov M. A.* Studies in Uralic vocalism I: A more economical solution for the reconstruction of the Proto-Permic vowel system // Journal of Language Relationship. 2010. Vol. 4. P. 167—176.
- Zhivlov 2014 — *Zhivlov M. A.* Studies in Uralic vocalism III // Journal of Language Relationship. 2014. Vol. 12. P. 113—148.

РЕЗЮМЕ

В этой статье проводится анализ полевых данных о разноместном ударении в глагольных парадигмах, собранных Л. Г. Пономаревой в 2016—2018 годах в населенных пунктах Юсьвинского района Коми-пермского округа Пермского края, расположенных на расстоянии 30 км друг от друга: с. Доег, Тимино, д. Пиканово, Тукачево. Сравнительный анализ этих данных с уже опубликованными материалами о финно-волжских, прасамодийских, хантыйских и мансийских ацентных парадигмах позволяет реконструировать уральские акцентные парадигмы и установить, что пермские глагольные парадигмы являются прямыми наследниками прауральских.

SUMMARY

This article analyzes the field data on phonological paradigmatic accent in the verbal paradigms, which were collected by L. G. Ponomareva in 2016—2018 in various settlements of the Yus'va district (Permskiy Krai) located at a distance of 30 km from each other: Doeg, Timino, Pikunovo, Mukachevo. Comparative

analysis of these data with the already published materials on Finno-Volga, Proto-Samoyedic, Khanty and Mansi accent paradigms allows to reconstruct the accent paradigm for the Proto-Uralic language, and to discover that Permic verbal paradigms are very archaic and directly succeed the Proto-Uralic ones.

Ключевые слова: ударение, гласные, сравнительно-историческое языкознание, пермские языки, финно-волжские языки, самодийские языки, обско-угорские языки, прауральский язык

Keywords: accent, vowels, comparative-historical linguistics, Permic languages, Finno-Volga languages, Samoyedic languages, Ob-Ugric languages, Proto-Uralic language

Норманская Юлия Викторовна, Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru

Yulia V. Normanskaya, Institute of Linguistics (Moscow); julianor@mail.ru

«Начертание...» В. П. Вишневого и язык чувашской письменности в первой половине XIX века¹

Настоящая статья посвящена анализу одного из наиболее известных памятников письменной чувашской культуры первой половины XIX века — труда В. П. Вишневого «Начертание правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии» [Вишневецкий 1836]. Эта статья продолжает серию работ автора, задачей которых является системное описание языка старочувашских памятников XVIII—XIX веков [Савельев 2013а; 2014; 2015; 2016]².

1. В. П. Вишневецкий и чувашская культурная ситуация в конце XVIII—первой половине XIX века

К началу XIX века чувашская письменная культура была ещё слабо развита. На протяжении всего предшествующего столетия было создано лишь несколько десятков письменных памятников, запечатлевших чувашский языковой материал. При этом большинство работ такого рода представляло собой этнографические и наивно-лингвистические изыскания, рассчитанные на образованную русскоязычную или западноевропейскую аудиторию; для чувашского населения, почти исключительно неграмотного, доступ к ним был закрыт. К середине XVIII века относятся первые попытки чувашского просветительства, подразумевающего создание книжной культуры, но в педагогическом плане они не имели особого успеха. В этой связи необходимо назвать, в первую очередь, «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» [Сочинения 1769], имевшие для научных кругов того времени большое научное значение и сохраняющие его до сих пор (см. обзор языковых особенностей зафиксированного в памятнике диалекта в [Мудрак 2011]), но оказавшиеся неудачными в качестве чувашской азбуки. Другой заслуживающий упоминания труд — «Краткий катехизис» [Рожанский 1800], один из первых длинных текстов на чувашском языке, предназначенный не для внешней публики, а для чтения самими чувашами; он, впрочем, также не сыграл весомой роли в истории национального просвещения.

Возникновение чувашской книжности в этот период связано почти исключительно с христианизацией, интенсивная фаза которой началась после правительственных распоряжений 1740 года. Обращение в новую веру требовало письменной культуры как способа массового ведения миссионерской деятельности. В деле христианизации были задействованы как экономические, так и откровенно насильственные механизмы, но её масштабы в силу многих причин оставались очень ограниченными. При этом подавляющее большинство крестившихся исповедовало христианство только формально, продолжая тайно соблюдать обряды чувашской этнорелигии [Никольский 2007: 111—112].

Таким образом, к началу XIX века вопрос об утверждении новокрещённых в христианской вере по-прежнему остро стоял перед светскими и церковными властями. В связи с этим стали предприниматься новые шаги по укреплению духовного образования и повышению грамотности среди чувашей. В 1817 году митрополит Амвросий Протасов предложил Академическому правлению провести среди священников опрос о том, «идёт ли русский алфавит для чувашского и черемисского языков и каких именно букв недостает для обозначения чувашских и черемисских звуков». Также он предлагал «для специально чувашских и черемисских звуков придумать новые буквы, составить на этих языках буквари, поместив в них и молитвы, а также словарь и грамматику». Вскоре после этого в Казанской духовной семинарии и Чебоксарском уездном училище были открыты классы чувашского языка, а к 1831 году аналогичные

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00361 «Первые памятники письменности на уральских и алтайских языках» (роспись словаря из «Начертания...») и гранта РНФ 18-18-00501 «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России» (обработка грамматического очерка), а также гранта Европейского исследовательского совета (ERC) в рамках исследовательской и инновационной программы European Union's Horizon 2020 (грантовое соглашение № 646612), предоставленного Мартин Роббетс (Martine Robbeets).

² Термин «старочувашский», употребляемый в настоящей статье, отсылает не столько к истории чувашского языка, сколько к истории чувашской письменной культуры. Под старочувашским периодом понимается отрезок со второй четверти XVIII века, которой датируются первые письменные памятники чувашского языка, и до 1870-х годов, когда И. Я. Яковлев создал новочувашскую письменность, с некоторыми изменениями дошедшую до наших дней.

классы появились в Свияжске, Чистополе, Симбирске и Астрахани. По признанию архиепископа Казанского Филарета, существенной пользы эти классы не принесли, поскольку церкви не хватало людей, «которые могли бы свободно излагать инородцам догматы христианской веры и говорить на инородческом языке в церкви поучения». Филарет предпринял ряд административных мер, направленных на повышение роли чувашского языка в системе духовного образования, а также намеревался издать грамматику чувашского языка, составленную Стефаном Эльпидиным [Там же: 113—114]. Однако в итоге труд Эльпидина признали неудачным, и он так и не был издан [Родионов 2004: 7]. Обучение чувашскому языку затруднял недостаток учебных пособий, и результаты такой политики были более чем скромными.

В таких условиях труд по созданию нового учебника чувашского языка взял на себя священнослужитель, выпускник Казанской и Московской духовных академий, профессор философии Виктор Петрович Вишневский (1804—1885). В историю чувашеведения он вошёл как один из основоположников научного изучения чувашского языка и религии, а также как ведущая фигура в раннем просветительстве чувашского и марийского народов. Вопрос о происхождении Вишневого остается дискуссионным (по-видимому, он был из смешанной русско-чувашской семьи), но несомненно, что он с детства воспитывался среди чувашей и владел чувашским языком на очень хорошем уровне, что в дальнейшем сыграло значительную роль в его научной и просветительской деятельности. Начало языковедческих исследований Вишневого относится к 1829—1831 годам, когда он подготовил «Словарь чувашского языка», содержащий 1646 слов. В 1832 году Вишневский опубликовал этот словарь, а вслед за ним и статью «О чувашском языке». К 1836 году лингвистический опыт Вишневого был обобщен в труде, получившем название «Начертание правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии». По-видимому, опасаясь реакции ультраконсервативных кругов, негативно относившихся к изданию просветительской литературы для нерусских народов, Вишневский решил опубликовать свой труд анонимно [Родионов 2004: 18], но для многих современников его авторство не было секретом.

«Начертание...» имеет следующую структуру:

- i. краткое введение (с. I—IV);
- ii. грамматический очерк чувашского языка (с. 1—67);
- iii. словарь чувашского языка, в основе которого лежит предыдущий лексикографический труд Вишневого, расширенный почти в два раза (около 3000 лексических единиц) (с. 69—216);
- iv. сравнительный словарь чувашского, татарского и черемисского (марийского) языков, представляющий собой весьма ранний опыт в области чувашской этимологии (с. 217—246); по признанию Вишневого, образцом для него послужил сравнительный словарь языков Волго-Камья, опубликованный за несколько десятилетий до этого Г. Ф. Миллером ([Müller 1759], русское издание [Миллер 1791]).

Вплоть до 1870-х годов «Начертание...» В. П. Вишневого оставалось единственным используемым в учебном процессе пособием по чувашскому языку, но ввиду того, что масштабы чувашского просвещения до И. Я. Яковлева в целом были достаточно ограниченными, столь же ограниченным оказалось и педагогическое значение данного труда. Иначе обстоит дело с научным влиянием «Начертания...», поскольку в нём академический мир обрёл обстоятельный свод материалов по лексике и грамматике чувашского языка. «Начертание...» было одним из основных источников сведений для В. Шотта, авторству которого принадлежит первая сравнительно-историческая грамматика чувашского языка [Schott 1841], убедительно доказавшая его принадлежность к тюркской семье (распространенное в то время мнение относилось чувашский к числу финно-угорских языков). Кроме того, известно, что трудом Вишневого пользовался видный исследователь чувашского языка середины XIX века А. Регули [Родионов 2004: 23].

Значение «Начертания...» для истории чувашской письменной культуры в общих чертах было исследовано в работах [Родионов 2004; Петров 2004]. Однако до сих пор не получили должного освещения собственно лингвистические аспекты этого труда, а именно его роль в истории чувашской графики и орфографии и его значение для исторической диалектологии чувашского языка. Эти вопросы освещаются далее в настоящей статье. При этом используются методы анализа старочувашских памятников, опробованные ранее при исследовании Словаря Палласа (конец XVIII века) [Савельев 2014] и перевода проповеди «День святой жизни...» (середины XIX века) [Савельев 2016].

2. Место «Начертания...» в истории чувашской орфографии

В XVIII веке ещё не сложилось единой системы чувашской письменности, хотя внутри корпуса памятников, принадлежавших каждому отдельному автору, чувашская фонетика передавалась в целом однотипно. В первой половине XIX века положение не изменилось радикальным образом, но со временем отмечается всё большее единообразие чувашской графики и орфографии, обусловленное тем, что более

ранние памятники использовались как образцы для более поздних. «Начертание...» стало важным этапом в такой стихийной унификации.

Орфография «Начертания...» — как и многих других старочувашских памятников — основана на русской орфографии и, что касается общих принципов отражения чувашской фонетики, достаточно предсказуема. Тем не менее, при записи чувашских материалов «Начертания...» использовались и некоторые специфические приемы, которые рассматриваются ниже; кроме того, по возможности прослеживается их история до и после деятельности Вишневого.

2.1. Чув. -γ- = [z]; чув. -g- = [zɣ]

В «Начертании...» используется следующая система обозначения полувзвонких аллофонов одиночных велярных согласных (озвончение происходит в позиции между гласными или после сонанта перед гласным): (i) фрикативный -γ-, вариант фонемы χ, обозначается при помощи одиночной буквы [z]; (ii) взрывной -g-, вариант фонемы k, обозначается при помощи сочетания [zɣ]. Ср.:

- i. [пѳыгырь] ‘медь красная’ ~ чув. *p̄ȳyr* тж.;
[тигѳ] ‘жеребёнок’ ~ чув. *t̄iγa* тж.;
[сюмгѳ] ‘клубок’ ~ чув. *ś̄m̄t̄γa* тж.;
[сюргѳ] ‘иноходец’ ~ чув. *ś̄̄r̄γa* тж.;
[авалгѳ] ‘древний, старинный’ ~ чув. *aval̄γi* тж., но:
- ii. [сѳюггю] ‘стерлядь’ ~ чув. *ś̄̄ḡḡ* тж.;
[киггень] ‘чемерица’ ~ чув. *kigen* тж.;
[агга] ‘вот’ ~ чув. *aḡ* тж.;
[iурген’-] ‘ленился’ ~ чув. *ür̄gen-* тж.;
[iумюльггѳ] ‘тень’ ~ чув. *m̄̄l̄ge*, диал. *̄m̄̄l̄ge* тж.

Такая запись достаточно нетривиальна, поскольку, как ожидалось бы, одинарная [z] должна быть закреплена за взрывным -g-. Использование [z] для фрикативного восходит, как минимум, к «Сочинениям...» [Сочинения 1769]; -g- в них передаётся при помощи вставки из латинской графики, а именно сочетания [gg], аналогичного [zɣ] «Начертания...». В Словаре Палласа и -g-, и -γ-, как правило, передаются через [z] [Савельев 2014: 53, 86]. В Словаре Дамаскина [Дамаскин 1785] -γ- передается как [z], а -g- — как одинарный [g]³. В «Кратком катехизисе» [Рожанский 1800] в обоих случаях записывается [z], однако очень вероятно, что в этом памятнике отражены диалектные данные малокарачклинского типа, где в интервокальной позиции -γ- и -g- нейтрализуются во фрикативном варианте, и, таким образом, все случаи такой записи относятся к -γ-.

По мнению В. Г. Родионова, изобретение системы отражения велярных, полностью идентичной той, что мы находим в «Начертании...», принадлежит П. И. Талиеву — непосредственному предшественнику В. П. Вишневого в деле цензурирования чувашских книг, который контролировал и направлял чувашский литературный язык и письменность в 1800—1826 годах [Родионов 2004: 12, 19]. После Вишневого вышеприведённый принцип записи -γ- и -g- использовался в чувашской письменной культуре еще несколько десятков лет. Мы находим его, например, в переводе проповеди «День святой жизни...» [Постников 1857], см. анализ орфографии и языка памятника в [Савельев 2016].

Регулярное обозначение фрикативного -γ- через [z] в старочувашских памятниках едва ли можно относить на счёт южнорусской нормы в идиолектах писцов, поскольку, как правило, они имели чувашское происхождение. Эта орфограмма может быть объяснена при обращении к орфоэпии русского языка, где в церковном чтении и в высоком стиле [z] читался как фрикативный на протяжении XVIII и частично в XIX веке [Успенский 1994: 207]. Частотность этого приёма в старочувашских памятниках неудивительна, поскольку их авторами почти всегда были люди из церковных кругов.

2.2. Отражение сочетаний типа «палатальный согласный + гласный»

Сочетания типа *śV-*, *jV-* (иногда также *čV-*) записываются в старочувашских кириллических памятниках специфическим образом. Разные памятники решают проблему записи подобных сочетаний по-

³ Разовое употребление [g] для -g- не исключено и в связи с «Начертанием...»: [вѳурдичь] ‘мехи’ ~ чув. *v̄erḡäč* тж. Видимо, изначально это слово выглядело в записи как *[вѳургичь], однако латинская -g- при переписывании была неправильно интерпретирована как рукописная форма буквы [d] русского алфавита, в результате чего и случилось искажение.

разному, но можно выделить две основные стратегии: (i) предсказуемое использование переднерядных и/или йотированных гласных на русский манер (например, [си-] для *śi-* и [я-] для *ja-*) либо (ii) изобретение особых диграфов, которые выглядят как сочетание [i] или [ь] и гласного, иногда соединённых диакритикой. Во многих случаях приёмы (i) и (ii) употребляются параллельно, а выбор одного из них зависит от конкретного гласного.

В «Начертании...», как правило, используется способ (i); исключения составляют только следующие примечательные случаи:

— сочетания с *-o-*

Сочетание *jo-* передается как [io], а *śo-* и *čo-* как [ci^o] и [či^o] соответственно (последнее — наряду с [чо-]). Ср.:

[iонъ] ‘кровь’ ~ чув. *jon* тж.;

[ci^oкъ] ‘нет, не надобно’ ~ чув. *śok* ‘нет, отсутствует’;

[či^oлъ] ‘камень’ ~ чув. *čol* тж. (но ср. [чохъ] ‘время’ ~ чув. *čox* тж. и др.);

— анлаутные сочетания *ji-*, *jь-*, *jə-*

Все такие случаи передаются как [ь^{u-}]. Ср.:

[ь^uйда] ‘собака’ ~ чув. *jidь* тж.;

[ь^uиль] ‘петля’ ~ чув. *jьль* тж.;

[ь^uиггѣ] ‘веретено’ ~ чув. *jəge* тж. и др.

У [ь^{u-}] есть еще одно значение — начальный (нейотированный) *i-*, который в более тривиальных случаях записывается через [ы-], ср. [ь^uиргән] ‘тощий’ ~ чув. *iryān* тж. Графически [ы-] и [ь^{u-}] имеют почти эквивалентное оформление: *ь + i = ы*, *ь + u = ьи*. В связи с этим и потому, что за предпочтением [ы-] либо [ь^{u-}] не просматривается какой-либо фонетической сущности, их следует рассматривать просто как графические варианты.

Все указанные в данном пункте особенности — с незначительными отклонениями — характерны и для «Дня святой жизни...», который в целом может считаться орфографическим преемником «Начертания...». На фоне других исследованных памятников эти два особенно выделяются использованием сочетания [ь^{u-}] (с теми же двумя фонетическими значениями), не характерного для памятников XVIII века. Диграфы для отражения сочетаний с огубленными гласными имеют более глубокую традицию: сочетание [i^o] встречается еще в «Сочинениях...» [Мудрак 2011], а [io] до степени смещения схоже с [ю], которое употребляется в тех же контекстах в Словаре Палласа [Савельев 2014: 136—138].

2.3. Отражение начальных *й-* и *ѡ-*

Одна из важных дистинктивных характеристик старочувашских памятников — способ отражения анлаутных *й-* и *ѡ-*. Оба гласных обычно передаются идентичным образом, но конкретное отражение зависит от памятника. Использование букв для переднерядных гласных — в частности, [ю] — выглядит нежелательным из-за того, что в начальной позиции они предполагают неуместную в данном случае йотацию. В связи с этим часто употребляются альтернативные обозначения. Многие памятники XVIII века, как кириллические (например, «Сочинения...» и Словарь Палласа), так и на латинской основе (например, Словарь Миллера), используют в этом случае буквы для обозначения заднерядных огубленных, кириллическое [у] и латинское [u] соответственно. В памятниках XIX века, и в том числе в «Начертании...», появляется более совершенный способ обозначения *й-* и *ѡ-*, диграф [iy]. Он позволяет одновременно и обозначить переднерядность огубленного гласного, и избежать обозначения йотации. Ср. примеры на отражение *й-* и *ѡ-* из «Начертания...»:

[iyггѣ] ‘филин’ ~ чув. *iigə* тж.;

[iyклѣ] ‘шалаш’ ~ чув. *iiple*, диал. *ikle* тж.;

[iyлимь] ‘впредь’ ~ чув. *iiləm* тж.;

[iyмбю] ‘царь’ ~ чув. *əmbü* тж.;

[iyмюльггѣ] ‘тень’ ~ чув. *mälge*, диал. *əməlge* тж.;

[iyмють] ‘надежда’ ~ чув. *əmət* ‘мечта’.

После «Начертания...» этот способ передачи переднерядных огубленных в анлаутной позиции стал появляться и в других старочувашских памятниках [Савельев 2016: 88].

2.4. Выводы об орфографии «Начертания...»

Запись чувашской фонетики в «Начертании...» носит достаточно последовательный характер: включения из орфографических правил есть, но их число обычно невелико. Опечатки в тексте памятника практически отсутствуют, что говорит о качественной корректуре со стороны специалиста по чувашскому языку (вероятно, самого В. П. Вишневого). Эта особенность выделяет «Начертание...», например, на фоне большинства памятников XVIII века, которые также хорошо передают чувашскую фонетику, но отличаются большим числом опечаток, поскольку экспертов в чувашском языке среди их переписчиков и редакторов обычно не было.

С точки зрения истории чувашской письменности, «Начертание...» интересно, прежде всего, инновациями и нестандартными приёмами, которые позволили лучше отражать особенности чувашской фонетики средствами русской графики. В. Г. Родионов полагает, что по меньшей мере некоторые орфографические приёмы, а именно использование диграфов [zʒ], [i(ˆ)o], [iy], [b(ˆ)u], Вишневский перенял у своего предшественника по цензуре чувашских книг П. И. Талиева [Родионов 2004: 19]. С этим можно согласиться, поскольку указанные особенности характерны для чувашского перевода Евангелия [Евангелий 1820], общая редактура и корректура которого приписывается Талиеву. Однако именно Вишневский развил и популяризовал эту систему. Созданная в начале XIX века орфографическая система Талиева-Вишневого занимала магистральное место в чувашской письменной культуре на протяжении полувека; в 1860-х годах ей на смену пришла система Н. И. Золотницкого, а вслед за ней и система И. Я. Яковлева.

Те особенности «Начертания»..., которые не лежат целиком в области орфографии, но напрямую затрагивают проблемы фонетики чувашских диалектов, рассматриваются ниже.

3. Языковые особенности «Начертания...»

В. Г. Родионов пишет, что в своих трудах В. П. Вишневский сохранил диалектную основу предыдущих изданий на чувашском языке [Родионов 2004: 19]. Это верно в том смысле, что до эпохи Вишневого, равно как и после неё — вплоть до 1870-х годов, когда И. Я. Яковлев создал новый литературный чувашский язык на базе низового (анатри) диалекта, — основой письменного стандарта был верховой (вирьял) диалект. Вместе с тем старочувашские памятники не вполне единообразны с точки зрения отражаемых языковых особенностей. В то время как большинство памятников действительно передает верховые черты, в основе конкретных памятников могли лежать разные говоры вирьял. Ещё Г. И. Комиссаров заметил, что ядром письменного чувашского языка в дояковлевский период был «курмышский, вернее, красночетайский» говор [Комиссаров 1946]. Именно этот говор зафиксирован в «Сочинениях...» [Сочинения 1769] и, как показано в диссертации [Савельев 2014], в верховом материале Словаря Палласа [Паллас 1787; 1789]. Но, например, «Краткий катехизис» [Рожанский 1800] фиксирует данные северо-западного (сундырско-малокарачкинского) типа с их очень яркими особенностями⁴. Сундырская норма частично передана и в памятнике середины XIX века «День святой жизни...» [Савельев 2016: 101] (отметим, что вторая часть памятника, которая не была предметом специального исследования в названной статье, по-видимому, отражает материал чебоксарского говора верхового диалекта). Таким образом, речь не идёт о языковой преемственности между памятниками в смысле существования некоторого идиома, который по умолчанию понимался разными авторами как эталонный. Скорее следует говорить о том, что в силу разных экстралингвистических причин центр письменной чувашской культуры в ранний период оказался в зоне распространения верхового диалекта и, преимущественно, его курмышско-красночетайского говора. При этом выбор конкретного говора всё же часто проистекал из того, откуда происходил автор конкретного памятника.

Что касается «Начертания...», то невооружённым глазом видно, что его язык тяготеет к верховой диалектной зоне, но для более точной географической и диалектной локализации памятника, ввиду вышесказанного, необходим детальный анализ зафиксированных в нём языковых данных. Обзор орфографии «Начертания...», представленный в предыдущем разделе, является предпосылкой для такого анализа, поскольку становится возможным различать, с одной стороны, явления, связанные исключительно со способами записи, а с другой стороны, особенности языка памятника. По умолчанию можно предпола-

⁴ Как впервые показано в [Мудрак 1993], исторически говоры крайнего северо-запада Чувашии представляли особый («северо-западный») диалект чувашского языка. Однако в последние века эти говоры были по большей части ассимилированы верховым диалектом, составив в нём отдельный субстратный слой; в связи с этим и для удобства изложения материал северо-западных говоров разбирается в настоящей статье в составе верхового диалекта.

гать, что в основе памятника лежит чувашский язык, известный с детства В. П. Вишневному, уроженцу д. Сугут-Торбиково бывшего Ядринского уезда Казанской губернии (ныне в Вурнарском районе Чувашии). Обзор особенностей языка «Начертания...» приводится ниже в сравнении с данными синхронной чувашской диалектологии. Источниками диалектных данных являются, в частности, монографии [Канюкова 1965] и [Сергеев 1992], но в первую очередь — словарь Н. И. Ашмарина [СЧЯ]. Пратюркские реконструкции приводятся по [EDAL 2003], если не указано иное. Чувашские формы, данные без указания диалектной принадлежности, представляют собой реконструкцию общечувашского состояния, основанную на более архаичном верховом диалекте, как это принято в работах [Мудрак 1993], [СИГТЯ 2006] и др.

3.1. Звонкий анлаут

В современном чувашском языке в начальной позиции возможны только глухие шумные согласные, при этом в старочувашских памятниках в некоторых случаях в этой позиции выписываются звонкие. Как показано в работах [Савельев 2014; 2016], такую запись едва ли можно объяснить синхронным фразовым озвончением, известным по современному чувашскому (характерно в потоке речи для всех шумных, находящихся в позиции после гласного или сонанта в ауслауте предыдущего слова). Во-первых, разные согласные в памятниках ведут себя неединообразно: почти все звонкие отражения связаны с записью [б-] и очень редко — [д-]; звонкие отражения для остальных согласных в анлауте практически не встречаются. Во-вторых, такие отражения отмечены и в словарях, и в памятниках нарративного характера; в последнем случае виден контекст употребления слова. Во многих случаях, как оказывается, звонкость появляется и вне позиции фразового озвончения, т. е. после глухого согласного в ауслауте предыдущего слова. Наконец, в-третьих, в пользу (по крайней мере, отчасти) исторической природы звонкого анлаута в старописьменных текстах свидетельствует то, что разные памятники удивительным образом согласуются друг с другом в том, для каких основ выписывать звонкий анлаут, а для каких нет, при том что выбор этих основ не может быть исчерпывающе объяснен синхронными распределениями.

Вместе с тем, едва ли возможно установить единую причину, объясняющую все случаи выписывания звонкого анлаута в старочувашских памятниках, — скорее нужно говорить о совокупности факторов. Относительно очевидными являются случаи звонкого анлаута (i) в заимствованиях, еще не успевших пройти адаптацию; (ii) в послелогох и прочих служебных словах, которые обычно находятся в постпозиции к полнозначному слову и фонетически приближаются к энклитикам; из-за частотности озвончения в данной позиции именно такой вариант оказывается генерализован. Ср. примеры из «Начертания...»:

- i. [базарь] ‘торговый рынок’ ~ чув. *pazar* ‘базар, рынок’ < рус. *базар* или тат. *bazar*;
[бурань] ‘непогода’ < рус. *буран*, в современном чувашском слово не отмечено;
[дось] ‘друг, приятель’ ~ чув. верх. *tos*, низ. *tus* тж. < тат. *dus* (из перс.);
- ii. [бад-] ~ [бат-] ‘сторона’ (основа в серии послелогов со значением ‘к, у, около’) ~ чув. *pat* тж.;
[бекь] ‘сходно, подобно, точь-в-точь’ ~ чув. *pek* тж.;
[биргй] ‘по, для, о’ ~ чув. *pirgi* тж.

Случай (iii) приходится на частотные глаголы, для которых характерно употребление в роли модальных и, аналогично случаю (ii), слияние с предшествующим именем в единое фонетическое слово. Такое фразовое озвончение, по-видимому, имеет исторический характер, поскольку схожее явление отмечено в огузских языках (ослабление *b- > v- в частотных глаголах, ср. тур., азерб. *ol-* < **vol-* < **bol-* ‘быть’, *ver-* < **ber-* ‘давать’ и т. д.). Примеры на этот случай в «Начертании...»:

- iii. [бар-] ‘давать’ ~ чув. *par-* тж.;
[бил-] ‘знать’ ~ чув. *pəl-* тж.;
[бол-] ‘быть’ ~ чув. *pol-* тж.;
[быр-] ‘быть, приходиться, годиться’ ~ чув. *pir-* тж.

Указанные три объяснения подтверждаются показаниями других старочувашских памятников и покрывают 12 из 18 учтенных основ, которые записываются в «Начертании...» с начальным [б-]. Из оставшихся шести слов, пример [брггась] ‘бросать, оставлять, покидать’ ~ чув. *p̄r̄ḡaš-as* inf. тж. можно объяснить озвончением в контексте перед сонантом, который оказывается в непосредственном соседстве с шумным после выпадения безударного редуцированного гласного (формы типа *brax-* появляются в потоке речи и в современном чувашском). Возможно распространить объяснение позицией перед сонан-

том и на другие случаи — независимо от качества гласного, разделяющего шумный и сонант; такое объяснение затрагивало бы формы типа [бардàсць] ‘язь’ ~ чув. *pardas* тж., [бóрнысь] ‘жизнь’ ~ чув. *por(ь)пъś* ‘жизнь’ и [ботрàнь] ‘борщевик’ ~ чув. диал. *potran* < *poldьran* тж., а также все примеры на случай (iii). Однако данное объяснение ненадёжно, поскольку, во-первых, во многих зафиксированных в памятнике формах в позиции перед сонантом выписывается [п-], ср. [порь] ‘мел’ ~ чув. *por(ь)* тж., [пýлдурь] ‘сенной чулан’ ~ чув. *pъldьr* ‘сени’ и даже [пряхь] ‘схожий’ ~ чув. *pъreх* тж., где фонетический контекст (позиция непосредственно перед сонантом в результате выпадения безударного редуцированного гласного) тот же, что и в форме [бргàсць]. Во-вторых, и этого объяснения недостаточно для случаев [божиг-] ‘вянуть’ ~ чув. **poжьх-* (парах *legomenon* «Начертания...», см. подробнее в пункте 3.12) и [бусь] ‘копейка’ ~ чув. *pus* тж. Таким образом, для этих шести случаев надёжного объяснения звонкого анлаута пока не найдено. Для случая [ботрàнь] ‘борщевик’ ср. также рус. диал. *бодран* тж. — надёжное заимствование из чувашского [Фасмер I: 184], подтверждающее, что [б-] в чувашском присутствовал на фонетическом уровне, а не только в орфографии.

Основы с начальным [б-] в «Начертании...» немногочисленны в сравнении с основами на [п-], которых насчитывается не менее 200. При этом конкретные основы **последовательно** записываются либо с [б-], либо с [п-], что подтверждает неслучайный характер этой орфограммы. С некоторыми вариациями приведенные закономерности появления звонкого анлаута справедливы и для других старочувашских памятников, в частности, Словаря Миллера, Словаря Палласа и проповеди «День святой жизни...» [Савельев 2015; 2016].

Две исконные основы на *t-*, отмеченные в «Начертании...», регулярно записываются с [д-] вместо ожидаемого [т-]:

- [двáтма] ‘четыре’ ~ чув. *t(ь)vattъ* тж.;
[дèсь] ‘говорить’ ~ чув. *t-es* inf. ‘сказать’.

Для случая [двáтма] можно предположить озвончение шумного, оказавшегося непосредственно перед сонантом из-за выпадения безударного редуцированного гласного, а для [дèсь] — действие закономерности, охватывающей служебные глаголы. При этом есть два серьёзных довода в пользу того, что звонкий анлаут носит здесь исторический характер. Во-первых, [д-] в этих основах последовательно выписывается во всех обследованных старочувашских памятниках, что вряд ли было бы ожидаемо в случае sporadического озвончения. Во-вторых, ср., например, показания татарского языка, где данные основы выглядят как *dürt* ‘четыре’ и *di-* ‘сказать’ при общей нетипичности анлаутного *d-* для татарской фонотактики. Таким образом, звонкость анлаута в этих основах может быть архаизмом, ср. **d-* в праформах: ПТю **dört(ə)*, **dē-*.

3.2. Звонкий исход слога/основы

В целом старописьменные памятники тривиально отражают чувашское распределение глухих и полувонких аллофонов согласных (полувонкие в позиции между гласными или после сонанта перед гласным, иначе глухие). При этом «Начертание...» стоит в одном ряду с «Днём святой жизни...» и, возможно, иными, ещё не обследованными памятниками середины XIX века (но не с памятниками XVIII века) в том отношении, что в них частотны неожиданно звонкие отражения согласных в конце слога/основы; как правило, они встречаются *наряду* с ожидаемыми глухими отражениями.

В «Начертании...» отмечаются несколько типичных контекстов, где финальный согласный слога/основы относительно часто записывается как звонкий. Контекст (i) охватывает формы с ожидаемым *-p-*, выступающим в роли первого элемента консонантного сочетания, который отражается в части случаев через [б], а не [п]. Возможно, такая запись отражает фонетическую особенность говора-источника памятника, не находящую параллелей в современных чувашских говорах. Ср.:

- i. [кубкà] ‘новая земля’, [кубшàкь] ‘рыхлый’ ~ чув. *kъp-ka*, *kъp-šak* ‘рыхлый, мягкий (в т. ч. о земле)’;
[сi^òбка] ‘оплеуха’ ~ чув. *šorkъ* тж., но:
[вóпкынъ] ‘прожорливый’ ~ чув. *vorкъп* тж.;
[iупкè] ‘лёгкое’ ~ чув. *ipke* тж.

Контекст (ii) — это формы с ожидаемым ауслатным *-х*, где вместо [х] записывается буква [ç], отражающая звонкий *-у*, ср.:

- ii. [вочàгь] ‘очаг’ ~ чув. *vožax* тж.;
[вýлигь] ‘скот’ ~ чув. *vilъх* тж.;
[силыгь-зырь] ‘безгрешный’ ~ чув. *silъх-sъr* sag. тж.

По-видимому, выписывание звонкого в этих случаях также отражает реальную фонетику говорящего, а именно озвончение *-χ* в позиции перед историческим (!) редуцированным, то есть в памятнике фиксируются архаичные формы типа *vožγ(ь)*, *viľγ(ь)*, *šilγ(ь)*. Наличие старого редуцированного в этих формах подтверждается пратюркской реконструкцией, поскольку в противном случае ауслатный ПТю **q >* чув. *χ* должен был отпасть в чувашском, ср. реконструкции О. А. Мудрака [СИГТЯ 2006] для приведённых форм: **ōt-śaqə*, **ōd-luqə*, **žavluqə*. Ср. ожидаемое отражение глухого заднеязычного в форме *[óixъ]* ‘месяц, луна’ ~ чув. *oǰьχ* тж., где конечный редуцированный не восстанавливается (**āñq* в реконструкции О. А. Мудрака — конечный заднеязычный сохраняется в чувашском при старом сочетании сонанта и заднеязычного в однослоге).

Изредка озвончение конечного согласного, указывающего на последующий исторический редуцированный, отражается и для других согласных, ср. *[козь]* ‘глаз’ ~ чув. *koś* тж. В чувашских устойчивых сочетаниях сохраняется форма принадлежности *kośś-i* (при продуктивном *kož-ə*), которая может быть образована только от *kožь* (ПТю **kōrsə* по О. А. Мудраку) — и именно этот вариант объясняет форму из «Начертания...». Ср. также случай *[сяггнә]* ‘сего’ ~ чув. *śakn-a* dat./acc. ‘вот этот’. В памятнике отражена форма типа *śagna < śagьn-a* (местоимение *śagь* имеет косвенную основу *śagьn-*, фигурирующую и в других падежах); в современной чувашской форме *-VgьnV-* *> -VknV-* по фонотактике.

Наконец, контекст (iii) охватывает случаи звонкого отражения согласных на конце глагольной основы, даже если контекст предполагает появление глухого аллофона, ср.:

- iii. *[i^opàdъ]* ‘любить’ ~ чув. *jorat* imp. тж.
[ci^opaztap-] ‘мирить’ ~ чув. *śoraś-tar-* caus. тж.;
[танажтаp-] ‘уравнивать’ ~ чув. *tanlaš-tar-*, диал. *tanaś-tar-* caus. тж.;
[пыгкала-] ‘посматривать’ ~ чув. *pьχ-kala-* iter. тж., **но**:
[кастap-] ‘легчить лошадей’ ~ чув. *kas-tar-* caus. ‘кастрировать’;
[каткала-] ‘крошить в мелкие куски’ ~ чув. *kat-kala* iter. тж.

В контексте (iii) речь идёт, по-видимому, не об исключительно фонетической записи, но о своеобразной орфограмме. Можно предположить, что исход глагольных основ получил частотную реализацию в звонком варианте на письме из-за того, что именно такой вариант в чувашском наиболее частотен фонетически (глаголы обычно употребляются с аффиксами, а подавляющая их часть начинается с гласного; в результате этого конечный согласный основы попадает в позицию озвончения). Подобным же образом для «Начертания...», как и для более позднего «Дня святой жизни...», характерна генерализация в звонком варианте начальных согласных в словоизменительных именных аффиксах. Это касается, в частности, показателей каритива *-sьr ~ -zьr* [*-зыpьB*], комитатива/инструменталиса *-pa(la) ~ -ba(la)* [*-ба(ла)*], каузалиса/финалиса *-šьп ~ -žьп* [*-жинь*] и др. Появление такой орфограммы вызвано тем, что исход именной основы на сонант или гласный, вызывающий озвончение первого согласного аффикса, в чувашском значительно более частотен, чем не вызывающий озвончения исход на шумный согласный.

3.3. Развитие **n*, **ŋ*

ПТю **n*, **ŋ* в особом вокалическом окружении дают в чувашском *n* или *m* с историческим позиционным распределением; см. о нём подробнее в [Мудрак 1989]. Однако в ряде диалектов существует устойчивый набор основ, в которых *n* появляется на месте **n*, **ŋ* и в тех случаях, где ожидается *m*. К числу таких диалектов относится и язык «Начертания...». Ср.:

- [шуну]* ‘кость’, ср. *[пось-шуну]* ‘череп’ ~ чув. *šьmъ*, диал. *šьпъ* тж. < ПТю **siŋök*;
[сюнь] ‘шерсть’, ср. *[сюнь-áда]* ‘валеные сапоги’, *[сюнь-пошмакъ]* ‘валенка’ ~ чув. *šьm*, диал. *šьп* тж. < ПТю **juŋ*;
[тунь] ‘глина’ ~ чув. *tьm*, диал. *tьп* тж. < ПТю **Tōjn* [Дыбо 2010: 84].

На основе аттестаций у Ашмарина можно выделить две зоны распространения вариантов с *-n* для приведенных слов: (1) крайний северо-запад Чувашии, т. е. ареал исторического бытования северо-западных (малокарачклинского и смежных сундырских) говоров; (2) длинная полоса, тянущаяся с запада до центра Чувашии, от Шумерлинского района через Красночетайский и Аликовский и вплоть до Вурнарского района.

Не вполне ясны условия, при которых в языке «Начертания...» появляется *n* на месте *m* литературного чувашского. Ср. другие основы со схожими фонетическими контекстами как на пратюркском уровне, так и в современном чувашском, где в памятнике выписывается [*m*]:

[*тумБ*] ‘мороз’ ~ чув. *t̂m*, диал. *t̂n* ‘изморозь, заморозок, иней, мороз’ < ПТю **don*;
 [-*дүмь*]: [*хора-дүмь*] ‘монах’, букв. ‘черный костюм’ ~ чув. *tom* ‘костюм’ (вариант ***ton* не фиксируется и у Ашмарина) < ПТю **tōŋ* [Мудрак 1989: 219]; ср., однако, [*тондирь*] ‘одежда’ ~ чув. *tom-dir* тж. (*tom* ‘костюм’ + *tir(ə)* ‘кожа, шкура’), где *n* удержался либо вторично образовался в позиции рядом с дентальным взрывным.

3.4. Противопоставление -*o*- и -*u*-

Различная рефлексация общечувашского **o* (> верх. -*o*-, низ. -*u*-) считается наиболее характерной особенностью основных чувашских диалектов. При этом в обоих диалектах имеется особый напряженный гласный -*u*-, в котором совпадают несколько пратюркских вокально-консонантных комплексов, см. [Мудрак 1993: 27—31]. В «Начертании...» представлена типично верховая ситуация с противопоставлением -*o*- и -*u*- (в нейтральном консонантном окружении передаются как [o] и [y] соответственно). Примеры на -*o*-:

[*вóда*] ‘дрова’ ~ чув. *vod̂* тж.;
 [*óухь*] ‘луна, месяц’ ~ чув. *ôj̄x̄* тж.;
 [*ióнь-конь*] ‘среда’, букв. ‘день крови’ ~ чув. *jon-kon* тж.

Примеры на -*u*-:

[*уть*] ‘лошадь’ ~ чув. *ut* тж.;
 [*ту*] ‘гора’ ~ чув. *tu* тж.;
 [*сýда*] ‘светлый’ ~ чув. *šud̂* тж.

Иногда [y] появляется в основах, где можно было бы ожидать более частотный [o], поскольку этимологический источник восстанавливаемого в таком случае -*u*- не очевиден. При этом правильность подобного отражения подтверждается тем, что в засвидетельствованных формах верхового диалекта в данных основах также фиксируется -*u*-, а не -*o*-, как, например, в случае [*нүжа*] ‘плеть’ ~ чув. верх., низ. *rûž̄* ‘кнут, плеть, нагайка’; ср. хак. *roza* ‘вожжи’ [СИГТЯ 2006: 28], узкий гласный в верховом чувашском здесь неясен. По крайней мере в части похожих случаев речь идет о заимствовании в чувашский из иноязычной формы с узким гласным, ср. [*бусь*] ‘копейка’ ~ чув. верх., низ. *pus* тж.; предполагается заимствование из перс. *pust* ‘кожа; скорлупа; кора, корка; шкура (подчеркивание наше — А. С.); мерлушка; овчина’ [ЭСЧЯ I: 450] (там же см. свидетельства о типологической частотности семантического перехода типа ‘шкура, шкурка’ > ‘название денежной единицы’).

3.5. Качество -*e*-

Вопрос о качестве гласного -*e*- недостаточно изучен в чувашской диалектологии. В общем случае считается, что в части диалектов сосуществуют открытый *ε* и закрытый *e*, связанные позиционным распределением, см., например, [Сергеев 1992: 58—59]. Часто дробное отражение *e* отмечается и в старочувашских памятниках [Савельев 2014: 213—217], но не всегда ясно, в какой степени речь идет об отражении диалектной фонетики, а в какой — исключительно об особенностях орфографии.

Наибольший интерес представляет качество *e*- в начальной позиции. В памятниках XVIII века ожидаемый анлаутный *e*- почти регулярно записывается [a-]. На такую запись могли повлиять как открытый характер гласного типа *ε*, так и то обстоятельство, что более подходящая для такого контекста буква [э-] в этот период ещё не устоялась в употреблении. В «Начертании...» — памятнике более позднего времени — частотность [a-] на месте ожидаемого *e*- уже сопоставима с частотностью [э-]. Опять же, такую ситуацию можно объяснить чистой орфографией, но и нельзя исключать, что к XIX веку *e*- в чувашском стал носить более закрытый характер. Ср. следующие примеры из памятника:

[*аби*] ‘я’ ~ чув. *ebə* тж.;
 [*азу*] ‘ты’ ~ чув. *ezə* тж.;
 [*áзирь*] ‘вы’ ~ чув. *ezir*, верх. *ezər* тж.;
 [*арня*] ‘неделя’ ~ чув. *erne* тж., но:
 [*эзырь*] ‘вы’ ~ чув. *ezir*, верх. *ezər* тж.;
 [*эрешмёнь*] ‘паук’ ~ чув. *erešmen* тж.;
 [*эдёмь*] ‘человек’ ~ чув. *edem* тж.;
 [*эсрэле*] ‘злейший дух; смерть’ ~ чув. *esrel*, диал. *esrelə* ‘дух смерти’.

В первом прикрытом слоге в памятниках XVIII века почти всегда представлен закрытый вариант *-e-*, который отображается как [e]. В «Начертании...» этот вариант также доминирует, но в редких случаях в этой позиции встречается и *-ε-* [-я-]. Ср.:

- [кѣбе] ‘добрый дух, избавляющий от бедствий всякого рода’ ~ чув. *kebe* тж.;
- [лезясь] ‘проводить’ ~ чув. *leź-es* inf. тж.;
- [лерѝ] ‘тамошний’ ~ чув. *leri* тж.;
- [негѣкъ] ‘убыток’ ~ чув. *neyek* тж.;
- [бекъ] ‘сходно, подобно, точь-в-точь’ ~ чув. *pek* тж.;
- [сердѣ] ‘снить’ ~ чув. *serde* тж., но:
- [лянгысь] ‘ведѣрko’ ~ чув. *lenges* ‘долбленое ведѣрko из дерева’;
- [ляжъ] ‘тог’ ~ чув. *leš* тж.;
- [тябрѝ] ‘иной, другой’, [тяминь] ‘неизвестно что’ ~ чув. *te-pri*, *te-mən* тж.

В непервых слогах ситуация в памятниках XVIII века и в «Начертании...» одинакова: *-e-* в одних и тех же контекстах отражается непоследовательно через [e] либо [я], обычно с некоторым преобладанием второго варианта (особенно в ауслауте). Это может указывать на умеренно открытый характер гласного, для которого писцы не находили точного соответствия в русском языке. Ср. примеры из рассматриваемого памятника:

- [инярѝ] ‘вчерашний’ ~ чув. *əneryi* тж.;
- [валязьясь] ‘делить’ ~ чув. *valez-es* inf. тж.;
- [иньзѝ] ‘далеко’ ~ чув. *inze* тж.;
- [варня] ‘на середину’ ~ чув. *var-n-e* 3sg.-dat./acc. тж., но:
- [визѣсь] ‘летать’ ~ чув. *vəz-es* inf. тж.;
- [вѝтре] ‘ведро’ ~ чув. *vidre* тж.;
- [вудѝ-порнѣ] ‘средний палец’ ~ чув. *vōda pūrne* тж.

3.6. Качество редуцированных гласных

В литературном чувашском языке, построенном на низовой норме, различаются только два редуцированных гласных: заднерядный неогубленный *ь* и переднерядный неогубленный *э*. В верховом диалекте сохраняется более архаичное членение с дополнительным противопоставлением по признаку огубленности: *ь*, *ѣ*, *э*, *ѣ*; как показывают полевые исследования, см., например, [Савельев 2013б], такая же система характерна по крайней мере для некоторых низовых говоров.

В языке «Начертания...», как и многих других старочувашских памятников, редуцированные гласные первого слога по умолчанию отражаются при помощи букв, используемых в русском языке для гласных верхнего подъема: [ы], [у], [и], [ю]. С учетом полевых данных это дает повод интерпретировать чувашские редуцированные в этой позиции как гласные верхне-среднего подъема. При этом последовательно различаются этимологически неогубленные *ь* [ы], *э* [и] и огубленные *ѣ* [у], *ѣ* [ю]. Ср. примеры на каждый гласный в нейтральном консонантном окружении:

- *ь* [ы]
 - [кыжыль] ‘обруч, ворох’ ~ чув. *kəžyl* тж.;
 - [лыргасъ] ‘ворчать, буянить’ ~ чув. *lɣrg-as* inf. тж.;
 - [ыжъ] ‘сердце, внутренность’ ~ чув. *əž* тж.
- *ѣ* [у]
 - [кубукъ] ‘пена’ ~ чув. *kəbbək* тж.;
 - [пудѝ] ‘гвоздь’ ~ чув. *pōda* тж.;
 - [усъ-зырьъ] ‘безумный’ ~ чув. *ūs-sɣr* sag. тж.
- *э* [и]
 - [писер-] ‘жжѣт; жарко’ ~ чув. *pəzer-* ‘печь; напекать’;
 - [хисъ] ‘бѣдро; меч’ ~ чув. *χəs* тж.;
 - [исъ] ‘дело’ ~ чув. *əs* тж.
- *ѣ* [ю]
 - [кюръ] ‘осень’ ~ чув. *kər* тж.;
 - [тюсь] ‘ладвея’ (т. е. ‘бедро, ляжка’) ~ чув. *pəžə, pəs* тж.;
 - [iumōть] ‘надежда’ ~ чув. *əmət* ‘мечта’.

В части случаев артикуляция редуцированного изменяется под влиянием соседних согласных. Так, в позиции рядом с губными согласными возможно вторичное огубление исторически неогубленных редуцированных, ср.:

[*пужа́ль*] ‘ружьё’ ~ чув. *pǝʒal* тж. < рус. *пицаль*;
[*сјумуль*] ‘лёгкий’ ~ чув. *śǝmǝl*, диал. *śǝmǝl* тж.

Кроме того, представляют интерес следующие случаи, где огубленные редуцированные записываются как [o]:

[*хобар-*] ‘влезать, восходить’, [*хобарны*] ‘мозоль’ ~ чув. *χǝbar-* ‘подниматься’;
[*хомутъ-пуйвъ*] ‘гуж’, [*хомутъ-пювёнъ*] ‘хомутина’ ~ чув. *χǝmǝt* ‘хомут’;
[*хорàхъ-кóзь-зырьъ*] ‘одноглазый’ ~ чув. *χǝraχ* ‘одиночный, непарный’;
[*хóда*] ‘сватовство’ ~ чув. *χǝda* ‘сват’;
[*кондурла́*] ‘полдень, в полдень’ ~ чув. *kǝndǝrla* тж.;
[*копиáнгга*] ‘коровка, мокрица’ ~ чув. *kǝpǝngǝ* ‘насекомое, жучок, мокрица’.

Аналогичное явление фиксируется — отчасти в тех же словах — в другом старочувашском памятнике, «Дне святой жизни...» [Савельев 2016: 93]. В случаях [*хобар-*], [*хомутъ-*] и [*копиáнгга*] речь может идти о диал. *o* на месте литер. *ǝ* в позиции после велярного и перед губным согласным; подобные формы указанных слов атрибутированы у Н. И. Ашмарина как северо-западные. Но такое объяснение не подходит для других приведённых форм. В альтернативной интерпретации появление [o] на месте ожидаемого [y] может отражать расширение редуцированного гласного в позиции после велярного согласного в говоре-источнике памятника (то есть, изменение подъема с верхне-среднего на средний). Ср., однако, другие случаи литер. *ǝ* после *χ-* и *k-*, где, судя по орфографии, этого предполагаемого изменения не происходит: [*хúндуръ*] ‘бобр’ ~ чув. *χǝndǝr* тж., [*кушманъ*] ‘редька’ ~ чув. *kǝšman* и др.

Наконец, в языке «Начертания...» — как и в современном разговорном чувашском языке — случается выпадение инлаутных редуцированных. Необходимым условием для этого является более высокий уровень звучности второго по порядку согласного по сравнению с первым. Ср.:

[*псарà*] ‘сурок’ ~ чув. *pǝzara* ‘хорёк’;
[*пру*] ‘телёнок’ ~ чув. *pǝru* тж.;
[*трень*] ‘лемех’ ~ чув. *tǝren* тж.

Что касается чувашских редуцированных гласных в непервых слогах, то их свойства ещё менее изучены, чем свойства редуцированных в первом слоге. В целом, судя по транскрипциям в словаре Н. И. Ашмарина [СЧЯ], собственным полевым данным и проанализированным старописьменным памятникам, можно предварительно отметить, что эти гласные реализуются, как правило, в неогубленном варианте. Огубленные варианты могут появляться в позиции (i) рядом с губным согласным или велярным *χ*, ср. [Савельев 2013а: 72], или (ii) после огубленного редуцированного в первом слоге (но, как правило, не после огубленных гласных полного образования). При этом в старочувашских памятниках редуцированные гласные непервых слогов часто записываются как имеющие более широкую артикуляцию по сравнению с редуцированными в первом слоге.

В «Начертания...» отражение редуцированных гласных в непервых слогах не вполне регулярно, но с некоторыми отклонениями указанные тенденции прослеживаются и в этом памятнике. Редуцированные гласные непервых слогов обычно реализуются как неогубленные; нерегулярно отражаемая на письме лабиализация происходит под влиянием редуцированных огубленных в первом слоге, но не рядом с губными согласными. Расширение редуцированных имеет место только в абсолютном конце слова в безударной позиции; в закрытом слоге редуцированные выступают в узком варианте. См. некоторые примеры на данные закономерности:

[*пóжитъ*] ‘лыко’ ~ чув. *poǝt* тж. (неогубленный узкий редуцированный в закрытом слоге);
[*турухлà-*] ‘насмехаться’ ~ чув. *tǝrǝχla-* тж. (узкий редуцированный в закрытом втором слоге, лабиализация под влиянием огубленного редуцированного в первом слоге);
[*пóде*] ‘беременная’ ~ чув. *pǝdǝ* тж. (ауслаут, неогубленный широкий редуцированный в безударной позиции);
[*пуду́*] ‘каша’ ~ чув. *pǝdǝ* тж. (ауслаут, узкий редуцированный в ударной позиции, лабиализация под влиянием огубленного редуцированного в первом слоге).

3.7. Сингармонизм

Традиционно считается, что верховой диалект чувашского языка значительно лучше удерживает заднерядный сингармонизм в сравнении с низовым диалектом, где частотен переход некоторых или всех гласных в слове в передний ряд под влиянием соседних палатальных согласных (ср. примеры в [Сергеев 1992: 66]). Подобное же распределение наблюдается на материале ряда арабских заимствований, которые имеют задний ряд в диалекте вирьял и передний — в анатри. Данные «Начертания...» носят с этой точки зрения последовательно верховой характер. Ср.:

- [*обалян-*] ‘ползти, ползать’ ~ чув. верх. *obałan-*, низ. *obalen-* тж.;
 [*подякъ*] ‘ягнёнок’ ~ чув. верх. *podak*, низ. *pudek* тж.;
 [*коньлан-*] ‘унижаться’ ~ чув. верх. **koňlan-*, низ. **kunlen-* (hарах legomenon «Начертания...», см. подробнее в пункте 3.11);
 [*турня*] ‘журавль’ ~ чув. верх. *tõrña*, верх. и низ. *tårne*, низ. и литер. *tårna* (с устранением палатального);
 [*сагатъ*] ‘час’ ~ чув. верх. *sayat*, низ. *seyet* тж. (< араб.).

С другой стороны, в памятнике единожды встречается переход в передний ряд заднерядной основы, содержащей палатальный согласный:

- [*ид’-*] ‘спрашивать’, [*идю*] ‘вопрос’ ~ чув. диал. *it-*, *idü* тж. < *ijt-*, *ijdu*.

По Ашмарину, именно эта форма *ит-* «свойственна наречию вирьял», а не низовому диалекту; примеры указывают на северо-западные (малокарачкинский и смежные сундырские) говоры, а также на курмышско-красночетайский и ишлейский говоры верхового диалекта [СЧЯ III: 152].

Наконец, язык «Начертания...» отражает сингармонистическое выравнивание, при котором гласный *-i-*, имеющий в стандартном варианте чувашского нейтральный статус с точки зрения сингармонизма, переходит в *-i-* после заднерядных гласных, ср.:

- [*пурь*] ‘полба’ ~ чув. *põri* тж.;
 [*аялды*] ‘нижний’ ~ чув. *ajald-i* пом. тж.;
 [*мукъ-сирлы*] ‘клюква’, букв. ‘моховая ягода’ ~ чув. диал. *mõk širl-i* 3sg. тж.

Данная черта характерна для многих чувашских говоров, как верховых, так и низовых, и она едва ли может использоваться для диалектной атрибуции памятника.

3.8. Специфические развития (вокально-)консонантных комплексов

Различная рефлексация общечувашских консонантных кластеров и вокально-консонантных сочетаний — одна из ярких дистинктивных характеристик чувашских говоров. Специфические развития таких сочетаний достаточно многочисленны и в языке «Начертания...», среди них можно выделить нижеследующие типы.

- i. Метатеза типа *-CĀL > -CLĀ*, где *C* — шумный согласный, *Ā* — редуцированный гласный, *L* — сонант (чаще плавный). Ср.:

- [*витрѣ*] ‘сквозь’ ~ чув. *vidar*, диал. *vitřa* тж.;
 [*ешле-*] ‘зелёный’ ~ чув. *ježal*, диал. *ješlā* тж.;
 [*йүсре*] ‘пьяный’ ~ чув. *üzar*, диал. *üsřa* тж.;
 [*кóкле*] ‘пирог’ ~ чув. *kogyl*, диал. *kokl̥*, низ. *kuklā* тж.

Это явление очень распространено в чувашских диалектах: в основном оно встречается у вирьял, но также и в некоторых низовых говорах [Сергеев 1992: 48].

- ii. По неясной причине в части случаев метатезы в указанном контексте не происходит, зато отмечается геминация интервокального шумного согласного:

- [*күкуръ*] ‘грудь’ ~ чув. *kõgõr*, диал. *kõkkõr* тж.;
 [*сюкуръ*] ‘хлеб’ ~ чув. *šõgõr*, диал. *šõkkõr* тж.;
 [*ь^иттырь*] ‘скалка’ ~ чув. *jadar*, диал. *jättar* тж.

Геминация согласных также является типично верховой чертой (отсутствует только в чебоксарском говоре) [Сергеев 1992: 28—29]. В орфографии «Начертания...», как видно из примеров, она передается непоследовательно, но выписывание [к] вместо [ç] в первых двух формах однозначно указывает на то,

что в фонетических прототипах представлена именно глухая гемината, а не одиночный полувзвонкий согласный.

iii. По чувашским диалектам наблюдаются разные варианты развития комплекса *-ldʲr-*: (i) его сохранение (например, *poldʲran* ‘борщевик’, *vəldʲaren* ‘крапива’); (ii) выпадение редуцированного (*poltran*, *vəltren*); (iii) выпадение и редуцированного, и предшествующего ему сонанта (*potran*, *vətren*). Именно последний вариант представлен в «Начертании...»:

[*ботрань*] ‘борщевик’ ~ чув. *poldʲran*, диал. *potran* тж. > рус. диал. *бодран* тж.;
[*вупрень*] ‘крапива’ ~ чув. *vəldʲaren*, диал. *vətren* тж.

Развитие (iii) считается специфическим для верхового диалекта [Сергеев 1992: 24]. Судя по аттестациям у Н. И. Ашмарина, оно практически повсеместно в зоне вирьял [СЧЯ X: 50; СЧЯ V: 385], но, например, Л. П. Сергеев указывает на его нехарактерность для чебоксарского говора [Сергеев 1992: 32]. А. С. Канюкова специально отмечает наличие подобных форм в сундырском говоре [Канюкова 1965: 92].

iv. Стяжение типа *-avʲ-* > *-a-*. Ср.:

[*адать*] ‘гремять’ ~ чув. *avʲd-at*, диал. *ad-at* pres. 3sg. тж.;
[*сярлань*] ‘железница’ (по Далю, ‘рыба *Clupea alosa*, из рода сельдей, бешенка или верховодка’) ~ чув. *śarlan*, диал. *śavʲrlan* тж.

Стяженная форма *śarlan* не может быть диагностической для диалектной атрибуции памятника, поскольку стяжение *-avʲ-* в трёхсложных основах характерно как для верховых, так и для многих низовых говоров (ср. низ. и литер. *artan* ‘мельница’, производное от *avʲr-* ‘молоть’). Что касается двусложных основ, то этот переход характерен преимущественно для верховых говоров. В частности, А. С. Канюкова отмечает выпадение *-v-* в этом контексте в сундырском говоре [Там же]. Л. П. Сергеев фиксирует его в сундырском, моргаушко-ядринском и краснотайском, но не в чебоксарском, калининском и аликовском говорах чувашского языка [Сергеев 1992: 28].

v. Стяжение типа *-ivʲ-*, *-ǫvʲ-* > *(v)u-*. Ср.:

[*вусь*] ‘воск’ наряду с [*увьусь*] тж. ~ чув. *ǫvʲs*, диал. *vus* тж.;
[*вуслань*] ‘шерстень’ (т. е. ‘шершень’) ~ чув. *sǫvʲslan*, диал. *ǫvʲslan*, *(v)uslan* тж.;
[*сюхь*] наряду с [*сьювухь*] ‘близко’ ~ чув. *śivʲx*, диал. *śux* тж.;
[*кось-шу*] ‘слеза’ (букв. ‘глазная вода’) ~ чув. *śiv*, диал. *śu* ‘вода’.

Эта черта также характерна для верхового диалекта. Аттестации у Н. И. Ашмарина указывают на северо-западные (малокарачкинский и сундырские), а также на моргаушский, ишлейский и чебоксарский говоры. Стяжения не происходит в краснотайском и, как правило, вурнарском говоре, хотя О. А. Мудрак отмечает для последнего формы *viza*, *vūza* ‘осина’ [Мудрак 1993: 29].

vi. Стяжение *-j(Ǻ)C-* > *-(j)Ć-*

Развитие такого типа характерно для ряда верховых говоров; Л. П. Сергеев и А. С. Канюкова считают его отличительной чертой сундырских, а также моргаушко-ядринского и краснотайского говоров [Канюкова 1965: 77; Сергеев 1992: 28]; по О. А. Мудраку, стяжение также бывает в вурнарском говоре [Мудрак 1993: 46]. По говорам и даже внутри одного говора стяжение может давать разные результаты в том, что касается слоговой структуры слова и сохранения йота. Частотным бывает стяжение йота с сонантами (в первую очередь, *-jr-* > *-r-*), в редких случаях под него подпадают и сочетания с шумными. Ср.:

[*солля-*] ‘выбирать’ ~ чув. *suja-*, верх. *solʲla-* тж.;
[*мыйрѐ*] ‘орех’ ~ чув. *тѐѐr*, верх. *тиѐr* тж.;
[*мыря*] ‘рог’, [*мыряггә*] ‘ореховый сучок’ ~ чув. *тѐrага*, верх. *тиѐага* ‘рог’ (контаминация с *тиѐr* ‘орех’ в случае [*мыряггә*]?);
[*орень*] ‘сыворотка, орень’ ~ чув. *ojran* ‘айран, пахтанье’, диал. *oʻren* > рус. диал. (Даль) *урень* ‘простокваша, разболтанная с водой’;
[*орля-*] ‘делить’ ~ чув. *ojʲrla-*, верх. **orʲla-* тж.;
[*саиря*], [*сайря*] ‘редкий, редко’ наряду с [*саирань*] ‘изредка’ ~ чув. *sajra(n)*, верх. *saʻra(n)* тж.;
[*майря*] ‘русская женщина’ ~ чув. *majra*, верх. *maʻra* тж.;
[*пиде*] ‘вошь’ ~ чув. *pijʲdʲ*, диал. *pidʲ* тж.

Наиболее близкие к приведенным формы у Н. И. Ашмарина в подавляющем большинстве случаев атрибутируются как северо-западные (малокарачкинские и сундырские) или курмышско-краснотайские.

Ср., с другой стороны, форму [ыиръ] ‘жеребец’ ~ чув. *ы̄ыр*, верх. (курм., сунд.) *и́ръ* тж.; стяжения в говоре памятника не происходит. Интересно указание О. А. Мудрака [Мудрак 1993: 31] на то, что в вурнарском говоре, где в общем встречается стяжение сочетания с йотом, именно это слово выглядит как *ы̄ыр*, *ӣыр* (без стяжения).

vii. Развитие сочетания носового с аффрикатой (*-пч-). Ср.:

[хонз̄я] наряду с [хус̄янь] ‘когда’ ~ чув. *х̄ъзан*, диал. *х̄ънза* тж.;

[миз̄е] ‘сколько’ ~ чув. *мӣе*, диал. *мӣже* тж.

Старое сочетание носового и аффрикаты сохраняется как архаизм в северо-западных говорах, но аттестации у Н. И. Ашмарина также указывают на ядринский говор верхового диалекта и «средненизовой» аликский говор. На большей части чувашского ареала, как и в литературном языке, произошло упрощение сочетания в -з-. Показания «Начертания...» в связи с этим противоречивы. В первом примере отражено сочетание типа -пч- (в [СЧЯ] подобные формы цитируются только по какому-то неустановленному и неатрибутированному памятнику); сохранение носового сближает эту форму с формами северо-западного ареала. Во втором же примере форма «Начертания...» отражает стандартное чувашское развитие с утерей сонанта.

3.9. Уникальные развития как маркеры диалектов

Некоторые чувашские слова имеют отмеченные в диалектах — и в «Начертании...» — особые варианты, поэтому они удобны для использования в качестве маркеров при диалектной атрибуции. Речь идёт об остаточном сохранении архаичных форм, о контаминации, об избавлении от редких/уникальных фонетических сочетаний и о других подобных нерегулярных процессах. Ниже для таких примеров из «Начертания...» дается в скобках диалектная атрибуция наиболее близких к ним форм у Н. И. Ашмарина [СЧЯ], ср.:

[йукля] ‘шалаш’ ~ чув. *йупле*, диал. *йikle* тж. (ядр., мкар., сунд.);

[кычкыр-] ‘кричать’ ~ чув. *кь̄шкыр*, диал. *кь̄шкыр-*, *кь̄шкыр-* тж. (сунд.);

[марггымышь] ‘мышьяк’ ~ чув. *паргьт̄ш̄*, диал. *маргьт̄ш̄* тж. (шум., ишл., ядр.);

[нюмя] ‘помочь’ (т. е. ‘помочи, толока’ — коллективная помощь односельчан в работах) ~ чув. *ните*, диал. *ните* (ишл., алик.);

[ошше] наряду с [осси] ‘замок’ ~ чув. *о̄шси*, диал. *о̄ш̄ә* (< *о̄з̄з̄ә) 3sg. ‘ключ’, диал. ‘замок’ (алик.);

[пайггань] ‘лишь сего дня’ наряду с [паянь] ‘сегодня’ ~ чув. *рапан*, диал. *рапаган* тж. (тет.);

[сюрлчань] ‘насекомые’, [сюрлезень] ‘глиста’ ~ чув. *š̄v̄v̄r̄l̄ž̄en* ‘глиста’, диал. ‘земляной червь’ (сунд., тет., бел.);

[тирсликь] ‘навоз’ ~ чув. *тӣр̄с̄, тис̄лак*, диал. *тӣр̄с̄лек* тж. (у Ашмарина ссылка только на неатрибутированные письменные источники);

[хува] ‘он сам’ ~ чув. *х̄в̄я*, диал. *х̄ва* тж. (морг., алик.);

[чирь-посси] ‘колено’ ~ чув. *ч̄р-го̄ш̄си*, диал. *ч̄р-бо̄ш̄си* тж. (отсутствует в [СЧЯ]);

[шта] ‘где’ ~ чув. (*ь̄*)*шта*, диал. *шта* тж. (алик, ядр.);

[ылдымь] ‘золото’ ~ чув. *ил̄т̄ьн*, верх. *ил̄д̄ьт* тж. (кчет., мкар., сунд., ишл.).

Ср. также случай [танаж-] ‘равняться’ ~ чув. *танлаш-*, диал. *танаш-* тж., где форма «Начертания...» оформлена иным деривационным аффиксом по сравнению с литературным вариантом (так же — сунд., кчет.).

3.10. Фрагменты словоизменительной морфологии

Словоизменительная морфология «Начертания...» в целом довольно близка к общечувашской, но некоторые её особенности всё же дают указания относительно диалектной атрибуции памятника. Отметим здесь наиболее важные из диалектно ограниченных морфологических показателей.

(i) Показатель вокатива на -aj (например, [абай] *abaj* ‘мать моя’). По Л. П. Левитской [Левитская 1976: 16—17], этот аффикс характерен для краснотайского говора верхового диалекта (что, однако, не исключает его присутствие и в других верховых говорах). В части говоров вирьял -aj > -i; также вокатив в чувашских диалектах может выражаться при помощи аффиксов -ok, -uk (вирьял) и -ev (анатри).

(ii) Остаточное сохранение показателя датива-аккузатива -jA после основ на гласный в слове [лея] ‘туда’ ~ чув. диал. *ле-je*. В литературном языке местоимение с этим значением имеет вид *le-re* с показателем локатива; этот же вариант частотен в виде [ляря] в «Начертании...». По Л. П. Ле-

витской, вариант дательного-винительного падежа на *-jA* встречается в моргаушском, ишлейском и краснотетайском говорах [Там же: 18]. В грамматическом очерке чувашского языка, вошедшем в состав «Начертания...», в качестве показателя датива-аккузатива приводится общечувашский *-nA* (например, [*сирлана*] 'ягода' ~ чув. *širla-na* dat./acc. тж. [Вишневский 1836: 9].

- (iii) Специфически верховая причастная форма на *-ttibe*, курм. *-ttiba*. Курмышский (и краснотетайский?) вариант отражается в форме из «Начертания...» [*кась-полты-ба*] ~ чув. диал. *kaś polttiba* 'с наступлением вечера'.

3.11. Диалектные особенности в терминологии родства

Большой интерес представляют зафиксированные в «Начертании...» термины родства, поскольку наполнение этой семантической группы сильно различается в зависимости от конкретного чувашского говора. На тот или иной говор могут указывать сами лексемы, их специфические значения или же специфическое морфологическое оформление. Ниже приводятся фиксации основных терминов родства из памятника вместе с их возможной атрибуцией по данным Н. И. Ашмарина [СЧЯ].

- [*кокй*] voc., [*кóкышь*] 3sg. 'дядя по матери' ~ чув. *kokka* тж. (общечувашская лексема, но специфична форма *kokki* — кчет., сунд., морг., цив.);
- [*мочей*] voc., [*мочу*] 2sg., [*мóчышь*] 'большой дядя по отцу' ~ чув. диал. *тожеј* voc. 'старший брат отца или муж старшей сестры матери' (скорее верховая лексема; форма *тожеј* атрибутирована у Ашмарина, в частности, как чеб. и цив.);
- [*ничей*] voc., [*ничу*] 2sg., [*ни́чышь*] 'большой брат (дядя)' ~ чув. *ри́че* 'старший брат, дядя' (общечувашская лексема, но форма *ри́жеј* voc. преимущественно верховая, в частности, чеб.);
- [*аггай*] voc., [*аггү*] 2sg. 'большая сестра', [*а́ггышь*] 3sg. 'тётка' ~ чув. *akka* 'старшая сестра, тётя' (общечувашская лексема, форма *agaj* voc. широко распространена; в частности, локализуется как курм., чеб., шум., алик. и во многих пунктах низовой диалектной зоны);
- [*шильмы*] 1sg., [*шилнү*] 2sg. 'меньший брат' ~ чув. *šьll-* тж. (общечувашская лексема, при этом форма *šьlñi* 2sg. не принадлежит стандартному языку, но её диалектная атрибуция по данным Ашмарина не представляется возможной);
- [*ьимыкь*] 'сестра меньшая' ~ чув. *йьтэк* тж. (общечувашское слово);
- [*абай*] 1sg., [*абү*] 2sg., [*а́мыжъ*], [*а́мышъ*] 3sg. 'мать' (супплетивные основы) ~ чув. диал. *abaj* тж. (литер. 'старшая сестра, тётя'), *атъžэ* 3sg. (специфично верховой является форма *abaj* в значении 'мать': курм., вурн.);
- [*адй*] voc., [*азò*] 2sg., [*а́шше*] 'отец' (супплетивные основы) ~ чув. *atte* 1sg., *ažu* 2sg., *aššэ* 3sg. (специфически верховой является форма *adi(j)*: курм., кчет., шум. и др.).

3.12. Уникальная и редкая лексика «Начертания...»

В рассматриваемом памятнике присутствует слой лексики, которая не фиксируется в позднейших источниках по чувашскому языку. В лучшем случае такие лексемы приведены в словаре Н. И. Ашмарина [СЧЯ] со ссылкой исключительно на «Начертание...». Речь в данном случае идёт как об уникальных основах, так и об иначе не зафиксированных производных от засвидетельствованных основ. Ср., в частности, следующие чувашские основы, являющиеся *hарах legomena* «Начертания...»:

- [*вочней*] 'ласточка — зверок' (т. е. 'ласка', ср. у Даля *ластка* — «ошибочн[о] вм[есто] ласка, зверек») Для слова восстанавливается фонетический прототип типа **voč(ə)nej*. По фонетике оно не похоже на исконно чувашское; с учётом семантики выглядит правдоподобным предположение о субстратном заимствовании, однако явного источника в соседних финно-угорских языках не обнаруживается. Ср., однако, эрз. *čineј*, диал. *činiiv* при мокш. *šini* 'пахнущий, вонючий', которое частотно в обозначениях родственников ласки по семейству кунных: *čineј хор* 'хорёк' (букв. 'вонючий хор'), *činiiv pa-ča* 'куница' (букв. 'вонючая выдра') [Raasonen 1990—1996]. Так как ласка тоже имеет железы с неприятно пахнущей жидкостью, в принципе можно усматривать в слове из «Начертания...» очень редкий мордвинизм в чувашском. Поскольку восстанавливаемое *čineј* не имеет после себя существительного, то оно может выступать здесь не как прилагательное 'вонючий', а как имя ('вонючка'); ср. прямую аналогию для такой полисемии в чув. *pžara* '1. тот, кто постоянно испускает ветры из живота 2. хорёк' (семантическое развитие от 1 к 2, поскольку это производное от *pžar-* 'пускать ветры') [СЧЯ X: 149]. Тем не менее, внутренняя форма чувашского слова остается очень сомнительной, поскольку элемент *vo-* не этимологизируется.

- [пжй] ‘линь — рыба’
Фонетический прототип восстанавливается в виде *pǝži* (~ *pǝzi*), что омонимично чувашскому обозначению лося. Можно было бы предполагать ошибку в результате неправильной интерпретации рукописного первоисточника формы (*дось* > *днй?*), но с этим не согласуется эксплицитное авторское (?) «рыба». В таком случае перед нами интересное обозначение линя без видимых параллелей в соседних языках. Изолированная среди тюркских чувашская форма может восходить к праалтайскому состоянию, ср. восстанавливаемое на её основе ПТю **busi-* (~ **bisi-*) и, в особенности, ПТунг **puse-* ‘форель; чёрный амур’, с которым в [EDAL 2003: 1113] сопоставляются ПМонг **basiŋga* ‘плотва, вобла’ и ПЯп **pansai* ‘бычок’. С точки зрения семантики интересно, что во всех западноалтайских ветвях слово используется по отношению к рыбам семейства карповых, а чёрный амур и линь, кроме того, имеют один и тот же характерный признак — тёмная, иногда почти чёрная окраска тела.
- [ильбёнъ] ‘белена’
Фонетический прототип — *ilben* ~ *alben* ‘белена’. Н. И. Ашмарин, комментируя форму из «Начертания...», несправедливо помечает её как «очень сомнительную» [СЧЯ III: 111]. Ср. очевидную параллель в виде хак. *irben* ‘богородская трава’, которое, в свою очередь, явно связано с халх. *irveg* тж. (заимствование из монгольской формы типа **irbeg-en* в хакасском и чувашском?). Иначе в [EDAL 2003: 521] и [СИГТЯ 2006: 163], где хакасское слово этимологически связывается через монг. **erte* ‘полынь’ (как заимствование) либо напрямую с чув. *arъt* тж.

Следующие редкие слова из «Начертания...» являются производными от хорошо засвидетельствованных чувашских основ.

- [потлэнчикъ] ‘задохлец; заячий зародыш’
Фонетический прототип — *potlanǝk*; производное от известного глагола *potlan-* ‘портиться; задыхаться (в т. ч. о цыпленке в яйце)’.
- [пйгызь] ‘царство’
Вероятно, ошибочное написание вместо [пйгызь] — в такой форме это забытое теперь слово встречается как основное обозначение царства (именно Царства Небесного) в «Дне святой жизни...» [Постников 1857]. По-видимому, данную запись следует трактовать как *pǝyǝs* ‘государство’ — образование на *-ǝs* (ср. *rogъn-* ‘жить’ > *rogъnǝs* ‘жизнь’) от глагола *pǝx-* ‘смотреть’, употребляющегося также в значениях ‘смотреть за кем-либо, присматривать, надзирать, управлять’ [СЧЯ X: 170—175].
- [вэръ-посъ] ‘долина’
Сложение *var-pos* (~ *var-pozъ*), первая часть которого восходит к *var* ‘овраг, балка, ложбина’, а вторая — к *pozъ* (диал.) ‘поле’.
- [божиг-] ‘вянуть’
Глагол *roǝx-* — производное от *roǝ* ‘пустой’ при помощи непродуктивного деривационного аффикса *-ǝx-*, ср. *roǝan-* ‘опустеть; ослабнуть’.
- [коньлан-] ‘унижаться’
Чув. верх. **koňlan-* (в низ. диалекте и литер. языке ожидалось бы *kunlen-* с дальнейшим переходом в *kullen-* аналогично наречию *kullen* ‘ежедневно’ < *kun-le-n*). Глагол произведен по продуктивной модели от верх. *koň*, низ. *kunə* ‘смирный, податливый’.

4. К диалектной локализации говора-источника «Начертания...»

Как показано в разделе 3, диалектно окрашенные формы в материалах «Начертания...» достаточно многочисленны. Тем не менее по разным причинам диалектная атрибуция памятника является нетривиальной задачей. Часть проблем имеют общий для подобного рода исследований характер. Это, во-первых, несовершенство существующих диалектологических описаний, которые часто ориентированы на освещение поверхностных отличий говоров от литературного языка вместо того, чтобы давать исчерпывающее описание языковой системы, т. е. «негативную» информацию (об отсутствии тех или иных дистинктивных черт) наряду с «позитивной». Во-вторых, нужно иметь в виду очень вероятную перестройку диалектной карты чувашского языка за почти два века, прошедшие со времени создания памятника, что делает сопоставление старочувашских данных «Начертания...» с известными по современным описаниям изоглоссами в определённой степени условным.

Помимо этого, сам материал «Начертания...» оказывается достаточно сложным для интерпретации. Конфликтующие изоглоссы находят отражение в параллельных формах: ср., например, фиксацию в памятнике слов с северо-западным переходом *-ivb-*, *-ivb-* > *-u-* и без него (*vus* наряду с *ivb's* 'воск', *siu* наряду с *siuvu* 'близко'), альтернативных вариантов развития основ с исходом типа *-CÁL* (см. пункты i и ii раздела 3.8) и др. В то время как в общем язык памятника может быть охарактеризован как принадлежащий к верховому диалектному типу, заметное большинство проанализированных форм языка «Начертания...» специфично для северо-запада чувашского ареала; это собственно северо-западные (малокарачкинский и смежные сундырские) говоры, а также соседствующие с ними говоры моргаушко-ядринского и курмышско-красночетайского типа. Более подробная локализация говора-источника опять же проблематична (ср., для контраста, вполне надёжное обоснование курмышско-красночетайской принадлежности верхового материала Словаря Палласа в [Савельев 2015]). Многие черты в языке «Начертания...» являются общими для всего указанного ареала; эксклюзивные же особенности оттеняют то один, то другой из известных по синхронной диалектологии говоров. Судя по количеству сходжений с атрибутированными формами у Н. И. Ашмарина, можно сделать предварительный вывод о том, что указанные формы «Начертания...» наиболее близки к данным собственно северо-западных и курмышско-красночетайских говоров. С другой стороны, есть основания полагать, что помимо говора, принадлежавшего к северо-западному ареалу, в памятнике имеется ещё один диалектный слой. С ним имеет смысл ассоциировать встречающиеся в тексте формы «общечувашского» типа, а также лексемы и изоглоссы, которые по иным источникам атрибутируются не как северо-западные, а скорее принадлежащие к ареалу «средненизовых» говоров чувашского языка.

Есть два возможных объяснения указанной противоречивости языкового материала «Начертания...». Согласно первому, в составлении памятника участвовали носители различных диалектных вариантов чувашского языка, помимо основного автора В. П. Вишневого. Второе же объяснение предполагает, что источником памятника был один конкретный говор, но в этом говоре отразились данные нескольких типов, например, из-за продолжающегося диалектного сдвига. Для выбора наиболее правдоподобного объяснения должны привлекаться как экстралингвистические сведения, так и собственно лингвистический анализ.

Во время создания учебника Вишневский жил в Казани и работал в том числе на руководящих должностях; можно представить, что он привлекал для сбора материалов проживающих в городе земляков из Чувашии, являвшихся носителями отличных от его собственного говоров. Однако у нас нет надёжных свидетельств (например, архивных документов) в пользу работы Вишневого с соавторами. Значимых пересечений материалов «Начертания...» с данными более ранних чувашских памятников, которые могли бы послужить источником его разнодиалектности, также пока не обнаружено. Косвенно в пользу того, что Вишневский был единственным автором «Начертания...», также свидетельствует относительное единообразие орфографии памятника.

С собственно лингвистической точки зрения предположение о коллективном авторстве «Начертания...» также представляется маловероятным. Это следует из анализа дублетных форм, т. е. параллельных отражений одной и той же языковой формы, в материале учебника. Во-первых, после вычета тех из них, которые объясняются, например, ошибками и отдельными случаями разнобоя в орфографии, оказывается, что число дублетов, отражающих именно параллельные развития языковых систем (прежде всего, на фонетическом уровне), на общем фоне очень мало. Это как будто свидетельствует против множественности источников, использованных при составлении «Начертания...», — ср., например, большое число дублетов в надёжно разнодиалектной чувашской части Словаря Палласа [Савельев 2013a]). Во-вторых, отмеченные в памятнике конфликтующие изоглоссы при сопоставлении с более поздней диалектной картой могут быть локализованы на географически непрерывной и очень компактной территории в северо-западной четверти Чувашии. Более того, во многих случаях они обнаруживаются в вурнарском говоре, отражение которого в памятнике было бы ожидаемо исходя из данных о происхождении Вишневого, и в непосредственной близости от него (ср., например, атрибуции у Н. И. Ашмарина для вариантов названия «ключа» или «замка́», *oššə* [óшше] и *ošši* [ощи́] — соответственно, архаичная (< *ošb-žə*) и инновационная формы принадлежности от *ošb*).

С учётом сказанного наиболее правдоподобным представляется следующее объяснение. В. П. Вишневский был, по-видимому, единственным составителем «Начертания...»; при этом в памятнике запечатлён процесс диалектного сдвига в родных местах В. П. Вишневого на территории современного Вурнарского района. Этот процесс предполагает замещение говора северо-западного типа (близкого к сундырским и курмышско-красночетайским) говором, приближенным к среднечувашскому образцу («средненизовым», как описывается современный вурнарский говор). В пропорции черты первого говора всё ещё преобладают, но с северо-западными по происхождению изоглоссами уже сосуществуют черты, пришедшие с востока Чувашии. Позднее «средненизовые» черты в вурнарском говоре одержат верх, хо-

тя в нём и сохранятся достаточно некоторые особенности чувашских говоров северо-западного типа (этот сценарий, как представляется, хорошо согласуется с современными описаниями вурнарского говора).

До известной степени такое заключение по поводу диалектной атрибуции «Начертания...» не окончательно: для получения более ясной картины нужны как новые разработки в области синхронной чувашской диалектологии, так и описания других старочувашских памятников.

Сокращения

Общие

1 — первое лицо	iter. — итератив (учащательная форма)
2 — второе лицо	inf. — инфинитив
3 — третье лицо	nom. — номинализатор
car. — каритив (лишительный падеж)	pres. — настоящее время
caus. — каузатив (понудительная форма)	sg. — единственное число
dat./acc. — датив-аккузатив (дательно-винительный падеж)	voc. — звательный падеж
imp. — императив	диал. — диалектная форма
	литер. — литературная форма

Языки и диалекты

азер. — азербайджанский язык	ПТунг — пратунгусский язык
алик. — аликовский говор чувашского языка	ПТю — пратюркский язык
араб. — арабский язык	ПЯп — праяпонский язык
бел. — белебеевский говор чувашского языка (Башкортостан)	рус. — русский язык
верх. — верховой диалект чувашского языка	сунд. — сундырский говор чувашского языка
вурн. — вурнарский говор чувашского языка	тат. — татарский язык
ишл. — ишлейский говор чувашского языка	тет. — тетюшский говор чувашского языка (Татарстан)
курм. — курмышский говор чувашского языка	тур. — турецкий язык
кчет. — красночетайский говор чувашского языка	хак. — хакасский язык
мкар. — малокарачкинский говор (диалект) чувашского языка	халх. — халха-монгольский язык
мокш. — мокшанский язык	цив. — цивильский говор чувашского языка
морг. — моргаушский говор чувашского языка	чеб. — чебоксарский говор чувашского языка
низ. — низовой диалект чувашского языка	чув. — чувашский язык
перс. — персидский язык	шум. — шумерлинский говор чувашского языка
ПМонг — прамонгольский язык	эрз. — эрзянский язык
	ядр. — ядринский говор чувашского языка

Литература

Вишневыи 1836 — *Вишневыи В. П.* Начертание правил чувашского языка и Словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии. Казань, 1836. {*Vishnevsky V. P.* An inscription of the Chuvash language rules and a Dictionary, compiled for religious schools of the Kazan diocese. Kazan, 1836.}

Дамаскин 1785 — *Епископ Дамаскин.* Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, татар, чувашей, мордвы, черемис. Отдел рукописей РНБ, собрание Эрмитажа. № 223. {*Bishop Damaskin.* Dictionary of different languages of peoples living in Nizny Novgorod diocese, i. e. Russians, Tatars, Chuvashes, Mordovians, Cheremis. The National Library of Russia, Manuscripts Department, Hermitage collection. № 223.}

Дыбо 2010 — *Дыбо А. В.* Вокализм раннетюркских заимствований в венгерском // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*, Bd 32/33. Hamburg, 2010. S. 83—132. {*Dybo A. V.* Vocalism of early Turkic borrowings in Hungarian // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*, Bd 32 / 33. Hamburg, 2010. P. 83—132.}

Еванггель 1820 — Святой Еванггель Матөей рань, Маркь рань, Лукà рань, Иоанн рань да чувашь чильгè синè сывырзà хоны. Казань, 1820.

Канюкова 1965 — *Канюкова А. С.* Чувашская диалектология. Чебоксары, 1965. {*Kanyukova A. S.* Chuvash dialectology. Cheboksary, 1965.}

Комиссаров 1946 — *Комиссаров Г. И.* Письменность на чувашском языке в XVIII веке. Рукопись. Цит. по: Комиссаров Г. И. Письменность на чувашском языке в XVIII веке // Проблемы письменности и культуры. Сб. ст. ЧНИИ. Чебоксары, 1992. С. 85—104. {*Komissarov G. I.* Chuvash writing in the 18th century. Manuscript. Cit. ex: Ко-

missarov G. I. Chuvash writing in the 18th century // Problems of writing and culture. Collection of ChRI articles. Cheboksary, 1992. P. 85—104.}

Левитская 1976 — *Левитская Л. С.* Историческая морфология чувашского языка. М., 1976. {*Levitskaya L. S.* Historical morphology of Chuvash. M., 1976.}

Миллер 1791 — *Миллер Г. Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. {*Miller G. F.* Description of pagan peoples living in the Kazan province, id est Cheremis, Chuvash and Votyak. SPb, 1791.}

Мудрак 1989 — *Мудрак О. А.* Специфические дробления консонантных рефлексов в чувашском языке // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. 1989. Ч. 1. С. 216—222. {*Mudrak O. A.* Specific fragmentations of consonant reflexes in Chuvash // Linguistic reconstruction and the earliest Oriental history. 1989. Part 1. P. 216—222.}

Мудрак 1993 — *Мудрак О. А.* Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации. М., 1993. {*Mudrak O. A.* Historical correspondences of Chuvash and Turkic vowels: An attempt of reconstruction and interpretation. M., 1993.}

Мудрак 2011 — *Мудрак О. А.* Некоторые заметки по орфографии и фонетике памятника «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» // Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. Чебоксары, 2011. С. I—XIV. {*Mudrak O. A.* Some notes on orthography and phonetics of the “Works concerning the Chuvash language grammar” // Works concerning the Chuvash language grammar. Cheboksary, 2011. P. I—XIV.}

Никольский 2007 — *Никольский Н. В.* Конспект по истории христианского просвещения чуваш // Собрание сочинений. Т. II. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей. Чебоксары, 2007. С. 100—125. {*Nikolskiy N. V.* A summary of the history of Christian education of the Chuvash people // Collected works. Vol. II. Works on the history of Christianization and Christian education of the Chuvash people. Cheboksary, 2007. P. 100—125.}

Паллас 1787 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Ч. 1. СПб., 1787. {*Pallas P. S.* Comparative dictionaries of every language and dialect, compiled by the right hand of the Highest Person. Part I. SPb., 1787.}

Паллас 1789 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Ч. 2. СПб., 1789. {*Pallas P. S.* Comparative dictionaries of every language and dialect, compiled by the right hand of the Highest Person. Part II. SPb., 1789.}

Петров 2004 — *Петров Н. П.* Магистр богословия Виктор Вишневецкий и его роль в истории старочувашской письменности и литературного языка. Чебоксары, 2004. {*Petrov N. P.* Victor Vishnevsky, Master of Theology, and his role in the history of the pre-standard Chuvash writing and literary language. Cheboksary, 2004.}

Постников 1857 — *Постников Г. П.* Конь святой борнызинь, али Хоравь идю синё: еплё мань святой борнась? Казань, 1857.

Родионов 2004 — *Родионов В. Г.* Виктор Вишневецкий и этапы становления чувашской письменной культуры. Чебоксары, 2004. {*Rodionov V. G.* Victor Vishnevsky and stages of development of the Chuvash written culture. Cheboksary, 2004.}

Рожанский 1800 — *Рожанский Е. И.* Краткий катехизис, переведенный на чувашский язык с наблюдением российского и чувашского просторечия, ради удобнейшего оног познания восприявших Святое крещение. СПб., 1800. {*Rozhanskiy E. I.* Concise catechism, translated into Chuvash with observation of Russian and Chuvash vernacular, for convenience of learning by those who received the Holy baptism. SPb., 1800.}

Савельев 2013а — *Савельев А. В.* Отражение вокализма чувашских диалектов в «Сравнительном словаре» П. С. Палласа // Урало-алтайские исследования. 2013, 1(8). С. 34—54. {*Savelyev A. V.* Reflection of the Chuvash dialects' vocalism in the “Comparative dictionary” by P. S. Pallas // Ural-Altai studies. 2013, 1 (8). P. 34—54.}

Савельев 2013б — *Савельев А. В.* Фонетические особенности низового диалекта чувашского языка (по данным говоров Нурлатского района Татарстана) // Материалы XIII международной конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России». Уфа, 2013. С. 105—111. {*Savelyev A. V.* Phonetic features of the Lower dialect of the Chuvash language (based on patois of the Nurlat district in Tatarstan) // Proceedings of the 13th international conference “Current problems of dialectology of the peoples of Russia”. Ufa, 2013. P. 105—111.}

Савельев 2014 — *Савельев А. В.* Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века (на материале Словаря Палласа). М., 2014. {*Savelyev A. V.* Reflection of the dialect features in early written monuments of the 18th century Chuvash language (based on the Pallas Dictionary). M., 2014.}

Савельев 2015 — *Савельев А. В.* Диалектная основа чувашских материалов в Словаре Палласа // Материалы XV всероссийской конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России». Уфа, 2015. С. 229—233. {*Savelyev A. V.* Dialectal base for the Chuvash material in the Pallas Dictionary // Current problems of dialectology of the peoples of Russia. Proceedings of the 15th national scientific conference. Ufa, 2015. P. 229—233.}

Савельев 2016 — *Савельев А. В.* Чувашский перевод одной проповеди середины XIX века. Урало-алтайские исследования. 2016, 1(20). С. 68—104. {*Savelyev A. V.* The Chuvash translation of one sermon of the mid-19th century. Ural-Altai Studies. 2016, Vol. 1, 20. P. 68—104.}

Сергеев 1992 — *Сергеев Л. П.* Чăваш диалектологийĕ: Вĕренĕ пособийĕ. Шупашкар, 1992.

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Тенишев Э. Р., Дыбо А. В. М., 2006. {Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages: The Proto-Turkic language ancestor language. The Proto-Turkic ethnos' worldview based on language data / Ed. *Tenishev E. R., Dybo A. V.* M., 2006.}

Сочинения 1769 — Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. Казань, 1769. {Works concerning the Chuvash language grammar. Kazan, 1769.}

СЧЯ — *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Т. I—XVII. Казань, Чебоксары 1928—1950. {*Ashmarin N. I.* Dictionary of the Chuvash language. Vol. I—XVII. Kazan — Cheboksary, 1928—1950.}

Успенский 1994 — *Успенский Б. А.* Фонетическая структура одного стихотворения Ломоносова (Историко-филологический этюд) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. II. Язык и культура. С. 207—241. {*Uspenskiy B. A.* Phonetic structure of one of Lomonosov's poems (A historical-philological essay) // *Uspenskiy B. A.* Selected works. Vol. II. Language and culture. P. 207—241.}

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964—1973. {*Vasmer M.* Etymological dictionary of the Russian language. Vol. I—IV. M., 1964—1973.}

ЭСЧЯ — *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. I—II. Чебоксары, 1996. {*Fedotov M. R.* Etymological dictionary of the Chuvash language. Vol. I—II. Cheboksary, 1996.}

EDAL 2003 — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. 1—3. Leiden, 2003.

Müller 1759 — *Müller G. F.* Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen und Wotjaken // Sammlung Russischer Geschichte. Band III, Stück IV. St. Petersburg, 1759.

Paasonen 1990—1996 — *Paasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch. I—IV. Helsinki, 1990—1996.

Schott 1841 — *Schott W.* De lingua Tschuwaschorum dissertatio, scripsit Guilelmus Schott, Professor Berolinensis, Regiae scientiarum Academia socius. Berolini, 1841.

РЕЗЮМЕ

В статье разбирается орфография и языковой материал «Начертания...» В. П. Вишневого (1836), одного из наиболее известных старочувашских памятников первой половины XIX века. Показано, что этот памятник утвердил и популяризовал целый ряд специфических приёмов орфографии, которые примерно до 1860-х годов использовались чувашскими книжниками. Язык «Начертания...» не идентичен языку какого-либо из обследованных ранее старочувашских памятников: частотные формы, относящиеся с северо-западной зоной верхового диалекта, конфликтуют с менее многочисленными формами, приближенными к среднечувашским образцам. Возможно, такое сосуществование свидетельствует о диалектном сдвиге как части истории т. н. «средненизовых» говоров чувашского языка.

SUMMARY

The article deals with the orthography and linguistic evidence provided by Viktor Vishnevsky's "Načertanije..." ("Inscription"), one of the most famous Chuvash books from the first half of the 19th century. This text is shown to have induced a large number of spelling techniques that were used in Chuvash literacy until as late as the 1860s. Linguistically, "Načertanije..." is not identical to any of other previously studied texts in pre-standard Chuvash; frequent forms with parallels in the northwestern extremity of the Vıryal dialect area coexist with a smaller number of forms that can be associated with the central part of the Chuvash-speaking area. This provides evidence of a dialect shift occurring somewhere in the linguistic history of the so-called Anat Yenči varieties of Chuvash.

Ключевые слова: старочувашский язык, чувашская диалектология, Виктор Вишневецкий, история чувашского языка, чувашский язык

Keywords: pre-standard Chuvash, Chuvash dialectology, Viktor Vishnevsky, the history of Chuvash, Chuvash

Савельев Александр Владиславович, Институт языкознания РАН (Москва), Институт изучения истории человечества Общества Макса Планка (Йена); santor.jus@gmail.com

Alexander V. Savelyev, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Max Planck Institute for the Science of Human History (Jena); santor.jus@gmail.com

О подпарадигме аналитических форм татарского глагола¹

Сколько разных форм можно произвести от одной глагольной основы? Стандарты описательной лингвистики прошлого предписывали знать точный ответ на этот вопрос. Для арчинского языка, например, А. Е. Кибрик [Кибрик 1977, Kibrik 1998] произвел исчерпывающий подсчет: 1502839 глагольные формы. «Конечно, — пишет А. Е. Кибрик, — большинство таких форм существует лишь как потенциальная возможность, и реализуется в повседневной речи с достаточно представительной частотой лишь ничтожная часть этих форм. Однако при соответствующих коммуникативных и семантико-грамматических условиях может быть построена и воспринята, как вполне нормальная, форма с любым допустимым набором значений грамматических категорий». Это соображение, очевидно, относится не только к арчинскому, но и к другим языкам с внушительной по объему глагольной парадигмой, и в свете этого кажется удивительным, что для татарского языка вопрос о полном составе парадигмы не только не имеет ответа, но, насколько я могу судить по известным мне грамматическим описаниям и теоретическим работам, даже не был сформулирован.

1. Синтетические и аналитические формы

Глагольные формы в татарском языке, как и во многих других, бывают синтетическими и аналитическими. Парадигму синтетических глагольных форм, как финитных (индикативных и неиндикативных), так и нефинитных, в целом следует считать установленной, хотя и здесь есть некоторые проблемы, связанные в первую очередь с варьированием по диалектам и говорам (см., например, [Махмутова 1978] об особенностях мишарского диалекта, а также [Татевосов 2017а]). Мы не будем повторять достижения наших предшественников, см. [ТГ 1993], ограничившись образцом парадигмы в Приложении, и обратимся к аналитическим формам, которые до сих пор в значительной степени остаются белым пятном на карте наших представлений о языке. Оговоримся сразу, что предмет последующего рассмотрения — финитные формы индикатива. Мы предполагаем, что предложенные обобщения более или менее автоматически распространяются на финитные неиндикативные, а также на нефинитные аналитические формы.

В грамматических описаниях регулярно упоминаются Прошедшее незаконченное, Преждепрошедшее, Будущее-Прошедшее, «сослагательное наклонение на *-р иде*» и так далее. В типологически ориентированной монографии [Татевосов и др. 2017] эти формы называются соответственно Имперфект, Плюсквамперфект, Будущее 1 в прошедшем и Будущее 2 в прошедшем. Эти формы иллюстрируются в (1)—(4):

- (1) *Ул тагын да Галия турында уйлый и-де.* (Нади Такташ. Кияү)²
 он опять ЕМРН Г. о думать-IPFV AUX1-PST
 ‘Он опять думал о Галии’.
- (2) *2 апрель-дә аңа 99 яшь тул-ып, 100нче яшь-кә*
 2 апрель-LOC он.DAT 99 год наполняться-CONV 100-ORD год-DAT
чык-кан и-де. [“Өмет” газетасы (web-сайт)]
 выходить-PFCT AUX1-PST
 ‘2 апреля ему исполнилось 99 лет, пошел сотый год’ [= к сотому году **вышел**].
- (3) *Счетчик шушы көн-нәр-дә ку-ел-ачак и-де.* [Фәрит Яхин. «ШТГ планы»]
 счетчик тот день-PL-LOC ставить-PASS-FUT AUX1-PST
 ‘Счетчик в те дни **планировалось поставить**’.

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ № 15-04-00370 «Разработка анкет для сбора материалов к интегральному описанию миноритарных тюркских языков и диалектов России». Автор глубоко признателен А. В. Дыбо и анонимным рецензентам «Урало-алтайских исследований» за ценные замечания и доброжелательное отношение к тексту.

² Здесь и далее все текстовые примеры извлечены из «Письменного корпуса татарского языка» (<https://www.corpus.tatar/>)

- (4) *Юк, бу куркаклык бул-ыр и-де.* [Фәрит Яхин. Көзге яңгырга кадәр]
нет этот трусость **быть-РОТ AUX1-PST**
'Нет, это **была бы** трусость'.

Во всех этих случаях используется одна из форм смыслового глагола в комбинации со вспомогательным глаголом *иде*. В [ТГ 1993] упоминаются и параллельные им формы со вспомогательным глаголом *булу* 'быть': *-а бул-, -ган бул-, -ачак бул-, -р бул-*. Отдельные, как правило, наиболее частотные, аналитические формы и образуемые ими грамматические противопоставления исследуются в работах А. А. Юлдашева [Юлдашев 1965], Ф. А. Ганиева (в частности, [Ганиев 1980]), Д. Г. Тумашевой (например, [Тумашева 1986]) и других исследователей.

Тем не менее, нам неизвестны работы, в которых исчислялся бы полный состав аналитической парадигмы, выявлялась её структура и общая логика организации системы, формулировались ограничения на комбинацию элементов аналитической формы и обсуждались сложные случаи³. Последующее изложение не претендует на то, чтобы предложить окончательное решение этих вопросов, однако мы надеемся внести во многие из них некоторую ясность.

2. Смысловый глагол

Первое обобщение, которое позволяет определить структуру аналитической парадигмы, представлено в (5):

- (5) Обобщение о финитности смыслового глагола

В образовании аналитических форм участвуют только те формы смыслового глагола, которые допускают как финитные, так и нефинитные употребления.

Соответственно, для понимания структуры аналитической парадигмы критически важное значение имеет выявление тех синтетических форм смыслового глагола, которые характеризуются неоднозначностью синтаксического класса. Такие формы допускаются в синтаксических конфигурациях, характерных не только для финитного глагола, но и для адъективов, адвербиалов или субстантивов. Каждая из конфигураций характеризуется узнаваемым набором свойств. Типичный финитный глагол представляет собой вершину глагольной группы, создающей независимое предложение, соединяется с глагольными словоизменительными показателями, демонстрирует глагольное согласование и т. д. Для адъективов характерна роль модификатора именной вершины; следуя традиции, мы называем адъективы глагольного происхождения причастиями. Адвербиалы, или отглагольные наречия, или деепричастия, выполняют роль разнообразных адьюнктов в глагольной группе или клаузе. Субстантивы занимают позицию вершины именной группы и в её составе заполняют синтаксические позиции, характерные для имен, — позиции актантов глагола, аргументов послелогов и т. д. Субстантивам присущи яркие морфологические особенности — склонение («изменение по падежам») и именное согласование.

В Таблице 1 собраны те формы, которые могут функционировать как финитная вершина предикации. Их названия в финитном обличье приводятся во второй колонке в соответствии с номенклатурой [Татевосов и др. 2017]. Третья и следующие колонки содержат информацию о том, доступны ли эти формы в отглагольных конфигурациях. Если нет, в соответствующей клетке стоит прочерк, в противном случае приводится название формы.

В таблице представлены ядерные формы глагольной парадигмы. Тем не менее, лишь одна из них, Претерит, — глагольная форма в строгом смысле: она допускается только в качестве финитной вершины независимой предикации. (ба—d) иллюстрируют четыре возможности, из которых доступна одна:

(6) а. Глагольная конфигурация	б. Адъективная конфигурация
<i>Малай кил-де.</i>	<i>*кил-де малай</i>
мальчик приходить-PST	приходить-PST мальчик
'Мальчик пришел'.	'пришедший мальчик'

³ Мы полностью согласны с комментарием рецензента «Урало-алтайских исследований», в котором отмечается, что потенциал образования аналитических форм, характерный для татарского языка, «противопоставляет его классическим флективным языкам, материал которых служил основой для формирования теоретического инструментария современной морфологии; многие свойства таких языков с трудом описываются традиционным аппаратом (или даже полностью игнорируются)». Мы признательны рецензенту, указавшему нам на типологические работы [Schwegler 1990; Павлов 1998; Сумбатова 2004], в которых сходная проблема обсуждается на другом языковом материале.

Таблица 1

Синтаксическая дистрибуция основных глагольных форм (глагол *бару* 'идти')

Форма	Глагольное употребление	Адъективное употребление	Адвербиальное употребление	Субстантивное употребление
<i>бар-ды</i> идти-PST	Претерит	—	—	—
<i>бар-а</i> идти-IPFV	Презенс	—	Имперфективное деепричастие	—
<i>бар-ган</i> идти-PFCT	Перфект	Перфективное причастие	—	Номинализация на <i>-ган</i>
<i>бар-ыр</i> идти-POТ	Футурум 1	Футуральное причастие 1	—	Номинализация на <i>-р</i>
<i>бар-ачак</i> идти-FUT	Футурум 2	Футуральное причастие 2	—	Номинализация на <i>-ачак</i>

с. Адвербиальная конфигурация
**Малай кил-де аша-ды.*
мальчик приходит-РСТ есть-РСТ
'Мальчик, придя, поел'.

d. Субстантивная конфигурация
**малай-ның кил-де-се*
мальчик-GEN приходит-РСТ-3
'приход мальчика'

Презенс, в отличие от Претерита, может функционировать в качестве имперфективного деепричастия, однако в этом случае предпочтительна редуцированная форма. Ни адъективная, ни субстантивная его реализации невозможны.

(7) а. Глагольная конфигурация
Малай эшл-и.
мальчик работать-IPFV
'Мальчик работает.'

b. Адъективная конфигурация
**эшл-и малай*
работать-IPFV мальчик
'работающий мальчик'

с. Адвербиальная конфигурация
Малай эшл-и-эшл-и радио тыңл-ый.
мальчик работать-IPFV_{RED} радио слушать-IPFV
'Мальчик, работая, слушает радио'.

d. Субстантивная конфигурация
**малай-ның эшл-и-се*
мальчик-GEN работать-IPFV-3
'работа мальчика'

Оставшиеся три формы из Таблицы 1 имеют схожие синтаксические свойства: кроме финитных употреблений, они функционируют как причастия и как отглагольные имена. Единственная недоступная им функция — деепричастная. Соответствующие синтаксические парадигмы иллюстрируются в (8)-(10):

(8) а. Глагольная конфигурация
Малай кил-гән.
мальчик приходит-PFCT
'Мальчик пришел'.

b. Адъективная конфигурация
кил-гән малай
приходит-PFCT мальчик
'пришедший мальчик'

с. Адвербиальная конфигурация
**Малай кил-гән аша-ды.*
мальчик приходит-PFCT есть-PST
'Мальчик, придя, поел'.

d. Субстантивная конфигурация
малай-ның кил-гән-е
мальчик-GEN приходит-PFCT-3
'приход мальчика'

(9) а. Глагольная конфигурация
Малай кил-әчәк.
мальчик приходит-FUT
'Мальчик придет'.

b. Адъективная конфигурация
кил-әчәк малай
приходит-FUT мальчик
'мальчик, который придет'

с. Адвербиальная конфигурация
**Малай кил-әчәк аша-ячәк.*
мальчик приходит-FUT есть-FUT
'Мальчик, когда придет, поест'.

d. Субстантивная конфигурация
малай-ның кил-әчәг-е
мальчик-GEN приходит-FUT-3
'предстоящий приход мальчика'

<p>(10) а. Глагольная конфигурация
 <i>Малай кил-ер.</i>
 мальчик приходит-РОТ
 ‘Мальчик придет’.</p> <p>с. Адвербиальная конфигурация
 <i>*Малай кил-е-р аша-р.</i>
 мальчик приходит-РОТ есть-РОТ
 ‘Мальчик, когда придет, поест’.</p> | <p>б. Адъективная конфигурация
 <i>кил-ер малай</i>
 приходит-РОТ мальчик
 ‘мальчик, который придет’</p> <p>д. Субстантивная конфигурация
 <i>?малай-ның кил-ер-е.</i>
 мальчик-GEN приходит-РОТ-3
 ‘предстоящий приход мальчика’</p> |
|--|---|

Следует отметить, что номинализация на *-р* в (10d) имеет, по-видимому, более ограниченную дистрибуцию, чем другие номинализации.

Из синтетических форм, которые представлены в Таблице 1, в образовании аналитических форм могут участвовать все, кроме Претерита. Это показывает, что даже если форма вступает в деривацию, не принадлежа никакому синтаксическому классу, к тому моменту, когда система образует аналитическую форму, минимальная информация о классе уже приобретается. Чтобы соединиться со вспомогательным глаголом, форма должна быть помечена как неглагольная. В противном случае невозможно объяснить, почему аналитические формы нельзя образовать, присоединив вспомогательный глагол к Претериту. В более традиционных терминах: в случае с формами на *-а*, *-ган*, *-р*, *-ачак* мы имеем дело не с недоспецифицированностью, а с синтаксической омонимией. Есть финитная форма Перфекта и омонимичная ей форма перфективного причастия, от которой и образуется аналитическая форма; аналогично для других форм.

Те формы в Таблице 1, которые допускают адъективную дистрибуцию, допускают и именную. Сталкиваемся ли мы с омонимией и в этой части системы? Образуются ли аналитические формы от причастной ипостаси одной и той же формы или от номинализации? Полный ответ на этот вопрос предполагает исследование всех синтаксических отношений между «субстантивами» и «адъективами», структуры именных групп разных типов, процессов субстантивации, адъективизации, и многого другого. Поэтому здесь мы ограничимся кратким ответом, содержащим условную клаузу. Если окажется, что система различает причастия на *-ган*, *-р*, и *-ачак* и номинализации на *-ган*, *-р* и *-ачак* к моменту образования аналитической формы, то в этом процессе участвует причастие, а не номинализация.

Можно привести несколько аргументов, подкрепляющих этот вывод. Ограничимся одним. Номинализации всегда допускают маркирование генитивом внешнего аргумента предиката (см. [Васильева 2017] о номинализации в мишарском диалекте), который контролирует согласование на вершине номинализации. (11) иллюстрирует номинализацию в позиции прямого дополнения:

- (11) *Мин синең машина ал-ган-ың бел-де-м.*
 я ты.GEN машина брать-PFCT-2SG знать-PST-1SG
 ‘Я узнал, что ты купил машину’.

Если бы аналитическая форма содержала в себе номинализацию, финитная клауза скорее всего допускала бы оформление подлежащего генитивом, а на лексическом глаголе был бы возможен показатель личного согласования. Ничего подобного, однако, не происходит:

- (12) а. **Синең машина ал-ган и-де.*
 ты.GEN машина брать-PFCT AUX1-PST
 ‘Ты купил машину (, а потом продал)’.
- б. **Синең машина ал-ган-ың и-де.*
 ты.GEN машина брать-PFCT-2SG AUX1-PST
 ‘Ты купил машину (, а потом продал)’.

Можно заключить, таким образом, что аналитические формы не содержат в себе номинализованную составляющую.

3. Аналитические формы первого уровня

Каждая из перечисленных в предыдущем разделе форм, имеющих причастные или деепричастные употребления, способна участвовать в образовании аналитических форм. Это имперфективное деепричастие, перфективное причастие и два футуральных причастия.

Чтобы получить аналитическую форму первого уровня, одну из таких форм смыслового глагола следует соединить с любой синтетической финитной формой вспомогательного глагола. В татарском языке

два базовых вспомогательных глагола — *и-* ‘быть’ и *булу* ‘быть’. Первый имеет нестандартную парадигму, в которой представлен ограниченный набор форм, и часть из них образуется не по регулярным правилам. Парадигма дана в Таблице 2. Второй, *булу* ‘быть’, — глагол с регулярной словоизменительной парадигмой.

Таблица 2

Парадигма глагола <i>и-</i> ‘быть’				
Название	Претерит	Перфект	Перфект 2	Кондиционалис
Форма	<i>и-де</i> быть-PST	<i>и-кэн</i> быть-PFCT	<i>и-меш</i> быть-MEŞ	<i>и-сэ</i> быть-COND

Отметим, что *и-* ‘быть’ — единственный глагол, который присоединяет морфему *-меш*, показатель перфекта, широко представленный в огузской ветви тюркской семьи (турецкий, азербайджанский, гагаузский). Языки кыпчакской ветви (башкирский, казахский, ногайский и др.) используют как показатель Перфекта форму на *-ган*. Многие исследователи рассматривают *-меш* как диахронически первичный показатель, который был утрачен кыпчакскими языками, но сохранился в огузских. Если это так, то *имеш* в татарском — грамматический реликт, отражающий предыдущую стадию эволюции системы.

Отметим также нерегулярную форму перфекта на *-ган* от глагола *и-* ‘быть’: вместо ожидаемой звонкой реализации первого согласного морфемы (**игэн*) наблюдается глухая. Финитные аналитические формы первого уровня, образованные от глагола *бару* ‘идти’ с помощью вспомогательного глагола *и-* ‘быть’, показаны в Таблице 3:

Таблица 3

Финитные аналитические формы первого уровня со вспомогательным глаголом *и-* ‘быть’
(смысловый глагол *бару* ‘идти’)

Форма смыслового глагола	Форма вспомогательного глагола		
	Претерит <i>и-де</i> AUX1-PST	Перфект <i>и-кэн</i> AUX1-PFCT	Перфект 2 <i>и-меш</i> AUX1-MES
Имперфективное деепричастие <i>бар-а</i> идти-IPFV	Имперфект <i>бар-а и-де</i>	Адмиратив в настоящем <i>бар-а и-кэн</i>	<i>бар-а и-меш</i>
Перфективное причастие <i>бар-ган</i> идти-PFCT	Плюсквамперфект <i>бар-ган и-де</i>	Адмиратив в прошедшем <i>бар-ган и-кэн</i>	<i>бар-ган и-меш</i>
Футуральное причастие 1 <i>бар-ыр</i> идти-ROT	Будущее в прошедшем <i>бар-ыр и-де</i>	Адмиратив 1 в будущем <i>бар-ыр и-кэн</i>	<i>бар-ыр и-меш</i>
Футуральное причастие 2 <i>бар-ачак</i> идти-FUT	<i>бар-ачак и-де</i>	<i>бар-ачак и-кэн</i>	<i>бар-ачак и-меш</i>

Формы, которые входят в ядро системы глагольных категорий, снабжены в Таблице 3 категориальными ярлыками (Имперфект, Адмиратив в будущем и т. д.). Критерием, позволяющим отнести форму к ядру, выступает частотность. Таблица 4 содержит соответствующие данные для каждой из форм из Таблицы 3 по «Письменному корпусу татарского языка» (ср. исследование корпусной дистрибуции некоторых грамматических категорий в [Galieva et al. 2015]).

Исходя из данных Таблицы 4, мы относим к ядерным формам те, которые представлены в корпусе в количестве более 5000 токенов. Это ожидаемо Имперфект и Плюсквамперфект, которые играют ключе-

Таблица 4

Частотность аналитических форм первого уровня со вспомогательным глаголом *и-* ‘быть’

Имперфект (-а иде) ≈ 70000	Адмиратив в настоящем (-а и-кэн) ≈ 61000	(-а имеш) > 250
Плюсквамперфект (-ган и-де) ≈ 83000	Адмиратив в прошедшем (-ган и-кэн) ≈ 18000	(-ган и-меш) > 200
Будущее в прошедшем (-р и-де) ≈ 44000	Адмиратив в будущем (-р и-кэн) > 6500	(-ыр и-меш) > 20
(-ачак и-де) > 770	(-ачак и-кэн) > 3000	(-ачак и-меш) > 40

вую роль в видо-временной системе. Это формы адмиративной серии, в образовании которых участвует Перфект вспомогательного глагола *и-кэн*, привносящий в содержание предикации элемент неполной ассимилированности информации о пропозиции в фоновой контекстной базе (common ground), см. [Татевосов 2017б]. Этот элемент значения содержат все формы адмиративной серии, различающиеся лишь временной референцией. Адмиративная форма, образованная от футурального причастия 2 (на *-ачак*), хотя в целом оказывается значительно более частотной, чем другие формы от этого же причастия, вряд ли может рассматриваться как ядерная, даже при том, что установление порога в 5000 токенов — решение в большой степени волюнтаристское.

К ядерным формам относится также Будущее в прошедшем, которое грамматикализовано как основное средство выражения контрфактивности.

Все прочие формы, по-видимому, можно считать периферийными. Это группа форм, образованных с помощью вспомогательного глагола *имеш*, которые в [Татевосов 2017б] обозначены как репортативная серия. Они вносят в содержание сообщения информацию о том, что информация о пропозиции получена из неперсонифицированного внешнего источника (‘говорят’). Это и формы, образованные от футурального причастия 2, хотя, как мы уже сказали, форма с адмиративным вспомогательным глаголом *икэн* выбивается из ряда.

Следует подчеркнуть, что мы не придаем разбиению аналитических глагольных форм на ядерные и неядерные какого-либо теоретического статуса — в том смысле, что это разбиение не помогает нам объяснить какие-либо факты татарского языка. Для понимания общей логики системы оно, однако, очень удобно и наглядно.

Если вместо *и-* ‘быть’ в качестве вспомогательного использовать глагол *булу* ‘быть’, образуется другая серия финитных аналитических форм первого уровня. В них представлены все финитные формы глагола *булу* ‘быть’, то есть Претерит, Презенс, Перфект, Футурум 1 и Футурум 2 (см. также [ТГ1993: 128 et seq.]). Эта аналитическая подпарадигма показана в Таблице 5, а частотность форм из этой таблицы — в Таблице 6.

Формы из таблицы 5 отчетливо распадаются на три группы. Самая высокочастотная — группа, образованная от перфективного причастия смыслового глагола с помощью Претерита, Перфекта, Презенса и Футурума 1 вспомогательного глагола. Эти формы, явно недооцененные в грамматиках татарского языка, особенно *-ган булган* и *-ган була*, имеют все основания быть зачислены в ядро глагольной парадигмы; их семантика и дистрибуция заслуживает, безусловно более подробного изучения, чем те три страницы, которые можно найти в академической грамматике [ТГ 1993: 128—130]. Формы с наиболее ограниченной дистрибуцией (двадцать и менее токенов) образуются от футурального причастия 2; в таблице 5 они заключены в скобки. Все прочие занимают промежуточное положение и выражают, очевидно, периферийные видо-временные и модальные значения.

Утвердительным аналитическим формам, которые показаны в таблицах 3—5, соответствуют отрицательные, причем вспомогательные глаголы создают разные диапазоны возможностей.

Вспомогательный глагол *и-* не способен присоединять показатель отрицания *-ма-* (**имэ-*), поэтому отрицательные аналоги аналитических форм, образованных с его участием, допускают единственную возможность: отрицание размещается на смысловом глаголе. Несколько примеров показано в (13).

Таблица 5

Финитные аналитические формы первого уровня
со вспомогательным глаголом *булу* 'быть' (смысловый глагол *бару* 'идти')

Форма смыслового глагола	Форма вспомогательного глагола				
	Претерит <i>бул-ды</i> AUX2-PST	Перфект <i>бул-ган</i> AUX2-PFCT	Презенс <i>бул-а</i> AUX2-IPFV	Футурум 1 <i>бул-ыр</i> AUX2-ROT	Футурум 2 <i>бул-ачак</i> AUX2-FUT
Имперфективное деепричастие <i>бар-а</i> идти-IPFV	<i>бар-а</i> <i>бул-ды</i>	<i>бар-а</i> <i>бул-ган</i>	<i>бар-а</i> <i>бул-а</i>	<i>бар-а</i> <i>бул-ыр</i>	<i>бар-а</i> <i>бул-ачак</i>
Перфективное причастие <i>бар-ган</i> идти-PFCT	<i>бар-ган</i> <i>бул-ды</i>	<i>бар-ган</i> <i>бул-ган</i>	<i>бар-ган</i> <i>бул-а</i>	<i>бар-ган</i> <i>бул-ыр</i>	<i>бар-ган</i> <i>бул-ачак</i>
Футуральное причастие 1 <i>бар-ыр</i> идти-ROT	<i>бар-ыр</i> <i>бул-ды</i>	<i>бар-ыр</i> <i>бул-ган</i>	<i>бар-ыр</i> <i>бул-а</i>	<i>бар-ыр</i> <i>бул-ыр</i>	<i>бар-ыр</i> <i>бул-ачак</i>
Футуральное причастие 2 <i>бар-ачак</i> идти-FUT	<i>(бар-ачак</i> <i>бул-ды)</i>	<i>(бар-ачак</i> <i>бул-ган)</i>	<i>(бар-ачак</i> <i>бул-а)</i>	<i>(бар-ачак</i> <i>бул-ыр)</i>	<i>(бар-ачак</i> <i>бул-ачак)</i>

Таблица 6

Частотность финитных аналитических форм первого уровня
со вспомогательным глаголом *булу* 'быть'

Форма смыслового глагола	Форма вспомогательного глагола				
	Претерит <i>бул-ды</i> AUX2-PST	Перфект <i>бул-ган</i> AUX2-PFCT	Презенс <i>бул-а</i> AUX2-IPFV	Футурум 1 <i>бул-ыр</i> AUX2-ROT	Футурум 2 <i>бул-ачак</i> AUX2-FUT
Имперфективное деепричастие <i>бар-а</i> идти-IPFV	<i>-а бул-ды</i> > 250	<i>-а бул-ган</i> > 500	<i>-а бул-а</i> > 300	<i>-а бул-ыр</i> > 400	<i>-а бул-ачак</i> > 200
Перфективное причастие <i>бар-ган</i> идти-PFCT	<i>-ган бул-ды</i> > 1200	<i>-ган бул-ган</i> ≈ 14000	<i>-ган бул-а</i> ≈ 10000	<i>-ган бул-ыр</i> > 4300	<i>-ган бул-ачак</i> > 300
Футуральное причастие 1 <i>бар-ыр</i> идти-ROT	<i>-ыр бул-ды</i> > 750	<i>-ыр бул-ган</i> > 300	<i>-ыр бул-а</i> > 450	<i>-ыр бул-ыр</i> > 70	<i>-ыр бул-ачак</i> > 100
Футуральное причастие 2 <i>бар-ачак</i> идти-FUT	<i>(-ачак бул-ды)</i> < 20	<i>(-ачак бул-ган)</i> < 20	<i>(-ачак бул-а)</i> < 10	<i>(-ачак бул-ыр)</i> < 10	<i>(-ачак бул-ачак)</i> < 20

(13) Имперфект
<i>бар-а и-де</i>
Адмиратив в прошедшем
<i>бар-ган и-кән</i>
Будущее в прошедшем
<i>бар-ыр и-де</i> | Отрицательный имперфект
<i>бар-м-ый и-де</i>
Отрицательный адмиратив в прошедшем
<i>бар-ма-ган и-кән</i>
Отрицательное будущее в прошедшем
<i>бар-ма-с и-де</i> |
|---|--|

Вспомогательный глагол *булу*, будучи регулярным, образует и утвердительные и отрицательные формы. Поэтому каждой утвердительной аналитической форме с *булу* соответствуют две отрицательные — с отрицанием на смысловом и на вспомогательном глаголе. Эти возможности иллюстрируются в (14). Два корпусных примера показаны в (15)—(16):

(14) Утвердительная форма
<i>бар-ган бул-ган</i> | Отрицание на смысловом глаголе
<i>бар-ма-ган бул-ган</i> | Отрицание на вспомогательном глаголе
<i>бар-ган бул-ма-ган</i> |
|---|---|---|
- (15) *Кызганыч-ка каршы, зират-лар-ыбыз гел жьештыр-ыл-ган*
жалы-DAT против кладбище-PL-1PL всегда **прибирать-PASS-PFCT**
бул-м-ый шул. (“Дуслык” газетасы)
AUX2-NEG-IPFV PTCL
‘К сожалению, наши кладбища **не** всегда **прибраны**’.
- (16) *Әмма йокы-дан тор-у-га йөгер-ү зыянлы,*
но сон-AVL вставать-NMN-DAT бегать-NMN вредный
чөнки йөрәк йокы-дан уян-ма-ган бул-а. (“Безнең гәжит” газетасы)
потому.что сердце сон-AVL **просыпаться-NEG-PFCT** AUX2-IPFV
‘Бегать сразу после сна вредно, потому что сердце еще **не проснулось**’.

Таким образом, общая парадигма финитных индикативных аналитических форм первого уровня складывается из 12 форм со вспомогательным глаголом *и-* ‘быть’ (Таблица 3), 20 форм с глаголом *булу* (Таблица 5), а также их отрицательных аналогов. Это составляет $12 \times 2 + 20 \times 3 = 84$ формы. С учетом лично-числового словоизменения это число надо умножить на 6, что составляет 504 формы.

4. Аналитические формы второго уровня

В татарском языке есть и **аналитические формы второго уровня**. Они образуются на основе тех же четырех нефинитных форм смыслового глагола, которые мы видим в Таблицах 3—6, и любой аналитической формы вспомогательного глагола *булу* ‘быть’.

Некоторые из них показаны в таблице 6. Основное деление в этом случае производится на те формы, которые засвидетельствованы в корпусе и те, которые не засвидетельствованы. Последние показаны зачеркиванием. Частотность засвидетельствованных форм ожидаемо крайне низка: счет в этом случае идет на единицы скорее, чем на десятки.

Можно заметить, что формы второго уровня, в образовании которых участвуют ядерные аналитические формы вспомогательного глагола (такие, как Имперфект и Плюсquamперфект из Таблицы 3), в основном засвидетельствованы, а формы, где вспомогательный глагол задействован в одном из вариантов, перечисленных в Таблице 5, в основном нет. Граница возможного, очевидно, проходит где-то посередине, однако установить её с желаемой точностью по имеющемуся материалу затруднительно. (Подчеркнем, что, как и раньше, речь не о формах глагола *бару*, представленного в таблице в качестве примера, а о формах любого смыслового глагола).

Несколько корпусных примеров аналитических форм второго уровня показаны в (17)—(19).

- (17) *Ул да ял-лар-да гәмбә жьы-ерга уйла-ган бул-ган и-кән.* (“Өмет” газетасы)
он EMPH выходной-PL-LOC гриб собирать-INF думать-PFCT AUX2-PFCT AUX1-PFCT
‘Он, **видимо**, тоже **думал** о том, чтобы сходить за грибами в выходные.’
- (18) *Шулай бул-ма-са, аны Гасимә күптән оныт-тыр-ган*
так быть-NEG-COND он.ACC Г. давно **забывать-CAUS-PFCT**
бул-ыр и-де. (Нуруллин В. Әгәр син булмасаң)
AUX2-ROT AUX1-PST
‘Если бы так не было, то Гасима давно **заставила бы забыть** об этом.’

- (19) *Көн-е буе ике газета ара-сы-нда чаб-ып, ук-ый-ук-ый*
 день-3 в.течение два газета между-3-LOC бегать-CONV читать_{RED}-IPFV
колак-лар чыңл-ый, күз-ләр күр-мәс бул-а и-де. (“Алга” газетасы)
 ухо-PL звенеть-IPFV глаз-PL видеть-NEG.POT AUX2-IPFV AUX1-PST
 ‘(Он) целый день бегал между двумя газетами, читал, в ушах звенело, глаза **начинали слепнуть**’.

Общее число потенциально возможных финитных аналитических форм второго уровня подсчитывается следующим образом. Как уже было отмечено, *булу* ‘быть’ — глагол с регулярной парадигмой, и от него образуются все аналитические формы, перечисленные в Таблицах 3 и 5. Общее количество его утвердительных финитных аналитических форм (без учета лично-числового словоизменения) составляет 32. Умножая это число на четыре формы смыслового глагола, получаем 128 утвердительных форм.

При подсчете отрицательных форм следует принять во внимание следующее соображение. У аналитических форм второго уровня, образованных с использованием форм вспомогательного глагола первого уровня из Таблицы 3 (со вспомогательным глаголом *иде*), есть два отрицательных аналога. Эта возможность иллюстрируется в (20a—c):

- (20) a. Утвердительная форма
бар-а бул-ган и-де
 b. Отрицание на смысловом глаголе
бар-м-ый бул-ган и-де
 c. Отрицание на первом элементе вспомогательного глагола
бар-а бул-ма-ган и-де

Таких форм имеется $4 \times 12 \times 2 = 96$: четыре формы смыслового глагола, двенадцать форм вспомогательного, два варианта расположения отрицания.

Если вспомогательный глагол принимает одну из форм из Таблицы 5, для размещения отрицания доступны три позиции:

- (21) a. Утвердительная форма
бар-а бул-ган бул-а
 b. Отрицание на смысловом глаголе
бар-м-ый бул-ган бул-а
 c. Отрицание на первом элементе вспомогательного глагола
бар-а бул-ма-ган бул-а
 d. Отрицание на втором элементе вспомогательного глагола
бар-а бул-ган бул-м-ый

Таких отрицательных форм насчитывается $4 \times 20 \times 3 = 240$ (четыре формы смыслового глагола, 20 форм вспомогательного, три позиции для отрицания)⁴. Общее количество финитных индикативных аналитических форм второго уровня без учета лично-числового согласования, таким образом, составляет $128 + 96 + 240 = 464$ формы, а с учетом — $464 \times 6 = 2784$ форм. Разумеется, на них в полной мере распространяется замечание А. Е. Кибрика об аналитической парадигме арчинского глагола: большинство этих форм — редко реализуемая возможность, которую татарский язык предоставляет своим носителям.

5. Конструкции со вспомогательными глаголами

Важный элемент татарской глагольной системы, который она разделяет с огромным множеством других тюркских языков, — сериализованные предикаты, или конструкции со вспомогательными глаголами (КВГ) в терминологии [Гращенков 2015] и ряда других работ.

Как и аналитические глагольные формы, КВГ состоят из двух компонентов — смыслового и вспомогательного глагола, или глагола-сериализатора. КВГ с сериализатором *чыгу* ‘выходить’ иллюстрируется в (22).

⁴ Мы оставляем открытым вопрос о двойном (и тем более тройном) отрицании в татарском языке, при котором отрицательный показатель встречается в аналитической форме дважды, как в гипотетических формах типа *бар-м-ый бул-ма-ган бул-а*, *бар-м-ый бул-ган бул-м-ый*, *бар-а бул-ма-ган бул-м-ый* и т. п. По нашим предварительным данным, образования такого типа невозможны или по крайней мере серьезно затруднены. Нам, однако, неизвестны работы по татарскому глагольному словоизменению, содержащие эмпирический материал, достаточный для вынесения окончательного суждения. Если выяснится, что аналитические формы с двойным отрицанием хотя бы ограниченно реальны, объем аналитической парадигмы еще более увеличится. Мы признательны А. В. Дыбо за обсуждение этого вопроса.

Таблица 7

Аналитические формы второго уровня (глагол *бару* 'идти')

Форма смыслового глагола	Форма вспомогательного глагола					
	Импер- фект <i>була иде</i>	Плюс- квям- перфект <i>булган иде</i>	Будущее в про- шедшем ... <i>булыр иде</i>	Адмиратив в про- шедшем ... <i>булган икэн</i>	Адмиратив в про- шедшем ... <i>булган икэн</i>	Адмиратив в про- шедшем ... <i>булган икэн</i>
Имперфективное деепричастие <i>бара</i>	<i>бара</i> була иде	<i>бара</i> булган иде	<i>бара</i> булыр иде	<i>бара</i> булган икэн	<i>бара</i> булган икэн	<i>бара</i> булган икэн
Перфективное причастие <i>барган</i>	<i>барган</i> була иде	<i>барган</i> булган иде	<i>барган</i> булыр иде	<i>барган</i> булган икэн	<i>барган</i> булган икэн	<i>барган</i> булган икэн
Футуральное причастие 1 <i>барыр</i>	<i>барыр</i> була иде	<i>барыр</i> булган иде	<i>барыр</i> булыр иде	<i>барыр</i> булган икэн	<i>барыр</i> булган икэн	<i>барыр</i> булган икэн
Футуральное причастие 2 <i>барачак</i>	<i>барачак</i> була иде	<i>барачак</i> булган иде	<i>барачак</i> булыр иде	<i>барачак</i> булган икэн	<i>барачак</i> булган икэн	<i>барачак</i> булган икэн

Примечание. Зачеркиванием помечены формы, не встреченные в корпусе ни с одним смысловым глаголом.

- (22) *Октябрь-нең уналты-сы-нда Хамэт кер-еп, яңа мәктәп-не*
 октябрь-GEN шестнадцать-3-LOC X. заходить-CONV новый школа-ACC
кара-п чык-ты. (Нурания Көбәш. Мутантлар)
смотреть-CONV выходить-PST
 ‘В октябре шестнадцатого Хамат заехал и **осмотрел** новую школу’.

Важнейшая морфологическая особенность конструкций такого типа состоит в том, что смысловой глагол в них допускается ровно в двух нефинитных формах — деепричастия на *-п*, как в (22), и имперфективного деепричастия.

В (23а—б) представлена минимальная пара, содержащая один и тот же глагол-сериализатор *алу* ‘брать’ и один и тот же смысловой глагол *уку* ‘читать’, который в одном случае образует деепричастие на *-п*, а в другом — имперфективное деепричастие (морфологически идентичное форме Презенса).

- (23) а. *Ул без-гә кыскача гына агач утырт-у тәртиб-е буенча*
 он мы-DAT короткий FOC дерево сажать-NMN порядок-3 вдоль
лекция ук-ып ал-ды. (“Дуслык” газетасы)
 лекция **читать-CONV брать-PST**
 ‘Он коротко **прочитал** нам лекцию о порядке посадки деревьев’.
- б. *Ач-ыл-ган көн-не ук мәчет-тә телә-гән кеше намаз*
 открывать-PASS-PFCT день-ACC PTCL мечеть-LOC хотеть-PFCT человек намаз
ук-ый ал-ды (“Якты юл” газетасы)
читать-IPFV брать-PST
 ‘Прямо в день открытия каждый желающий **мог совершить** намаз в мечети’.

Список основных глаголов-сериализаторов, участвующих в образовании КВГ, представлен в (24):

- (24) *алу* ‘брать’, *тору* ‘стоять’, *башлау* ‘начинать’, *китү* ‘уходить’, *килү* ‘приходить’, *калу* ‘оставаться’, *чыгу* ‘выходить’, *йөрү* ‘ходить’, *карау* ‘смотреть’, *утыру* ‘сидеть’, *бирү* ‘давать’, *яту* ‘лежать’, *бетү* ‘кончатся’, *бетерү* ‘заканчивать, кончать’, *салу* ‘класть’, *кую* ‘ставить’

При образовании КВГ происходят разнообразные операции с акциональными, аспектуальными и аргументными свойствами исходной глагольной основы, причем с этой точки зрения КВГ не образуют естественный класс: каждая имеет собственный семантико-синтаксический профиль (см. [Гращенков 2015] и цитируемую там литературу). Именно поэтому КВГ отличаются от аналитических глагольных форм значительным количеством лексических ограничений. По-видимому, ни один лексический глагол не имеет полной парадигмы КВГ — группы форм, где два деепричастия комбинируются со всеми возможными вспомогательными глаголами. В этом состоит принципиальное отличие КВГ от аналитических форм с глаголами *и-* и *булу* ‘быть’.

В большинстве КВГ форма глагола-сериализатора не фиксирована: он имеет полный набор синтетических и аналитических форм. Таким образом, парадигма КВГ потенциально достигает очень внушительного объема; часть её показана в Таблице 8, для одной из самых продуктивных КВГ с глаголом-сериализатором *тору* ‘стоять’.

В описаниях татарского языка одной из клеток этой парадигмы (выделена подчеркиванием) отводится особый статус: это форма, образуемая имперфективным деепричастием смыслового глагола (например, *бара*) и Плюсквамперфектом глагола *тору* ‘стоять’ — *торган иде*. В [ТГ 1993] и многих других описаниях, вплоть до школьных грамматик, она рассматривается как элемент ядерной аналитической парадигмы глагола и обозначается как Прошедшее многократное. Такой подход, по-видимому, обосновывается интуитивными представлениями о ней как о более семантически регулярной, более частотной и менее подверженной лексическим ограничениям, чем остальные элементы парадигмы КВГ, то есть в конечном итоге более грамматикализованной.

Если и дальше использовать частотность формы как критерий ее принадлежности к ядру видо-временной и модальной системы, это решение начинает выглядеть уязвимым. Благодаря корпусу, выясняется, что форма «прошедшего многократного» значительно (на порядок) проигрывает в частотности аналитическим формам, которые относятся к ядру глагольной парадигмы, таким как, например, Имперфект и Плюсквамперфект. Её обгоняют в несколько раз формы от перфективного причастия на *-ган* со вспомогательным глаголом *булу* ‘быть’ типа *барган булган* или *барган була*, которые традиционно не относятся к ядру парадигмы, а также в целом не слишком частотный Адмиратив в будущем. С другой стороны, имеются другие формы из парадигмы КВГ с глаголом *тору* ‘стоять’, которые не слишком отличаются от «прошедшего многократного» по частотности, но которые тем не менее не получили в описаниях статуса одной из основных аналитических форм. Эти данные показаны в Таблице 9.

Таблица 8

Частичная парадигма КВГ
(смысловый глагол *бару* 'идти'; вспомогательный глагол *тору* 'стоять')

Вспомогательный глагол \ Смысловый глагол	Деепричастие на -n <i>барын</i>	Имперфективное деепричастие <i>бара</i>
Претерит <i>торды</i>	<i>барын торды</i>	<i>бара торды</i>
Перфект <i>торган</i>	<i>барын торган</i>	<i>бара торган</i>
Презенс <i>тора</i>	<i>барын тора</i>	<i>бара тора</i>
Футурум 1 <i>торыр</i>	<i>барын торыр</i>	<i>бара торыр</i>
Футурум 2 <i>торачак</i>	<i>барын торачак</i>	<i>бара торачак</i>
Имперфект <i>тора иде</i>	<i>барын тора иде</i>	<i>бара тора иде</i>
Плюсквамперфект <i>торган иде</i>	<i>барын торган иде</i>	<u><i>бара торган иде</i></u>
Будущее в прошедшем <i>торыр иде</i>	<i>барын торыр иде</i>	<i>бара торыр иде</i>
...
Адмиратив в прошедшем <i>торган икән</i>	<i>барын торган икән</i>	<i>бара торган икән</i>
...		
<i>торган булыр</i>	<i>барын торган булыр</i>	<i>бара торган булыр</i>
<i>торыр булды</i>	<i>барын торыр булды</i>	(<i>бара торыр булды</i>)
<i>торган булыр иде</i>	<i>барын торган булыр иде</i>	(<i>бара торган булыр иде</i>)
...

Таблица 9

Некоторые аналитические формы и КВГ по данным корпуса

Форма	Количество токенов	Пример
Плюсквамперфект	≈ 83 000	<i>барган иде</i>
Имперфект	≈ 70 000	<i>бара иде</i>
Будущее в прошедшем	≈ 41 000	<i>барыр иде</i>
Перфективное причастие смыслового глагола + Перфект вспомогательного глагола <i>булган</i>	≈ 14000	<i>барган булган</i>
Перфективное причастие смыслового глагола + Презенс вспомогательного глагола <i>була</i>	≈ 10000	<i>барган була</i>
Адмиратив в будущем	> 6500	<i>барыр икән</i>
«Прошедшее многократное»	> 3100	<i>бара торган иде</i>
Имперфективное деепричастие смыслового глагола + Презенс от <i>тору</i> 'стоять'	> 2600	<i>бара тора</i>
Деепричастие на -n смыслового глагола + Имперфект от <i>тору</i> 'стоять'	> 2400	<i>барын тора иде</i>

Как представляется, материал Таблицы 9 дает серьезный аргумент в пользу того, чтобы исключить «прошедшее многократное» из списка ядерных аналитических форм, к которым оно не относится ни по своей структуре, ни по степени встроенности в видо-временную систему⁵.

Предполагая, что глагол-сериализатор допускается в составе КВГ в любой синтетической и любой аналитической форме, подсчитать максимальный объем финитной индикативной парадигмы КВГ достаточно просто, если воспользоваться результатами раздела 4. 504 аналитические формы первого уровня, 2784 формы второго уровня и 30 синтетических форм дают максимальную парадигму сериализатора: 3318 форм. Каждая из них может комбинироваться с двумя формами смыслового глагола. В общей сложности это 6636 форм.

6. Прочие аналитические образования

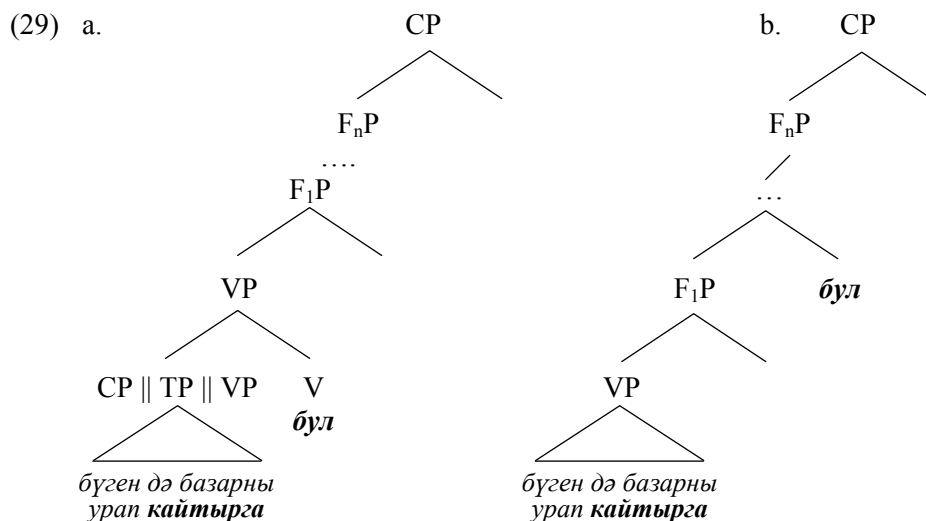
В татарском языке имеется значительное количество конструкций, в образовании которых принимают участие бытийные глаголы *и* ‘быть’ и *булу* ‘быть’ или связки, характерные для именных предикаций, такие как *бар* ‘есть’ или *юк* ‘нет’. Лексический глагол в таких конструкциях представлен в формах, которые мы называем инфинитивом, облигативом или дезидеративом. Мы не приводим здесь полных парадигм и в порядке иллюстрации ограничимся текстовыми примерами (25)—(28):

- (25) *Фатыйх абзый буген дә базар-ны ура-п*
 Ф. абзый сегодня ЕМРН базар-АСС **обматывать-CONV**
кайт-ырга бул-ды. (“Өмет” газетасы)
возвращаться-INF быть-PST
 ‘Фатих-абзый и сегодня **решил посмотреть** на рынок’.
- (26) *Китап эчен-нән якты бит-ләр-не тап-макчы и-де.* (Дилбәр Булатова. Жантөяк)
 книга внутри-ABL свет страница-PL-АСС **находить-DESID быть-PST**
 ‘(Он) **хотел найти** внутри книги светлые страницы’.
- (27) *Бина-ның торыш-ы турында әйт-еп тә*
 помещение-GEN состояние-3 о **говорить-CONV ЕМРН**
тор-асы юк. (“Безнең гәжит” газетасы)
стоять-OVG нет
 ‘О состоянии помещения и **говорить не надо**’.
- (28) *Күпме ис-кә ал-ган-ым бар: зур-рак бала-лар-ы үз*
 сколько **память-DAT брать-PFCT-1SG есть** старший-COMP ребенок-PL-3 свой
милләт-е-ннән бул-а. (“Өмет” газетасы)
 нация-3-ABL **быть-IPFV**
 ‘Сколько раз я **вспоминала**: старшие дети были своей национальности’.

Рассмотрим конструкции с инфинитивом вида (25). Априори нельзя исключить, что верный анализ таких конструкций должен рассматривать их как особую подгруппу аналитических форм, где роль бытийного глагола — выражение некоторого грамматического значения из модальной семантической области. Вспомогательный глагол занимает позицию в функциональной зоне этой клаузы, то есть выступает морфологической реализацией некоторой грамматической морфемы с модальным значением. В этом случае его грамматический статус не отличается принципиальным образом от статуса вспомогательных глаголов в обсуждавшихся выше аналитических формах.

⁵ А. В. Дыбо (личное сообщение) отмечает, что для придания надежности выводам о частотности КВГ следует удалить из выдачи разнообразный информационный шум, в частности, конструкции, где деепричастие возглавляет самостоятельную клаузу и не образует КВГ со вспомогательным глаголом. В том же смысле проблематичны идиоматизированные обстоятельственные конструкции. Полностью соглашаясь с А. В. Дыбо в этом вопросе, мы можем, однако, отметить, что если в выдаче действительно присутствует шум, он скорее всего более или менее равномерно распределен по конструкциям с разными формами вспомогательного глагола. (Точно так же в русском языке, например, у подавляющего большинства идиом вид и время глагола не входят в идиоматизированный компонент значения и выбираются по общим правилам: *вешал лапшу, повесил лапшу, вешает лапшу, будет вешать лапшу* и т. д.) Если это так, эмпирическая адекватность выводов об относительной частотности разных форм, опирающихся на данные в Таблице 2, практически не страдает.

Однако есть и другая возможность: бытийный глагол в действительности выступает как лексический и возглавляет собственную глагольную группу. Главная клауза, соответственно, — это его расширенная проекция. Инфинитивный оборот занимает позицию компонента *булу* ‘быть’ и представляет собой в большей или меньшей степени развернутую клаузу. (Точный размер этой клаузы может варьировать от VP до CP; установить его исходя из априорных соображений невозможно.) Если верен такой анализ, то перед нами не аналитические глагольные формы, а полипредикативные конструкции, где представлены по меньшей мере две глагольные группы — лексического и бытийного глагола. Эти возможности показаны в (29), которые иллюстрируют два варианта анализа предложения (25):

Сказанное об инфинитиве распространяется и на конструкцию с деизидеративом, образующимся с помощью сложного показателя *-мак-чы* в (26). Последний состоит из аффикса *-мак*, который не представлен в других частях глагольной системы (однако образует форму на *-мак*, «инфинитив 2», в некоторых диалектах), и показателя *-чы*, который создает еще ряд причастий и деепричастий, а также используется при адъективизации и адвербиализации неглагольных единиц. Статус вспомогательного глагола в таких конструкциях также нуждается в дополнительном прояснении; по имеющимся описаниям трудно принять окончательное решение о том, какой анализ следует предпочесть.

(27) с облигативом, вероятнее всего, представляет собой именную предикацию. В противном случае трудно объяснить присутствие в ней именной связки *юк* ‘нет’. Это же соображение распространяется и на (28), в котором представлена форма на *-ган* в комбинации со связкой *бар*.

Дополнительный аргумент в пользу такого решения — размещение лично-числовых показателей не на связке, а на нефинитной форме. В (28) это иллюстрируется для конструкции с формой на *-ган*, а в (30) — для конструкции с облигативом.

- (30) *Минем намаз-га кадәр хәзрәт-кә бар-асы-м бар.* (Кәрим Тинчурин. Казан сөлгесе)
 я.GEN намаз-DAT до хазрат-DAT идти-OBG-1SG есть
 ‘До намаза мне **нужно** **сходить** к хазрату’.

(28), более того, показывает, что перед нами именное согласование, а не глагольное. Если бы форма *алган* в (28) представляла собой глагол в форме Перфекта, она присоединяла бы глагольный показатель полной серии *-мын*. Более того, в качестве Перфекта форма на *-ган* должна была бы выражать значение косвенной засвидетельствованности, которое отсутствует в тех случаях, когда она используется нефинитно. Учитывая, что формы 1-го лица проявляют серьезные семантические ограничения на сочетание с косвенной засвидетельствованностью и что в (28) их не наблюдается, мы получаем дополнительное свидетельство того, что (27) и (28) — это именные выражения. Наконец, в (30) субъект предикации представлен в генитиве, что характерно для номинализаций, но невозможно для финитных предикаций. Все это делает анализ предложений типа (27)—(28) как содержащих аналитическую глагольную форму вида *торасы юк* или *алган бар* маловероятным. Более правдоподобной представляется конфигурация вида (31), которая представляет собой бытийную предикацию, состоящую из номинализации и связки:

- (31) [_{DP} Минем [_{NP} [_{VP} намазга кадәр хәзрәткә бар]-асы]-м] бар

Облигатив, однако, представлен и в конструкции другого рода: в (32) согласовательный показатель располагается на глаголе *и-* ‘быть’:

- (32) *Икенче көн-не ук-ырга бар-асы и-де-м.* (“Алабуга нуры” газетасы)
 второй день-ACC читать-INF идти-ОВГ быть-PST-1SG
 ‘На следующий день мне **надо было идти** учиться’.

Конструкция в (32) создает те же две аналитические возможности, которые показаны в (29) для конструкции с инфинитивом. Глагол *и-* ‘быть’ в (32) либо возглавляет лексическую проекцию VP, либо занимает позицию в функциональной структуре предикации, создавая аналитическую глагольную форму. В первом случае подлежащее первого лица — это, возможно, актант *и-* ‘быть’, во втором — по необходимости актант глагола *бару* ‘идти’.

Синтаксис этих конструкций требует, безусловно, отдельного изучения, и в пределах этой статьи мы оставляем теоретическую дилемму неразрешенной. Если окажется, что верный анализ таких конструкций требует признать образования типа *барасы иде* в (30) аналитическими формами, аналитическая глагольная парадигма увеличится ещё в несколько раз.

7. Вместо заключения

Перечислим скромные результаты этих заметок. Во-первых, мы эксплицитно исчислили и построили парадигму аналитических форм со вспомогательными глаголами *и-* ‘быть’ и *булу* ‘быть’. Во-вторых, было установлено, что смысловой глагол входит в такие формы как нефинитная категория, вероятнее всего, как причастие. В-третьих, мы предложили простую меру для определения того, составляет ли аналитическая форма ядро видо-временной и модальной системы, — её абсолютную частотность в корпусе. При всех недостатках этой меры, получившееся ядро системы оказывается интуитивно правдоподобным и, хочется надеяться, практически бесполезным. Мы, в частности, приходим к выводу, что по меньшей мере две формы со вспомогательным глаголом *булу* ‘быть’ должны, вопреки традиционным описаниям, рассматриваться как ядерные. В-четвертых, мы получили оценку количества аналитических форм первого и второго уровня — соответственно 504 и 2784, всего 3288. В-пятых, мы обсудили соотношение системы аналитических форм и так называемых конструкций со вспомогательными глаголами и пришли к выводу, что две системы полностью независимы. Более того, придание одной форме из парадигмы КВГ — формы прошедшего многократного — статуса основного элемента аналитической парадигмы кажется неоправданным ни по эмпирическим, ни по теоретическим соображениям. Наконец, в-шестых, мы пришли к выводу, что относительно большая группа глагольных конструкций априори допускает анализ и в терминах аналитических глагольных форм и в терминах полипредикативных образований. Разрешение этой дилеммы кажется осуществимым только после получения дополнительных данных о конструкциях такого типа.

Приложение

Частичная парадигма утвердительных синтетических форм

	<i>бару</i> ‘идти’	<i>эшләу</i> ‘работать’
Презенс	<i>бар-а</i> идти-IPFV	<i>эшл-и</i> работать-IPFV
Перфект	<i>бар-ган</i> идти-PFCT	<i>эшлэ-гэн</i> работать-PFCT
Претерит	<i>бар-ды</i> идти-PST	<i>эшлэ-де</i> работать-PST
Футурум 1	<i>бар-ыр</i> идти-POТ	<i>эшлэ-р</i> работать-POТ
Футурум 2	<i>бар-ачак</i> идти-FUT	<i>эшлэ-ячэк</i> работать-FUT
Императив	<i>бар</i> идти	<i>эшлэ</i> работать
Гортатив	<i>бар-ый(-м)</i> идти-NORT(-1SG)	<i>эшл-и(-м)</i> работать-NORT(-1SG)
Юссив	<i>бар-сын</i> идти-JUSS	<i>эшлэ-сен</i> работать-JUSS

	<i>бару</i> ‘идти’	<i>эшләү</i> ‘работать’
Кондиционалис	<i>бар-са</i> идти-COND	<i>эшлә-сә</i> работать-COND
Инфинитив 2	<i>бар-ма</i> идти-INF2	<i>эшлә-мә</i> работать-INF2
Дезидератив	<i>бар-мак-чы</i> идти-DESID-PART	<i>эшлә-мәк-че</i> работать-DESID-PART
Дезидератив 2	<i>бар-гы</i> идти-ATR	<i>эшлә-ге</i> работать-ATR
Облигатив	<i>бар-асы</i> идти-OBG	<i>эшл-исе</i> работать-OBG
Имя действия	<i>бар-у</i> идти-NMN	<i>эшлә-ү</i> работать-NMN
Причастие	<i>бар-у-чы</i> идти-NMN-PART	<i>эшлә-ү-че</i> работать-NMN-PART
Инфинитив	<i>бар-ырга</i> идти-INF	<i>эшлә-гә</i> работать-INF
Деепричастие	<i>бар-ып</i> идти-CONV	<i>эшлә-п</i> работать-CONV
Деепричастие предшествования	<i>бар-гач</i> идти-ANT	<i>эшлә-гәч</i> работать-ANT
Деепричастие одновременности	<i>бар-ган-да</i> идти-PFCT-SIM	<i>эшлә-гән-дә</i> работать-PFCT-SIM
Деепричастие следования	<i>бар-ган-чы</i> идти-PFCT-POST	<i>эшлә-гән-че</i> работать-PFCT-POST
Деепричастие сравнения	<i>бар-ган-дай</i> идти-PFCT-CMP	<i>эшлә-гән-дәй</i> работать-PFCT-CMP
Деепричастие причины	<i>бар-ган-га</i> идти-PFCT-CAUSE	<i>эшлә-гән-гә</i> работать-PFCT-CAUSE

Сокращения

Общие

CP — complementizer phrase

F₁P — projection of the head F₁F_nP — projection of the head F_n

DP — determiner phrase

TP — tense phrase

VP — verb phrase

Глоссы

1PL — первое лицо, множественное число

1SG — первое лицо, единственное число

2SG — второе лицо, единственное число

3 — третье лицо

ABL — аблатив

ACC — аккузатив

ANT — деепричастие предшествования

ATR — атрибутив

AUX1 — вспомогательный глагол *и-* ‘быть’AUX2 — вспомогательный глагол *булу* ‘быть’

CAUS — каузатив

CAUSE — деепричастие причины

CMP — сравнительное деепричастия

COMP — сравнительная степень

COND — условное деепричастие

CONV — деепричастие

DAT — датив

DESID — дезидератив

EMPH — эмфатическая частица

FOC — фокусный показатель

FUT — будущее время GEN — генитив

HORT — гортатив

INF — инфинитив

INF2 — инфинитив 2

IPFV — имперфектив

IPFV_{RED} — имперфективное деепричастие с редупликацией

JUSS — юссив

LOC — локатив

MEŞ — перфект 2

NEG — отрицание

NMN — номинализация

OBG — облигатив

ORD — порядковое числительное
 PART — причастие
 PASS — пассив
 PFCT — перфект

PL — множественное число
 POT — потенциалис
 PST — прошедшее время
 PTCL — частица
 SIM — деепричастие одновременности

Литература

- Васильева 2017 — *Васильева М. Д.* Номинализация на *-и* // Ред. *Татевосов С. Г., Пазельская А. Г., Сулейманов Д. Ш.* Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект. М., 2017. {*Vasilyeva M. D.* Nominalization on *-i* // Ed. *Tatevosov S. G., Pazelskaya A. G., Suleymanov D. Sh.* Elements of the Tatar language in a typological view. Mishar dialect. M., 2017.}
- Ганиев 1980 — *Ганиев Ф. А.* Вопросы морфологии татарского языка. Казань, 1977. {*Ganiev F. A.* Questions of Tatar morphology. Kazan, 1977.}
- Гращенков 2015 — *Гращенков П. В.* Тюрские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М., 2015. {*Grashchenkov P. V.* Turkic converbs and serialization: syntax, semantics, grammaticalization. M., 2015.}
- Кибрик 1977 — *Кибрик А. Е.* Опыт структурного описания архинского языка. Т. 2. Статическая грамматика. М., 1977. {*Kibrik A. E.* An attempt of a structural description of the Archi language. Vol. 2. Static grammar.}
- Махмутова 1978 — *Махмутова Л. Т.* Опыт исследования тюркских диалектов. Мишер. Диалект татарского языка. М., 1978. {*Makhmutova L. T.* A study of Turkic dialects. Misher. Dialect of the Tatar language. M., 1978.}
- Павлов 1998 — *Павлов В. М.* О месте «аналитической формы слова» и «аналитической конструкции» в грамматической системе // Ред. *Козинцева Н. А., Оглоблин А. К.* Типология. Грамматика. Семантика: К 65-летию В. С. Храковского. СПб., 1998. С. 235—245. {*Pavlov V. M.* On the place of “analytical form of a word” and “analytical construction” in a grammatical system // Ed. *Kozintseva N. A., Ogloblin A. K.* Typology. Grammar. Semantics: for the 65th anniversary of V. S. Khrakovsky. SPb., 1998. P. 235—245.}
- Сумбатова 2004 — *Сумбатова Н. Р.* Коммуникативные категории и система глагола (о некоторых типологических особенностях дагестанского глагола) // Ред. *В. С. Храковский и др.* М., 2004. С. 487—504. {*Sumbatova N. R.* Communicative categories and the verb system (on some typological features of the Dagestan verb) // Ed. *V. S. Khrakovsky et al.* M., 2004. P. 487—504.}
- Татевосов 2017а — *Татевосов С. Г.* Морфология / Ред. *Татевосов С. Г., Пазельская А. Г., Сулейманов Д. Ш.* Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект. М., 2017. {*Tatevosov S. G.* Morphology / Ed. *Tatevosov S. G., Pazelskaya A. G., Suleymanov D. Sh.* Elements of the Tatar language in a typological view. Mishar dialect. M., 2017.}
- Татевосов 2017б — *Татевосов С. Г.* Перфект, эвиденциальность и адмиратив // Ред. *Татевосов С. Г., Пазельская А. Г., Сулейманов Д. Ш.* Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект. М., 2017. {*Tatevosov S. G.* Perfect, evidentiality and Admirative. // Ed. *Tatevosov S. G., Pazelskaya A. G., Suleymanov D. Sh.* Elements of the Tatar language in a typological view. Mishar dialect. M., 2017.}
- Татевосов и др. 2017 — Ред. *Татевосов С. Г., Пазельская А. Г., Сулейманов Д. Ш.* Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект. М., 2017. {Ed. *Tatevosov S. G., Pazelskaya A. G., Suleymanov D. Sh.* Elements of the Tatar language in a typological view. Mishar dialect. M., 2017.}
- ТГ 1993 — Татарская грамматика. Т. 2. Морфология. Ред. *Закиев М. З., Ганиев Ф. А., Зиннатуллина К. З.* Казань, 1993. {*Tatar grammar. Vol. 2. Morphology.* Ed. *Zakiev M. Z., Ganiev F. A., Zinnatullina K. Z.* Kazan, 1993.}
- Тумашева 1986 — *Тумашева Д. Г.* Татарский глагол. Опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий. Казань, 1986. {*Tumasheva D. G.* Tatar verb. An attempt of a functional semantic study of grammatical categories. Kazan, 1986.}
- Юлдашев 1965 — *Юлдашев, А. А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965. {*Yuldashev A. A.* Analytical verb forms in Turkic languages. M., 1965.}
- Galieva et al. 2015 — *Galieva A., Nevzorova O., Suleymanov D.* Distribution of Some Grammatical Categories of the Tatar Language over Corpus Data. Kazan, 2015. P. 396—408.
- Kibrik 1998 — *Kibrik A. E.* Archi / Eds. A. Spencer and A. M. Zwicky. The handbook of morphology. Oxford, 1998. P. 455—476.
- Schwegler 1990 — *Schwegler A.* Analyticity and syntheticity: A diachronic perspective with special reference to Romance languages. Berlin, 1990.

РЕЗЮМЕ

В статье обсуждается структура аналитической глагольной парадигмы татарского языка и предлагается несколько взаимосвязанных обобщений. При образовании аналитических форм используются вспомогательные глаголы — *и-* ‘быть’ и *булу* ‘быть’. Первый имеет нестандартную парадигму, в которой представлен ограниченный набор форм. Второй имеет регулярную парадигму, в которой представлены как синтетические, так и аналитические формы. Смысловые глаголы входят в аналитические формы как нефинитная категория, вероятнее всего, как причастие. С учетом лично-числового согласования в татарском языке насчитывается 3264 финитных форм индикатива. В статье также обсуждается соотношение системы аналитических форм и так называемых конструкций со вспомогательными глаголами, а также система форм, при образовании которых задействуются именные связки.

SUMMARY

The paper aims at establishing a few descriptive generalizations about the structure of periphrastic verbal subparadigm of Tatar. Tatar makes use of two auxiliaries, *i-* ‘be’ and *bulu* ‘be’, the former having a restricted paradigm, the latter being a regular verb featuring the whole range of synthetic and periphrastic options. Both morphological and syntactic evidence suggest that lexical verbs enter periphrastic configurations as participles. The whole periphrastic subparadigm consists of 3264 indicative finite forms. The paper also surveys the relationship between periphrastic verbs and so-called serial verb constructions, as well as a number of issues surrounding the structure of a few copular constructions.

Ключевые слова: татарский язык, глагольная парадигма, аналитические формы

Keywords: Tatar, verbal paradigm, periphrasis

Татевосов Сергей Георгиевич, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; tatevosov@gmail.com

Sergei G. Tatevosov, Lomonosov Moscow State University; tatevosov@gmail.com

Лексика северного наречия удмуртского языка в исследованиях ученых последних лет

1. Введение

Скачкообразные изменения в экономической и культурной жизни под воздействием социолингвистических факторов, не совсем благоприятных для естественного развития диалектов, интенсивное развитие литературного языка и вследствие этого неустойчивость сохранения языковых явлений и их неодинаковая степень распространения в различных говорах требует своевременного научного освещения. В наши дни диалекты стремительно утрачивают свои архаические черты, что приводит к определенной их нивелировке. В связи с этим, изучение лексического своеобразия одной из групп северно-удмуртского наречия, проведенное в исследовании Л. Л. Карповой, определяет научную новизну работы и ставит её в ряд наиболее актуальных исследований по современной удмуртской (и не только) диалектологии.

Как известно [Кельмаков 1987: 26—51; 1998: 42], северное наречие удмуртского языка подразделяется на три диалекта: верхнечепецкий, нижнечепецкий и среднечепецкий. Первые два описаны фрагментарно: в опубликованных работах (см., напр., [Алашеева 1982: 91—105; Каракулов 1982: 106—105; Тепляшина 1957: 156—196]) преимущественно раскрываются частные вопросы отдельных диалектных микросистем. Среднечепецкий диалект, по сравнению с верхнечепецким и нижнечепецким, наиболее полно исследованный в предыдущих книгах автора [Карпова 1997; 2005], распространен в бассейне среднего течения реки Чепцы с её притоками (Сепыч, Пызеп, Убыть и Лекма и нек. др.). На западе диалект контактирует с нижнечепецкими говорами, на востоке — с верхнечепецкими, на юге — частично с прикильмезьскими и верхнечепецкими говорами. Как отмечает автор, примерная граница распространения описываемого диалекта проходит по следующим населенным пунктам: на востоке — деревни Пудвай, Курегово, Пыбья, Исаково, Прохорово, на юге — деревни Бараны, Тараканово, Тура, Артык, Васильевское и Большой Полом. Северным и западным разделом служит административная граница между Удмуртской Республикой и Кировской областью.

2. Из истории изучения северного наречия удмуртского языка

Диалекты северного наречия удмуртского языка, подобно другим территориально-структурным вариантам национального языка, были объектом внимания ученых в различные периоды, причем их изучение осуществлялось в общем контексте исследования удмуртских диалектов, получившего определенное освещение в работах ряда ученых (см. об этом подробнее: [Тепляшина 1965: 7—24; Алатырев 1967: 17—22; Кельмаков 1981: 13—38; 1998: 37—41] и др.).

Начало же сбора лексического материала по северным диалектам связывают с историей возникновения и становления письменности удмуртского народа: первые записи образцов удмуртской речи в виде отдельных слов и предложений относятся к XVIII веку. В работах ученых-путешественников Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера, исследовавших природные богатства, географию Российской империи, этнографию, историю народов Сибири и Поволжья, уже нашли некоторое отражение языковые особенности многих удмуртских диалектов, в том числе и северных. Лексическое своеобразие говоров среднечепецких удмуртов было отмечено в рукописных работах, составленных священниками З. Кротовым [Кротов 1785] и М. Могилиным [Мышкин¹ 1786].

В середине XIX столетия начинается научное изучение удмуртских диалектов, когда в работах исследователей, в первую очередь, Ф. Й. Видеманна [Wiedemann 1851; 1880; 1884], помимо фиксации лексического материала, встречается описание и анализ языковых особенностей «глазовского» диалекта. Наиболее плодотворным этапом в исследовании удмуртского языка (и не только) и его диалектов является вторая половина XIX — начало XX века, когда в публикациях ученых-собираателей (Б. Г. Гаврилов, Н. Первухин) был представлен значительный материал по северноудмуртским говорам. Так, Б. Г. Гаври-

¹ По более поздним исследованиям автором рукописи «Краткой отяцкія Грамматики опытъ» считается М. А. Мышкин (подробнее см. [Чураков 2016]).

лов впервые в письменных источниках по севернудмуртскому наречию обозначил специфический заднерядный вариант фонемы *ы* (*б̄*) [Гавриловъ 1880: 55]. Миссионер Н. Первухин в третьем эскизе своего многосерийного издания в представленных фольклорных жанрах отмечает место записи, а в некоторых, например, в загадках, указывает и фамилию информанта.

Весьма обширным и ценным материалом по лексике удмуртских диалектов располагает диалектологический словарь удмуртского языка Б. Мункачи [Munkácsi 1896], который до настоящего времени представляет собой наиболее полный сравнительный словарь удмуртских диалектов.

Большую ценность для диалектолога представляет хрестоматия со словарем Ю. Вихманна [Wichmann 1901], в которую включено чуть больше 1000 лексем с пометой «глазовский диалект». В обеих книгах составители в нескольких словах «глазовского диалекта» отмечают употребление заднеязычного носового согласного *ŋ*, который в настоящее время в языке северных удмуртов уже не встречается [Карпова 2013: 32].

Весомый материал по диалектной лексике удмуртского языка содержится в объемном словаре Ю. Вихманна [Wichmann 1987], который был опубликован благодаря Т. Уотиле и М. Корхонену в 80-х гг. XX века на основе диалектологического материала исследователя, записанного им во время экспедиций в различные регионы проживания удмуртов.

В послеоктябрьский период удмуртские диалекты становятся объектом исследования ученых в связи с необходимостью создания основ литературного языка. Лексический материал отдельных диалектов нашел отражение в региональном диалектологическом словаре В. Д. Крылова [Крылов 1919] и в первом отечественном сравнительном словаре удмуртских диалектов И. В. Яковлева [Яковлев 1919]. В работе второго автора с пометой «глазовский диалект» отмечено как в удмуртско-русской, так и в русско-удмуртской частях чуть более, чем по 300 слов. Главным недостатком этих словарей является то, что многие лексемы бесермянского наречия ошибочно отнесены к севернудмуртским словам.

В отношении фиксации лексики удмуртских диалектов не менее значительным является переводной удмуртско-русский словарь Т. К. Борисова с элементами толкования [Борисов 1932], который содержит порядка 15 тыс. общеупотребительных и диалектных слов. Последние даны с пометами, указывающими на их диалектную принадлежность, около 750 из которых отнесено к северному наречию.

3. Общие замечания

Рецензируемая книга Л. Л. Карповой «Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект» является региональным диалектным словарем удмуртского языка и закономерным результатом работы автора с говорами удмуртов средней Чепцы. Среднечепецким диалектом удмуртского языка автор заинтересовался еще во время учебы в докторантуре Тартуского университета (Эстония). Её диссертационное исследование «Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка» (Тарту, 1997) стало первой значительной публикацией, отражающей фонетико-морфологические особенности говоров удмуртов, проживающих в среднем течении водной артерии северной Удмуртии. Вторая книга Л. Л. Карповой «Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи» (Ижевск, 2005) включает в себя образцы устно-поэтической и разговорно-бытовой речи среднечепецких удмуртов.

В монографии «Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект» систематизирована лексика удмуртских говоров пяти территориально-административных единиц Удмуртской Республики: Глазовского, Юкаменского, Ярского, частично Базинского и Красногорского районов, зафиксированная автором во время диалектологических экспедиций 1987—2005 гг. на территории бассейна средней Чепцы. В словарной части книги содержится около 7000 словарных статей, снабженных русским переводом (при необходимости с толкованиями), и примерами употребления приведенных лексем в контексте. Подробно отмечено ареальное распространение диалектных слов. Лексический материал, представленный в словаре, связанный с хозяйственной и обрядовой деятельностью удмуртов, их традиционными верованиями, придает этнолингвистическую направленность исследованию.

В структурном плане книга состоит из предисловия, введения, общей характеристики фонетико-морфологических особенностей среднечепецкого диалекта, словаря диалектной лексики, приложений и списка использованной литературы и источников.

В предисловии (с. 4—6) автор знакомит читателя со степенью изученности и необходимостью продолжения исследования описываемого диалекта. Кратко описан состав словаря, для кого и чего он может быть полезен.

Во введении (с. 7—22) дается характеристика среднечепецкого диалекта, его места в системе севернудмуртских говоров, описана структура словаря и особенности построения словарных статей. Автор отмечает, что по фонетическим, морфологическим и лексическим признакам среднечепецкий диалект

можно разделить на три говора: юкаменский, глазовский и ярский. Одной из характерных черт среднечепецкого диалекта среди других северноудмуртских диалектов является употребление фонемы *ы* в трех произносительных вариантах: *ы*, *ы́* и *ы̆*, причем территориально функционирование той или иной по говорам не одинаково. Так, в юкаменском и ярском говорах распространен только один из вариантов фонемы *ы* (*ы̆* или *ы* соответственно), а в глазовском — все три варианта (*ы*, *ы́*, *ы̆*).

В разделе «Общая характеристика фонетико-морфологических особенностей среднечепецкого диалекта» (с. 23—61) рассмотрены своеобразие вокализма и консонантизма, фонетические и морфологические явления, встречающиеся в исследуемом диалекте. В системе вокализма отмечается, что гласные *а*, *э*, *о́*, *и*, *о*, *у* артикуляционно и акустически не отличаются от соответствующих фонем большинства удмуртских диалектов и литературного языка. Только фонема *ы* может выступать в трех произносительных вариантах: *ы* — гласный среднего ряда верхнего подъема, *ы́* — гласный средне-заднего ряда верхне-среднего (среднего) подъема и *ы̆* — гласный заднего ряда среднего (средне-нижнего) подъема).

4. Фонетика

Основными фонетическими явлениями в области вокализма являются различные виды соответствий и свободного варьирования гласных, например, *у* ~ *ы̆* (*ы*, *ы́*): *сусьпу* ~ *сьсьспу* ‘можжевательник’ (с. 26), протеза в заимствованных из русского языка словах: *урумка* (< рус. *рюмка*) ‘рюмка’ (с. 27), эпентеза (также в основном в русских заимствованиях): *пулуг* (< рус. *плуг*) ‘плуг’ (с. 27), выпадение гласных начала слова перед согласными *д*, *р*, *с*: *родмыны* (лит. *уродмыны*) ‘испортиться, стать плохим’ (с. 27), синкопа (гласного *ы* (*ы̆*, *ы́*)): *крэм* (~ *кырэм*) ‘овраг’ (с. 27), апокопа (гласного *ы* (*ы̆*, *ы́*) и *и*): *таз'* (~ *таз'ы̆*) ‘так, таким образом’ *азбарыт'* (~ *азбарыт'и*) ‘по двору’ (с. 27), аферезис (под воздействием звука предшествующего слога происходит выпадение начального звука последующего слова): *одигнэ* (< *одиг* ‘один’ и *гинэ* ‘только’) ‘только один’ (с. 28), прогрессивная ассимиляция по огубленности: *турум* ~ *турун* ‘трава, сено’ (с. 29). Рассмотрены специфические черты акцентуационной системы рассматриваемого диалекта, например, постановка ударения на предпоследний слог слова в финитных глагольных формах с суффиксами *-мь* (1 лицо), *-дъ* (2 лицо), *-зъ* (3 лицо): (*кьло-зъ* ‘они услышат’, *лътъса-лзъ* ‘они пришли бы’), акцентирование отрицательного вспомогательного глагола *эн* в отрицательных формах глаголов повелительного наклонения (*эн курэкия* ‘не горюй, не переживай’) (с. 30), своеобразная постановка ударения в местоимениях и наречиях с препозитивным элементом *оло-* — три варианта акцентирования: *оло-кътъс'* ~ *олокътъс'* ~ *олокътъс'* ‘откуда-то’ (с. 32) и др.

Консонантизм исследуемого диалекта представлен фонемами *б*, *в* (*ў*), *г*, *д*, *д'*, *ж*, *ль*, *з*, *з'*, *нь*, *й*, *к*, *л*, *л'*, *м*, *н*, *н'*, *п*, *р*, *с*, *с'*, *т*, *т'*, *ч*, *и*, *ш*, *ф*, *х*, *ц*, *ш'*, из которых *ф*, *х*, *ц*, *ш'* встречаются только в заимствованиях из русского языка. Из фонетических явлений в области консонантизма автором отмечены различные виды регрессивной ассимиляции: *шыттэк* (*шыд* + *-тэк*) ‘без супа’, *пъттъш* (*пъд* + *тъш*) ‘пятка’, *зөггэс* (*зök* + *-гес*) ‘больше; старше’ (с. 35—36), озвончение: *грэчуга* (< рус. *гречиха*) ‘гречиха’ (с. 37), палатализация: *корка(ы̆)т'и* ‘по дому’ (лит. *коркаты*) (с. 37—38) и метатеза: *с'ин'икут* (лит. *исъникут*) ‘отопки, изношенные лапти’ (с. 38). Одной из особенностей системы согласных рассматриваемого диалекта является наличие сонанта *ў*, встречающегося в анлауте перед гласным *а* в более чем в 40 словоформах, например: *ўалэс ъж* ‘овца, которая еще не ягнилась’, *ўашкалаос* ‘предки’ (с. 33) и др.

5. Морфология

Довольно подробно описаны морфологические особенности как знаменательных (имя существительное, имя прилагательное, имя числительное и др.), так и служебных (послелог, союз, частица) частей речи. Например, автором особо указывается, что в среднечепецком диалекте параллельно с падежными формантами с элементом *-н'* употребляются послеложные конструкции имени в номинативе с послелогом, образованным от основы *дор-*: *ог-огмын'э* ‘друг к другу (домой)’ и *мужикэ доры* ‘к моему мужу (домой)’ (с. 41—42). Другой особенностью описываемого диалекта является функционирование местоимений с показателями приблизительного инессива и приблизительного иллатива (отличие этих показателей приблизительных падежей, в сравнении с обычными инессивом и иллативом, заключается в том, что, во-первых, в них имеется показатель *-н'*, во-вторых — они имеют собственное значение: «обозначают не просто местонахождение около кого/чего-либо, движение по направлению к кому/чему-либо, а выражают нахождение в доме (домашнем очаге, жилище, в пределах усадьбы)» (см. об этом подробнее [Максимов 1999: 193—208]): *мин'н'ам* ‘к нам’, *кин'н'осн'ън* ‘у кого’ (с. 50). В морфологии глагола Л. Л. Карпова выделяет редуплицирование суффикса многократности *-л'л'а-* для усиления кратности: *гожйал'л'ал'ланъ* ‘писать (неоднократно)’, которое показывает неоднократное и непостоянное (с пере-

рывами) действие (с. 54). Как особое явление в функционировании послелогов отмечается употребление послелога *бӧрс'ь* 'с; за, позади, сзади' на месте *с'ӧры* 'с; за, позади, сзади' литературного языка и других удмуртских диалектов со значением 'за кем-либо, с кем-либо': *мон бӧрс'ам* 'за мной' (с. 57). Отличительной особенностью союзов и частиц является лишь их фонетическое оформление: *кот'* (~ *хот'*) (лит. *коть*), *ӧвӧн'* (~ *ӧвӧн'и*) (лит. *ӧвӧл ни ~ ӧвӧл ини*) 'уже нет', *бӧнвэт'* (~ *бӧнэт'*, *бӧнэт'и*) (лит. *бен веть*) 'так ведь' (с. 58–60). Как видим, в двух последних примерах происходит выпадение анлаутной фонемы второго слова и стяжение основ.

6. Лексика

В конце раздела автор пишет, что лексика среднечепецкого диалекта, как и северного наречия в целом, имеет заметное отличие от словарного состава других диалектов, особенно южноудмуртских. Оно сводится к употреблению большого количества русских заимствований, а также к функционированию множества специфических образований, не имеющих места в других говорах удмуртского языка: *аску* (~ *аскӧ*, *аскъ*) 'завтра' (с. 74), *гойънь* (~ *гойыны*) 'хохотать, смеяться' (с. 151), *губич* (~ *губэч*, *гулбэч*) 'подполье' (с. 156), *зорономър* (~ *зорономыр*) 'дождевой червь' (с. 189), *зӧк* 'большой; старший; важный' (с. 190), *йалдоргуби* 'опёнок (гриб)' (с. 211), *копас'къс'* (~ *копас'кыс'*, *копас'кӧс'*) 'придирчивый, ворчащий; ругающийся, бранящийся, ссорящийся' (с. 257), *котрэска* 'баранка из ржаной муки (с *анисом* или *коноплею*)' (с. 262), *пӧткӧсль* 'берцовая кость' (с. 419), *с'из'лала* 'осенний' (с. 459), *тиз'нал ~ тоз'нал* 'недавно, намеренно' (с. 477), *т'ябъкань* 'лябать, заляпать (в игре)' (с. 497), *уйсьлон* 'Всенощное бдение' (с. 504).

Особую ценность исследования представляет словарь диалектной лексики (с. 62—565), который является диалектным словарем дифференцированного типа, т. е. в нем содержатся в основном слова, специфические для данного диалекта. Этот словарь дает определенное представление о лексических особенностях одного из локальных вариантов удмуртского языка конца XX — начала XXI вв. и вне сомнения является ценнейшим источником для изучения функционирования лексических единиц удмуртских говоров. При отборе материала для словаря автор руководствовался, как мы уже отметили, дифференциальными признаками локальной лексики по сравнению со словами литературного удмуртского языка, как-то: различием в составе фонем, в морфемной структуре, в семантической и стилистической окраске. Лексемы приводятся в алфавитном порядке в фонематической транскрипции, за заглавными словами следуют сокращенные обозначения населенных пунктов или говоров, в которых было зафиксировано слово или словосочетание. Это дает возможность использования словаря при подготовке диалектологических атласов по удмуртскому языку, что очень важно. Различные фонетические и акцентологические вариации слова представлены в одной словарной статье. В словаре использованы пометы, указывающие на сферу употребления лексемы; перевод на русский язык следует за пометами; значения многозначных слов приводятся в одной словарной статье; слова-омонимы, как и во всех словарях, представлены в разных словарных статьях. После русского перевода помещается иллюстративный материал, который приводится в основном в фонематической транскрипции на русской графической основе и представляет собой точное воспроизведение фрагментов живой речи, зафиксированных автором. В содержании текстов отражены обычаи, верования, воззрения, психология северных удмуртов, их отношение к миру и окружающим людям, к историческим событиям и т. д. В словаре представлены все морфологические единицы удмуртского языка: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, послелог, союз, частица, наречно-образительные слова, звукоподражания и вводные слова.

Прекрасно дополняют работу помещенные в конце исследования приложения, включающие 3 карты (с. 566—568) — «Карту-схему диалектного членения удмуртского языка», «Ареал распространения среднечепецкого диалекта» и «Ареал распространения вариантов фонемы *ы* в среднечепецком диалекте» — и список информантов (с. 569—592) по районам, населенным пунктам всех исследованных говоров.

7. Выводы

Таким образом, отметим, что работа является своевременным исследованием и весомым вкладом в удмуртскую (пермскую) и финно-угорскую лингвистику. В книге нашло отражение современное состояние и бытование лексики среднечепецкого диалекта. Монография Л. Л. Карповой уже получила и, без сомнения, еще получит достойную оценку специалистов по пермским и другим финно-угорским языкам. Результаты исследования могут быть успешно реализованы при изучении удмуртских диалектов в лингвогеографической и ареальной перспективе, составлении диалектологического атласа удмуртского языка, решении проблем описательной и исторической диалектологии, грамматики и лексикологии, а также в вопросах диалектного членения удмуртского языка. Книга может быть полезна как исследовате-

лям-теоретикам в области финно-угорского языкознания и практикам — преподавателям удмуртоведческих дисциплин, так и всем тем, кому не безразлична история духовной культуры удмуртского народа.

Л и т е р а т у р а

Алатырев 1967 — *Алатырев В. И.* 50 лет удмуртского советского языкознания // Вып. 4. Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. С. 7—35. {*Alatyrev V. I.* 50 years of Udmurt Soviet linguistics // Vol. 4. Issues in Finno-Ugric linguistics. Izhevsk, 1967. P. 7—35.}

Алашеева 1982 — *Алашеева А. А.* Верхнечепецкие говоры I // Образцы речи удмуртского языка. 1982. С. 91—105. {*Alasheva A. A.* Upper Chepts dialects I // Examples of Udmurt speech. 1982. P. 91—105.}

Борисов 1932 — *Борисов Т. К.* Удмурт кыллюкам = Удмуртско-русский толковый словарь. Ижевск, 1932. {*Borisov T. K.* Удмурт кыллюкам = Udmurt-Russian thesaurus. Izhevsk, 1932.}

Гавриловъ 1880 — *Гавриловъ Б.* Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Казань, 1880. {*Gavrilov B.* Works of folk literature, rituals and beliefs of Votyaks from Kazan and Vyatka provinces. Kazan, 1880.}

Каракулов 1982 — *Каракулов Б. И.* Говор села Юски // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 106—115. {*Karakulov B. I.* Dialect of the Yuska settlement // Examples of Udmurt speech. Izhevsk, 1982. P. 106—115.}

Карпова 1997 — *Карпова Л. Л.* Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. {*Karпова L. L.* Phonetics and morphology of the Middle Chepts dialect of the Udmurt language. Tartu, 1997.}

Карпова 2005 — *Карпова Л. Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005. {*Karпова L. L.* Middle Chepts dialect of the Udmurt language: Examples of speech. Izhevsk, 2005.}

Карпова 2013 — *Карпова Л. Л.* Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект. Ижевск, 2013. {*Karпова L. L.* Vocabulary of the Northern dialect group of Udmurt: Middle Chepts dialect. Izhevsk, 2013.}

Кельмаков 1981 — *Кельмаков В. К.* Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. Ижевск, 1981. С. 26—51. {*Kelmakov V. K.* Examples of Udmurt speech: Northern dialect group and the middle dialects. Izhevsk, 1981. P. 26—51.}

Кельмаков 1987 — *Кельмаков В. К.* К вопросу о диалектном членении удмуртского языка / Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. {*Kelmakov V. K.* On the issue of the dialectal classification of Udmurt / Permistics: Issues in dialectology and history of Permic languages. Izhevsk, 1987.}

Кельмаков 1998 — *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск, 1998. {*Kelmakov V. K.* Concise course of Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialectal texts. Bibliography. Izhevsk, 1998.}

Кротовъ 1785 — *Кротовъ З.* Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1995. (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года.) {*Krotov Z.* Udmurt-Russian dictionary (= Concise Votyak dictionary with Russian translation, compiled and alphabetically organized by the priest of Trinity church in Elovskoe village, Zacharia Krotov, 1785).}

Крылов 1919 — *Крылов В. Д.* Вотско-русский словарь Глазовского наречия вотяков. Вятка, 1919. {*Krylov V. D.* Votyak-Russian dictionary of the Glazovskoe dialect of Votyaks. Vyatka, 1919.}

Максимов 1999 — *Максимов С. А.* О вторичных пространственных падежах в удмуртском языке / Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии. Ижевск, 1999. С. 103—208. {*Maksimov S. A.* On secondary spatial cases in the Udmurt language / Problems of Udmurt and Finno-Ugric philology. Izhevsk, 1999. P. 103—208.}

Мышкин 1786 — *Могилінъ М.* Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики. Ижевск, 1998. {*Mogilin M.* Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Treatise on concise Udmurt grammar. Izhevsk, 1998.}

Тепляшина 1957 — *Тепляшина Т. И.* Нижнечепецкие говоры севернудмуртского наречия // Записки. Вып. 18. Ижевск, 1957. Филология. С. 156—196. {*Tepliyashina T. I.* Lower Chepts dialects of Northern Udmurt // Proceedings. Vol. 18. Izhevsk, 1957. Philology. P. 156—196.}

Тепляшина 1965 — *Тепляшина Т. И.* Памятники удмуртской письменности XVIII века. М., 1965. {*Tepliyashina T. I.* Monuments of Udmurt writing of the 18th century. M., 1965.}

Чураков 2016 — *Чураков В. С.* Авторство, датировка и история рукописи «Краткой отяцкой грамматики опытъ» // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 3. Т. 10. Ижевск, 2016. С. 184—196. {*Churakov V. S.* Authorship, dating and history of the manuscript called “Treatise on concise Udmurt grammar” // Yearbook of Finno-Ugric studies. Is. 3. Vol. 10. Izhevsk, 2016. P. 184—196.}

Яковлев 1919 — *Яковлев И. В.* Удмуртъёслэсь ог-огзылэсь мукет сямен вераськон кыльёссэс валэктысь книга = Сравнительный словарь вотских наречий. Казань, 1919. {*Yakovlev I. V.* Comparative dictionary of Votyak dialects. Kazan, 1919.}

- Munkácsi 1896 — *Munkácsi B.* A votják nyelv szitára. Budapest, 1896.
- Wichmann 1901 — *Wichmann Y.* Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. Helsingfors, 1901.
- Wichmann 1987 — *Wihmann Y.* Wotjakische Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjo Wihmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXI). Helsinki, 1987.
- Wiedemann 1851 — *Wiedemann F. J.* Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851.
- Wiedemann 1880 — *Wiedemann F. J.* Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhang und einem deutschen Register. St.-Petersburg, 1880.
- Wiedemann 1884 — *Wiedemann F. J.* Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. St.-Petersburg, 1884.

РЕЗЮМЕ

Рецензируемая монография представляет собой описание лексического своеобразия среднечепецкого диалекта удмуртского языка в современном его бытовании. Актуальность издания связана прежде всего с отсутствием в удмуртской диалектологии подобных лексикографических описаний региональной диалектной лексики. Книга содержит свыше семи тысяч словарных статей, снабженных русским переводом (в необходимых случаях с элементами толкования) и иллюстрациями примеров живого употребления слов. Включенная лексика отражает не только специфику диалекта, но и этнографическое, этнокультурное своеобразие описанной территории. Материалы книги могут быть использованы в дальнейшем при составлении сравнительного словаря удмуртских диалектов.

SUMMARY

The monograph under review describes the distinct vocabulary features of the Middle Cheptsä dialect of Udmurt in its modern use. This study is relevant mainly because there are no similar lexicographical descriptions of the regional dialectal vocabulary. The book contains more than 7000 dictionary entries, complete with Russian translations (with elements of explanation where necessary) and illustrations of the living examples of the words' use. The vocabulary included not only reflects the specific features of the dialect, but also ethnographic and ethno-cultural features of the territory described. The materials from the book could be used to compile a comparative dictionary of Udmurt dialects.

Ключевые слова: филология, удмуртский язык, среднечепецкий диалект, лексика, своеобразие

Keywords: philology, Udmurt, Middle Cheptsä dialect, vocabulary, specifics

Ившин Леонид Михайлович, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН (Ижевск); ivleo.75@mail.ru

Leonid M. Ivshin, Udmurt Federal Research Center of Ural department of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk); ivleo.75@mail.ru

**О Евгении Ивановне Коведяевой — марийском лингвисте
(к 100-летию со дня рождения)¹**

В этом году 8 февраля исполнилось 100 лет со дня рождения Евгении Ивановны Коведяевой — известного марийского лингвиста, научного сотрудника Института языкознания АН СССР.

Родилась Евгения Ивановна в марийской деревне Камеево Мишкинского района Башкортостана (как отмечено в автобиографии, «в семье сельских учителей»). Ее отец — Коведяев (Умшар) Иван Николаевич был активным общественным деятелем национального движения, журналистом, педагогом. В 1908 г. окончил Казанскую учительскую семинарию, в течение своей короткой жизни (прожил 52 года) преподавал в ряде школ Царевококшайского уезда Казанской губернии, (но в основном) Бирского уезда Уфимской губернии. Был знаком с «отцом марийской науки» В. М. Васильевым, с классиком марийской литературы С. Г. Чавайном. Собирал фольклорные материалы и (под псевдонимом *Чарламари*) публиковал их на страницах «Марла календаря» (1907—1913) — первого периодического издания на марийском языке. Печатал (под псевдонимом *Умшар*) актуальные статьи и в газете «Ўжара» («Заря») (1917—1918). Был одним из основателей первой организации «Марий ушем» («Союз мари») в г. Уфе (март 1917 г.). Был избран председателем первого Всероссийского съезда мари (Бирск, июль 1917 г.), председателем Совета крестьянских депутатов Царевококшайского уезда (октябрь 1917 г.), председателем царевококшайской земской управы (декабрь 1917 г.). Иван Николаевич расстрелян как «буржуазный националист» 11 ноября 1937 г.

В семье Ивана Николаевича было четверо детей (две дочери и два сына). Первый ребенок Ивана Николаевича — старшая дочь Евгения решила пойти по стопам отца, стать педагогом. После Камеевской начальной школы (1929) училась в семилетней школе г. Бирска Башкортостана, куда семья переехала, «чтобы дать» детям «возможность продолжить образование». По окончании школы поступила на III курс рабфака в г. Йошкар-Оле, в 1935 г. стала учиться на факультете русского языка и литературы Марийского педагогического института. Через два года (1937, год расстрела отца) перевелась на такой же факультет Казанского государственного педагогического института. После вуза (1939) была направлена на работу в татарскую Кандринскую среднюю школу Кандринского района Башкортостана, где проработала в качестве учителя русского языка и литературы старших классов до декабря 1944 г. Параллельно занималась с учителями-заочниками, прикрепленными к консультационному пункту при этой школе, также с допризывниками (при райвоенкомате) на краткосрочных курсах русского языка.

С декабря 1944 г. по август 1945 г. была слушательницей высших педагогических курсов при Московском педагогическом институте им. В. И. Ленина. В 1945—1948 гг. училась в аспирантуре при кафедре методики и педагогики этого же института, исследовала методику преподавания русского языка в марийской школе. По окончании аспирантуры в октябре 1948 г. поступила на работу в Научно-исследовательский институт национальных школ Академии педагогических наук РСФСР. Работала до 1958 г. в качестве младшего научного сотрудника сектора методики обучения родному и русскому языкам в школах финно-угорской группы национальностей. Занималась изучением проблем в области методики преподавания русского языка в условиях национальной школы — вопросов совершенствования обучения русскому произношению в марийских школах. Сопоставляя фонетику и орфоэпию русского и марийского языков в свете школьного образования, Евгения Ивановна всерьез заинтересовалась марийской фонетикой и в августе 1958 г. перевелась на работу в Институт языкознания АН СССР (в то время шло пополнение штата сектора финно-угорских языков, причем преимущественно представителями коренных финно-угорских национальностей).

Евгения Ивановна Коведяева опубликовала более 30 научных работ, среди них 4 монографии. Ее первые исследования были связаны с разрабатываемой диссертационной темой — с вопросами обучения

¹ Выражаю искреннюю благодарность заместителю директора Института языкознания Российской Академии наук кандидату филологических наук Андрею Болеславовичу Шлуинскому за предоставление электронных копий основных документов из личного дела Е. И. Коведяевой, бывшему научному сотруднику группы финно-угорских языков кандидату филологических наук Александре Тимирьяновне Сиивонен (Сельдюковой) за ценную информацию о Евгении Ивановне Коведяевой.

правильному русскому произношению учащихся марийских школ. Наибольшая же часть ее работ посвящена проблемам марийского языкознания, прежде всего фонетики (акцентуации), морфологии (категории падежа) и диалектологии.

В 1959 г. в НИИ методов обучения Академии педагогических наук РСФСР Евгения Ивановна успешно защитила диссертацию на актуальную (в особенности в то время) тему «Обучение русскому произношению в связи с курсом фонетики и морфологии в V—VI классах марийской школы». В июне 1960 г. ей присуждена ученая степень кандидата педагогических наук. В диссертационном исследовании выявлены наиболее характерные ошибки в русской речи учащихся-мари к началу пятого года обучения в школе и определены их причины, освещены как положительный опыт, так и недостатки в работе по обучению учащихся русскому произношению, детально проанализированы и оценены соответствующие разделы школьных программ и учебников, установлен минимум навыков русского нормированного произношения для учащихся V—VI классов, предложена методика обучения русскому произношению на уроках фонетики. Что важно, методические рекомендации, упражнения на произношение русских звуков и слов были экспериментально проверены на уроках в ряде школ республики. По оценке доктора педагогических наук, профессора П. А. Апакаева, «в диссертационном исследовании автору удалось на основе данных сравнительной характеристики звуковых систем русского и марийского языков найти объяснение многим орфоэпическим ошибкам учащихся-мари в речи на русском языке, выявить как положительные стороны, так и недочеты программ и учебников по русскому языку для марийских школ и найти пути для построения методики обучения русскому произношению» [Апакаев 2002: 227]. В 1959 г. материалы диссертационного исследования под названием «Обучение русскому произношению учащихся марийских школ» были опубликованы Академией педагогических наук РСФСР в качестве пособия для учителей.

Являясь научным сотрудником сектора финно-угорских языков Института языкознания Академии наук СССР в течение более чем 30 лет (1958—1989), Евгения Ивановна занималась изучением вопросов родного марийского языка. Вся ее научная деятельность, все ее достижения в области марийской лингвистики были связаны с данным ведущим языковедческим центром страны. В институте она трудилась рядом с такими известными финно-угроведами, как доктора филологических наук К. Е. Майтинская и В. И. Лыткин, академик Б. А. Серебренников (надо заметить, в годы её работы именно они возглавляли сектор), как кандидаты филологических наук А. П. Феоктистов, Т. И. Тепляшина, Ю. С. Елисеев, Р. М. Баталова, Г. И. Ермушкин, Е. И. Ромбандеева, Н. И. Терешкин и др. Понятно, что Е. И. Коведяева вела свои исследования в рамках научно-исследовательского плана института, в русле проблематики, предусмотренной сектором. Так, она участвовала в подготовке ряда коллективных монографий института как автор больших разделов о марийском языке: «Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки» (М., 1966), «Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские, угорские языки» (М., 1976), «Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам» (М., 1978). Принимала участие в реализации проекта (в разработке монографии по марийскому языку из серии) «Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам», международной программы (в подготовке монографии по марийскому диалекту из серии) «Унифицированные исследования диалектов уральских языков». Написала обзорные статьи о марийском языке для таких известных энциклопедических изданий, как «Большая советская энциклопедия. Т. 15» (М., 1974), «Лингвистический энциклопедический словарь» (М., 1990), «Языки мира: Уральские языки» (М., 1993).

Первой монографической работой Евгении Ивановны по лингвистике стала книга «Проблемы акцентуации марийского языка» (М., 1970), посвященная словесному ударению. В ней подробно (начиная с первых грамматик) освещена история изучения марийского ударения, рассмотрено место ударения в марийском слове, на материале моркинско-сернурского говора лугового наречия представлена спектральная характеристика марийских гласных в зависимости от их ударности и безударности. Анализ материала проведен в целом на основе слухового восприятия, но при этом впервые обработаны показатели, полученные на спектрометре (тогда на одном из «новейших средств акустического анализа звуков речи» [Коведяева 1970: 100]). Марийские факты нередко изложены в сравнении с данными соседних тюркских и финно-угорских языков.

Монография «Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (марийский язык)» (М., 1987) является первым и единственным опытом описания ареальных явлений в марийском языке, где выделяются четыре основных наречия. Она написана на базе фонетических и морфологических диалектных фактов, представленных в специальной литературе и также зафиксированных самим автором. В ней, охватывающей весь ареал функционирования марийского языка, определены границы распространения «наиболее характерных языковых явлений в марийском», по мере возможности, выявлены «изоглоссы фонем и морфологических показателей, их схождение и расхождение, центры возникновения инноваций, их направленность, “островной” характер некоторых явлений» [Коведяева 1987: 6]. Что ценно, территориальное распределение языковых фактов получило авторское объяснение с учетом исто-

рии марийского народа и его языка, а также хозяйственной и этнографической специфики различных районов Волжско-Камского региона.

В соответствии с «Инструкцией по единообразному описанию диалектов уральских языков» (разработана в секторе финно-угорских языков Института языкознания и опубликована под редакцией Ю. С. Елисеева в 1988 г., в том же году одобрена специальной международной комиссией в Будапеште), написана и выпущена монография «Кунгурский (пермский) диалект марийского языка» (М., Гамбург, 1991). Подвергнутый исследованию диалект «бытует на территории Ачитского и Артинского районов Свердловской обл., а также Суксунского района Пермской обл.» [Коведяева 1991: 10]. Источником исследования послужили материалы, собранные среди носителей самим автором (еще в 1960-х гг.), а также опубликованные финским ученым А. Генецом еще в 1889 г. В работе представлено полное описание кунгурского диалекта восточного наречия — его фонологии, морфонологии, словообразования, морфологии и синтаксиса. В конце книги в качестве приложения приведены образцы диалектной лексики (около 500 слов) и образцы речи (два кратких текста о религиозных праздниках и три сказки) с переводом на русский язык.

Как видно, Е. И. Коведяева внесла значительный вклад в развитие не только марийской лингвистики, но и всего финно-угроведения в стране. Однако огромны её заслуги прежде всего в исследовании марийского языка, его фонетической и морфологической системы (включая ареальные явления в области фонетики и морфологии), диалектов. Имеют большую научную ценность её достижения в изучении особенностей марийского ударения и категории падежей, а также маргинального кунгурского (пермского) диалекта.

Литература

Апакаев 2002 — *Апакаев П. А.* Образование и просветительское движение в Марийском крае (историко-педагогические очерки). Йошкар-Ола, 2002. {*Апакаев P. A.* Education and educational movement in the Mari region (historical-pedagogical essays). Yoshkar-Ola, 2002.}

Коведяева 1970 — *Коведяева Е. И.* Проблемы акцентуации марийского языка. М., 1970. {*Kovedyaeva E. I.* The problems of accentuation in the Mari language. M., 1970.}

Коведяева 1987 — *Коведяева Е. И.* Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (марийский язык). М., 1987. {*Kovedyaeva E. I.* Areal studies of the eastern Finno-Ugric languages (Mari). M., 1987.}

Коведяева 1991 — *Коведяева Е. И.* Кунгурский (пермский) диалект марийского языка. М.; Гамбург, 1991. {*Kovedyaeva E. I.* The Kungur (Perm) dialect of the Mari language. M.; Hamburg, 1991.}

РЕЗЮМЕ

В статье представлен краткий обзор жизни и научного творчества марийского лингвиста Евгении Ивановны Коведяевой — старшего научного сотрудника сектора финно-угорских языков Института языкознания Академии наук СССР. Освещается значительный вклад исследователя в развитие марийского языкознания и в целом финно-угроведения. Ею опубликовано 4 монографии — по методике обучения русскому произношению учащихся марийских школ и по проблемам марийского языкознания (фонетики, ареальной лингвистики, диалектологии).

SUMMARY

The paper gives a brief overview of career and scientific work of the Mari linguist Eugenia Kovedyaeva, who was a senior researcher at the Finno-Ugric Department of the Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences. The article presents a significant contribution the researcher has made to the development of Mari and the Finno-Ugric linguistics. Kovedyaeva published 4 monographs: on the methodology of teaching of Russian pronunciation for the Mari school students and on the problems of the Mari linguistics (phonetics, areal linguistics, dialectology).

Ключевые слова: методист, лингвист, марийский язык, фонетика, ареальная лингвистика, диалектология

Keywords: methodologist, linguist, the Mari language, phonetics, areal linguistics, dialectology

Сибатрова Серафима Сергеевна, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева (Йошкар-Ола); simasibatrova802@rambler.ru

Serafima S. Sibatrova, Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev (Yoshkar-Ola); simasibatrova802@rambler.ru

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use ‘single quotes’ for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — *Mongolian-English Dictionary* / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // *Зарубежная тюркология*. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // *Лексикографический сборник*. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // *A magyar nyelv kézikönyve* / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // *Uralic languages today* / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // *ВЯ*. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // *Central Asiatic Journal*. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Редактор
Е. В. Ковалева

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Elena Kovaleva

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >